

№7-8
Июль-август 2006

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

РОССИЯ, МОЯ ЛЮБОВЬ

МЫ ДОЛЖНЫ СТРОИТЬ МИР БЕЗ ВИЗ

ЗВЕЗДА МЕДЕИ ЧАХАВА

СВЕТ И ТЕНЬ БОРЖОМИ

Внешторгбанк
энергия успеха

www.vtb.ru

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Курхули, Алена Деняга

№7-8
(10-11)
Июль-август 2006

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАДИЦИЯ	ЧИТАЕМ, ЗНАЧИТ МЫСЛИМ	4
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	МЫ ДОЛЖНЫ СТРОИТЬ МИР БЕЗ ВИЗ	6
ГАСТРОЛИ	ДУХОВНЫЕ НАСЛЕДНИКИ МИХАИЛА ТУМАНИШВИЛИ	12
НАГРАЖДЕНИЕ	ЗВЕЗДА МЕДЕИ ЧАХАВА	15
МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА	БРАТЬЯ ЗДАНЕВИЧИ. ТБИЛИСИ – ПАРИЖ	20
СОЦИУМ	СВЕТ И ТЕНЬ БОРЖОМИ	28
ЛИТЕРАТОРИЯ	НАШ ГАМЛЕТ	30
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	«ДРУЗЕЙ МОИХ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ...»	36
КОРНИ РОДА	С КИНОКАМЕРОЙ ПО ЖИЗНИ	38
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	РОССИЯ, МОЯ ЛЮБОВЬ	42
СВЕРХЗАДАЧА	«ХОЧУ СОЗДАТЬ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ТЕАТР!»	47
ПАЛИТРА	ПОСТИЧЬ НЕСКАЗУЕМОЕ	50
СТИЛЬ ЖИЗНИ	ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ БУБА	54
ВЕРНИСАЖ	ТАМ, ГДЕ ЦВЕТОЧЕК АЛЕНЬКИЙ	60
ПРЕМЬЕРА	ВОЗВРАЩЕНИЕ «ОНЕГИНА»	62
ЗНАЙ НАШИХ!	«МЕНЯ СПАС ТЕАТР»	64
ЮБИЛЕЙ	ПУТЬ К СЕРДЦАМ ЧИТАТЕЛЕЙ	66
О, СПОРТ!	МОЦАРТ ГИМНАСТИКИ	68
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ОТ БАЙРОНА ДО НАШИХ ДНЕЙ	72
ПРОЩАНИЕ	СЛОВО О ДРУГЕ	74

ЧИТАЕМ, ЗНАЧИТ МЫСЛИМ

В нашей жизни не так много путей к истине, и так часто мы плутаем, даже не находя одного. Единственный «капитал», который выдержит любой дефолт и поможет нам, это, пожалуй, наши знания и мысли. Фома Аквинский говорил: «Пусть мысли, заключенные в книгах, будут твоим основным капиталом, а мысли, которые возникнут у тебя самого, - процентами на него».

Иосиф Бродский называл книги своими главными учителями. Обрекая себя на «бескнижье», отказываясь от словесности, сужая свой лингвистический и литературный кругозор, мы, следуя его же мысли, легко сделаемся достоянием демагога или тирана. Ведь мысли и книги связаны непосредственно. «Люди перестают мыслить, когда перестают читать», - утверждал Дени Дидро.

В Тбилиси на территории выставочного комплекса Экспо Джорджия прошла очередная книжная ярмарка. По огромному залу, поделенному между самыми различными издательствами, представляющими всевозможные книги, сосредоточенно прогуливались тбилисские читатели, среди которых можно было заметить много известных лиц, в том числе поэтов, писателей, переводчиков. Все грузинские издательства демонстрировали свой товар, приехали с книгами и из других стран: России, Германии, Франции... Фестиваль тем временем шел своим чередом: в одном конце зала - детские конкурсы, викторины, призы, в другом - выступления, презентации новых книг.

У раздела российского издательства «Новое литературное обозрение» мы встретили министра образования и науки Грузии Каху Ломаю вместе с его сыновьями.

- Книжные фестивали проводятся с 1997 года. С каждой следующей выставкой фестиваль становится все более масштабным. Каждый год удваивается количество посетителей и проданных книг, поэтому для той эпохи, в которой мы живем, когда книга перестала быть единственным источником получения информации и поставлена в условия жесткой конкуренции с Интернетом и другими

технологиями, очень важно, что в нашей стране развивается издательский бизнес. И в этом случае фестиваль очень серьезно способствует этому делу. В ближайшем будущем правительство планирует принять целый ряд законодательных мер для того, чтобы поставить этот бизнес в более благоприятные условия.

- Вы верите в светлое будущее книги по сравнению с Интернетом?

- Обязательно. Просто меняется форма, книга будет одним из источников информации и станет мирно сосуществовать с другими, никто и ничто не сможет вытеснить ее. Например, учебники в печатном виде дополняются компакт- и DVD-дисками.

- Что вы для себя здесь нашли?

- Очень многое. Для нашего семейного бюджета это серьезный вызов, но для всех возрастов и всех вкусов здесь можно найти книги.

Перегруженный сумками с книгами, министр отошел, а мы задержались у представителей русского издательского дома «Новое литературное обозрение».

- На фестивале мы впервые, - говорит Ирина Гачечиладзе, директор по авторским правам издательства, - хотя уже довольно давно про него знаем, общались с грузинскими коллегами, в качестве посетителей здесь бывали, но со стендом, как полноценные участники, на фестивале в первый раз. На самом деле мы приехали не столько для розничной продажи, а скорее для того, чтобы наладить контакты, познакомиться с издателями, книжными распространителями. Мы хотим понять, какова ситуация, насколько высок интерес к русской книге, и в частности, к книгам нашего издательства, и я думаю, что это перспективно.

Фото: И. Чавачири

- *Есть интерес к современной русской литературе?*

- Определенный. Удивительно даже то, что читатели, читательская аудитория, гораздо более осведомлены о состоянии современной российской словесности, чем мы могли ожидать. Конечно, кто-то приходит впервые, для кого-то это в новинку, но многие знают наш журнал, читают его по Интернету, выписывают книги, покупают, быть может, когда бывают в Москве.

- *Есть какие-то перспективы взаимного сотрудничества?*

- Мы надеемся на налаживание контактов.

- Существуют проблемы с таможенным оформлением, - говорит Карина Арзумян, начальник отдела реализации издательства «Новое литературное обозрение» - с доставкой грузов. Как ни странно, но очень важен и такой смешной аспект, как транспорт, сейчас из-за него фактически все стоит. Если у здешнего магазина есть возможность забирать книги в Москве, тогда мы работаем. Потому интерес остается нереализованным, и тогда нам приходится только приезжать и привозить самим.

- *Есть ли в России интерес к современной грузинской литературе?*

Ирина Гачечиладзе: - Пока трудно говорить о каких-то конкретных примерах, я думаю, потенциально интерес есть, и, в общем-то, мы приехали за этим тоже, чтобы узнать состояние современной грузинской литературы, которая, как мы видим, развивается очень активно, хорошо. Такое количество молодых писателей, издателей - это восхищает. По общему представлению, ощущению я бы сказала, что интерес в России к Грузии вообще, к грузинской культуре по-прежнему высок и в последнее время ничуть не меньше.

... Будущее расслаивается, множится на множество разных направлений. Сегодня прежнее восприятие извне на время потеснит восприимчивость изнутри: иначе говоря, на смену стереотипам придут типы местной восприимчивости к той или иной культуре, образу жизни и так далее, обус-

ловленные желанием приобщиться к общей европейской семье. Главное - выйти из культурной и информационной изоляции. Глеб Шульпяков писал сравнительно недавно: «Привыкшая к обмену культурных веществ, Грузия до сих пор не может пережить вакуум, в котором она оказалась».

Искусство, и литература не в меньшей степени, основано на доверии, иначе не были бы восприняты ни один звук, ни одна нота, ни любой оттенок краски, ни одна мысль. Потому оно является прекрасной точкой отсчета. И необходимо, по крайней мере, для начала иметь доступ к этому. В одной из статей Вячеслав Курицын говорит: «Для того чтобы процесс шел, для того чтобы поэзия развивалась, чтобы она нормально функционировала в обществе, доходила до людей, причем именно до тех людей, которым нужны именно эти стихи. Нужны не только критики, но и литературные клубы, издания, литературные премии». В том числе нужны и такие фестивали. Ведь, при всем понимании геополитических и экономических интересов, главное - близость культурная.

Кто-то когда-то сказал: «Вовремя прочитанная книга - огромная удача. Она способна изменить жизнь, как не изменит ее лучший друг или наставник». Ведь человек, который знает, зачем живет, может выдержать почти любое испытание. Хочется надеяться, что именно книги - по сути самые надежные спутники жизни - помогут нам в понимании себя и того, что нас окружает (как писал Марк Аврелий, «наша жизнь есть то, что мы о ней думаем»), и в отношениях друг с другом на любом уровне, да и просто в ежечеловечности.

ИННА КУЛИШОВА

МЫ ДОЛЖНЫ СТРОИТЬ МИР БЕЗ ВИЗ

«Оранжевая девочка» Ирма Сохадзе, еще в детстве пережив звездный взлет на эстраде, не потеряла своей высоты и сейчас. Народная артистка Грузии, кавалер Ордена Чести, действительный член Евразийской Академии телевидения и радио, исполнительница и автор песен, она выступает и в Грузии, и в России. В декабре ей предстоит сольный концерт в Москве, в зале Чайковского со знаменитым оркестром Вивальди под управлением уникального дирижера и скрипача Светланы Безродной.

Сохадзе убеждена: «Мы должны строить мир без виз». Идею «Мир без виз» быстро подхватила «Российская газета», а точнее, заместитель главного редактора Ядвига Юферова. И редакция открыла у себя серию вечеров стран СНГ - с легкой руки Ирмы. Первым прошел вечер «Мир без виз. Москва с грузинским акцентом», на который пришли грузины и русские, известные люди и просто друзья. Встреча получилась замечательной. Ее пикантную

остроту ощущали все – она проходила в самый разгар «винной войны» между Россией и Грузией. Но это нисколько не помешало литься грузинским и русским песням, вину и воспоминаниям о Грузии – то смешным, то грустным. Тем более, что вместе с Ирмой Сохадзе на сцене были мастера своего дела фотожурналист Юрий Рост, исколесивший с камерой всю Грузию вдоль и поперек, и Аркадий Арканов, сорок лет назад вместе с Григорием Гориным

написавший текст знаменитой песни, которую пел весь Советский Союз.

Предлагаем беседу с юбилярами «Оранжевой песни» ИРМОЙ СОХАДЗЕ и АРКАДИЕМ АРКАНОВЫМ.

- Расскажите каждый свою версию - глазами восьмилетней девочки и глазами командировочного человека, сидящего за шедрым грузинским столом... Как родилась песня, которую и через 40 лет угадает каждый с двух слов и с двух нот?

Арканов

- Моя версия простая. Только я должен сделать вступление. Первый раз я попал в Тбилиси в 1960 году, делал текстовую программу для эстрадного грузинского оркестра «Реро», которым управлял замечательный композитор, потрясающий человек Константин Певзнер. Когда после двух месяцев я вернулся из Грузии, жена открыла дверь и всплеснула руками: «Боже мой, что случилось?» На мне был 50-й размер, а уезжал я в костюме 46-го... Я не мог отказаться от обилия потрясающе вкусной еды. От удивительных по душевности компаний. Это Костя познакомил меня с Ирмой...

Сохадзе

- Я звала его всю жизнь дядя Котик.

Арканов

- И говорит он мне, что есть удивительная девочка, которая поет джаз как Элла Фицджералд. Но хорошо бы ей свою песню сделать. И мы тогда вместе с моим другом Григорием Гориным стали сочинять слова на музыку, которую показал Певзнер.

Сохадзе

- Да, действительно все так и было, как Аркадий Михайлович сейчас рассказал. Хотя в восемь лет не все понимаешь, а только потом осознаешь, когда три взрослых человека садятся, чтобы сделать что-нибудь хорошее для маленькой девочки, то это у них гениально выходит.

- А как появился столь актуальный образ – оранжевый?

Арканов

- Был в «Реро» конференсье, замечательный человек Гия Чиракадзе. Слава богу, живущий сейчас. Он утверждает, что идея эта возникла у него дома. Оказывается, мы сидели, ели, пили, и он показал мне какую-то картину в странных оранжевых цветах...

Сохадзе

- Тогда, по-моему, уже была песня «Пусть всегда будет солнце». Может, не пейзаж, а то солнце вдохновило? Оранжевого цвета в таком количестве, чтобы в припеве восемь раз повторялось, не было нигде и никогда.

- Долго ли вы текст писали? Говорят, не успели полторы бутылки «Цинандали» выпить.

Арканов

- Клевещут. Две с половиной. Это писалось на одном дыхании. Но я не предполагал, что она станет такой популярной.

Сохадзе

- Как нынче говорят, хитом. Она до гениальности проста по тексту и музыке. Я не припомню другого

шлягера, который сорок лет жил бы в памяти. Оранжевые мамы оранжевым ребятам оранжевые песни оранжево поют... Сейчас так мало песен, которые мы вместе поем. А «Оранжевую песню» люди запели, как только услышали. Премьера ее состоялась в московском саду «Эрмитаж». Я пела взрослый репертуар, грузинские, американские песни, даже несколько песен из репертуара Робертино Лоретти, он был тогда невероятно популярен. Меня почему-то все время с ним сравнивали. У нас был свой «ответ Чемберлену» - оранжевая девочка Ирмочка. То есть я. Куда бы я ни приезжала, меня носили на руках...

Арканов

- Я работал тогда в журнале «Юность» внештатным редактором отдела сатиры и юмора, но написал серьезную статью «Восемь с половиной», посвященную вот этой девочке.

Сохадзе

- Статья, из-за которой я потом комплексовала всю жизнь.

Арканов

- Почему?

Сохадзе

- Перехвалили вы меня там. Концовка мне до сих пор не дает покоя.

Арканов

- А я смысл ее помню и сейчас. Что жизнь - довольно сложная вещь. Не все вундеркинды становятся звездами. Но, дай Бог, чтобы из этой девочки возникла суперзвезда в этом жанре. Но ничего страшного не будет, если вырастет просто талантливый человек.

- В какой мере сбылся прогноз Арканова?

Сохадзе

- Всю жизнь у меня был единственный конкурент - мое детство. Меня все время со мной сравнивали: «В детстве она, конечно же, пела лучше...» Вообще-то мое детство меня все время обязывало, подхлестывало, подталкивало. Грузины, вы же знаете, талантливый, но довольно ленивый народ, а я чистокровная грузинка. Ничего не деланье в нас очень сильно. С другой стороны, мы очень амбициозны: мама будет переживать, если я брошу петь. Поэтому я закончила консерваторию, долго работала на телевидении, веду музыкальные марафоны, выступаю с концертами, в масштабах Грузии достигла всего - званий, положения.

- А приходилось ли встречаться с Робертино Лоретти, где он сейчас, чем занимается?

Сохадзе

- Как-то почетными гостями на детский фестиваль в Казахстан нас пригласила Сара Назарбаева, этаких «ветеранов детства». Там я впервые встретила с Робертино. Он не поет совсем, хотя у него и неплохой баритон. Профессия у него совсем другая, он бизнесмен. Робертино напел несколько песен. «Санта Лючия» звучала, но уже за душу не брала. Из детства мало кто остался, разве что Тамара Гвердцители поет, да девочки из ансамбля «Мзиури». И я пою...

- В России Тамару очень хорошо знают и любят, а вот Ирма Сохадзе потерялась.

Сохадзе

- И не надо об этом переживать. В Москве у вас и так засилье грузин. Но пренебрегать «оранжевой памятью» я не буду. Сейчас захожу в магазин, разговорились с продавцом. А вы откуда? Из Тбилиси. Что-то мне ваше лицо знакомо.

Сохадзе

- И когда я в Москве говорю, вряд ли вы меня помните: я женщина, которая когда-то будучи девочкой пела «Оранжевую песню». Как же мы не помним?! Милочка, родная, дорогая. В десять лет раз приезжать в Москву и встречать вот такую любовь, такую память о себе. Как будто бы вчера мы с вами расстались. Но это, я думаю, не только в песне дело. А как раз в том, что россияне и грузины издавна просто любили друг друга. По-настоящему любили. Как бы политики ни старались иногда сплотить нас больше, чем это возможно по законам физики, а потом разнять, оторвать больно друг от друга, все равно мы культурно и исторически очень близки.

- Хотя мы стали уже друг к другу ездить по визам.

Сохадзе

- Вначале мне это было дико, ненормально, как это я к своим друзьям по визам ездить буду?! Но ко всему человек привыкает. Сейчас это уже нормально, что я месяц ждала визу. Ваш посол, чудеснейший человек, мне любезно предоставил годовую, хотя я просила трехмесячную. Но я по-прежнему убеждена, что мы должны строить мир без виз.

- А в какой степени теперь присутствует в Грузии русский язык?

Сохадзе

- В минимальной. В школах его преподают как иностранный. Дело даже не в статусе, а в том, что русский язык сегодня в Грузии практически не звучит. Разве что в театре Грибоедова, которому очень трудно жить. На телевидении ничего не осталось, только получасовая передача новостей на первом канале.

Грузины теперь говорят на родном грузинском, который мы обожаем, а потом на американском английском, и все наши вывески стали грузино-английские... Вся деловая жизнь - на английском, у нас много зарубежных фирм.

В этом ничего плохого нет. Дети наши Диккенса читают в оригинале - я ничего против не имею. Я даже за то, чтобы они учили японский впридачу. Но не за счет русского. У нас все делается в ущерб чему-то. Это меня удручает. Искоренять культуру, которая столько веков шла рядом и обогащала всех нас, это мне не нравится как музыканту. Чего греха таить, ситуация в стране такая, что русскоязычное и российское не поощряется.

Я стараюсь если не противостоять этому, то хотя бы выразить свою позицию, чтобы в Москве не считали, что вся грузинская интеллигенция такое положение приемлет.

Арканов

- Прошлым летом отмечалось 80-летие со дня рождения Певзнера в Тбилиси. Меня поразило зал филармонии, который был забит до отказа. У меня было

Дорогим читателям и
издателям "Русского клуба"
с признательностью
и самыми добрыми
пожеланиями.

Всегда Ваша

Ирина Сохац

И. Сохадзе, Ю. Рост и А. Арканов

ощущение, что я их видел когда-то раньше, в какое-то другое время, и они теперь тоскуют от отсутствия братства. Введение термина «лицо кавказской национальности» считаю страшной ошибкой. И неизвестно, к каким последствиям это еще приведет.

- Один наш коллега однажды опубликовал в знак протеста целый манифест: «Прошу считать меня лицом кавказской национальности».

Арканов

- Точно так же относились к евреям до тех пор, пока не начался их массовый отъезд в Америку и Израиль. Но тот главный раздражитель ушел на второй план. Сейчас на первое место вышла кавказская национальность. Один чеченец, мой друг, живущий в Москве, потрясающе образованный человек, лишенный каких бы то ни было предрассудков, сказал мне: ну почему же когда преступника задерживают, сразу говорят о кавказской наружности, но не говорят о русской или еврейской?

- Сегодня в России по разным данным находятся миллионы законных и незаконных гастарбайтеров, в том числе немало грузин. А вот грузинские артисты считают ли для себя привлекательной Россию?

Сохадзе

- Мне кажется, что сейчас меньше, чем в прежние годы. Мои коллеги, которые приехали в Москву где-то 10-15 лет тому назад, уже прижились. Те же Тамрико Гвердцители, Сосо Павлиашвили, Буба, не говоря уже

о Нани. Нани сейчас все время в Москве находится, когда желает - выступает, когда нет - отдыхает, она с внуком живет здесь.

- Вы о Нани Брегвадзе говорите?

Арканов

- Да, и о Вахтанге Кикабидзе.

Сохадзе

- Кстати, Буба книгу написал и назвал ее «Я лицо кавказской национальности». В общем, новых имен и лиц все меньше и меньше. Вот сейчас А-студия пригласила Кети Топуриа - очень хорошую девочку, я очень рада за нее. А вот так, чтобы мы сделали программу, приехали не в клубах и ресторанах петь, а хороший концерт дать в Москве, - нет. Не в обиду скажу российскому шоу-бизнесу: так же, как и у нас, качественным продуктом мало кто заинтересован. Сейчас смутная эпоха звезд-полуфабрикатов. Я очень надеюсь, что мы будем приезжать и хорошие серьезные концерты давать.

Арканов

- Это в Ирме говорит оранжевый оптимизм. Я-то считаю, что и в России той самой культуры, о которой говорит Ирма, уже тоже очень мало. Я сам не принадлежу к шоу-бизнесу. Для меня жизнь - это огромная многоэтапная эстафета, где на каждом этапе бежит одно поколение, которое передает эстафетную палочку - культурное наследие - следующему поколению. Если ее уронить или неграмотно передать, то это зна-

чит, всей командой, как в спорте, откатиться назад. Российский шоу-бизнес (наверное, это и Грузии касается) ориентирован на американский. Шоу-бизнес был в Америке, есть и будет, это особое дело. Но при этом классическая музыка собирает огромные залы. Невозможно купить билеты, хотя они и дорогие. Почему там это может сосуществовать, а у нас все абсолютно подмято шоу-бизнесом? Когда я говорю о передаче эстафетной палочки и о присутствии российской культуры в Грузии и грузинской культуры в России, имею в виду наши общие проблемы. Остановите сейчас в Москве 100 прохожих и спросите, кто автор «Витязя в тигровой шкуре»? Вы не получите ответа. В лучшем случае Церетели вспомнят, Зураба.

Сохадзе

- Театр Руставели, который был в Москве на гастролях, собирает хорошие залы, Робико Стура - гениальный режиссер, его оценил уже весь мир. Как и Резо Габриадзе, который ставит прекрасные кукольные спектакли.

- **Ирма, через что уже прошли в Грузии, как вы живете после «революции роз»?**

Сохадзе

- Ничего особенного не произошло. Если честно, лучше не стало. Но может, не стало и хуже. Самое плохое, что сейчас происходит в Грузии, это прервана связь, преемственности нет. Почему-то наше молодое правительство решило, что карты в руки - только молодым, за сорок - ты уже балласт, ненужный человек. С телевидения ушли практически все профессионалы.

- **Вы, Ирма, были одним из руководителей Первого канала...**

Сохадзе

- Это уже тоже было вчера.

Арканов

- Когда я приезжал раньше в Тбилиси в советские времена, у меня было ощущение, что смотрю потрясающий музыкальный солнечный стереоскопический фильм. Вот в этом я купался и уезжал с этим. А теперь - я смотрю черно-белое кино, немое, без музыки.

- **В начале 90-х была серьезная волна художественной миграции?**

Сохадзе

- Тогда уехала половина, если не больше, творческой интеллигенции в Америку. В Европу меньше.

Арканов

- Гия Канчели - он сейчас где?

Сохадзе

- Гия в Германии. Мои две ближайшие подруги музыканты - одна в Чикаго, а вторая в Вашингтоне. Я бы, наверное, тоже уехала, чего греха таить? Просто если бы не муж Резо, не дети Саломейка и Наташка, не мама, папа, родственники и друзья, я бы давно уехала. Потому что иногда хандра на меня накатывает: прошла жизнь при сплошных переменах.

- **Скажите, Ирма, что сегодня любят в Тбилиси?**

Сохадзе

- Ой, опять-таки, все, что и раньше любили. Хорошее застолье, приятные встречи. Как моя тетка сказала: нам надо этнографические уголки устраивать в

Грузии, чтобы было застолье, чтобы туристы смотрели, как мы любим друг друга, как поем шестиголосьем, как говорим тосты друг другу.

Мы любим людей по-прежнему. Но, конечно, люди стали холодными, очерствели. У всех свои проблемы. Уж очень много было всего на нашу голову за эти последние 15 лет после горбачевской... Как это называлось?

Арканов

- Перестройка.

Сохадзе

- Да, вот и перестраиваемся по сей день, никак не перестроимся.

- **На такой ноте оранжевая встреча не может заканчиваться. Поэтому придется крыть последним козырем о великой и нерушимой связи наших культур. Если еда - это тоже искусство, то грузинская кухня многих москвичей просто взяла в плен, не уступая по количеству ресторанов китайцам и японцам...**

Напротив Бабаевской фабрики в Москве появилось грузинское кафе. Случилось это как раз во времена, когда по телевизору дипломаты обеих стран пугали «адекватными мерами» и вводили визовый режим. За одну ночь над входом появилась вывеска: «Грузинская и русская кухня. Кафе «Два друга». В память о Михаиле Егорове и Мелитоне Кантария, водрузивших знамя Победы над рейхстагом».

Вот такая народная дипломатия.

ЯДВИГА ЮФЕРОВА

Театр киноактера имени Михаила Туманишвили показал в Москве три своих лучших, причем очень разных, спектакля - «Вишневый сад» Чехова в версии Гоги Маргвелашвили, «Свободная пара» Дарио Фо в режиссуре Кети Долидзе и «Национальный гимн» в постановке Михаила Мармариноса. Гастроли коллектива стали ярким событием театральной жизни Москвы.

Рассказывает худрук театра имени Туманишвили и ректор Грузинского университета театра и кино **Гоги Маргвелашвили**: Гастроли организовали правительство Москвы с активным участием первого заместителя премьера московского правительства Людмилы Швецовой, президент Российской академии художеств Зураб Церетели, руководитель Фонда содействия диаспорам «Кредо» Виссарион Хвинтелиани и международный культурно-просветительский союз «Русский клуб»...

- Как в Москве восприняли ваши постановки?

- Гастроли были нелегкими на фоне нынешних грузино-российских взаимоотношений. Перед гастролями мы долго спорили: ехать или не ехать? Но в конце концов вместе с принимающей стороной решили, что как раз в такое время и лучше провести гастроли. Все считают, что такое положение вещей ненормально, его

ДУХОВНЫЕ НАСЛЕДНИКИ МИХАИЛА ТУМАНИШВИЛИ

Сцена из спектакля «Вишневый сад»

Сцена из спектакля «Вишневый сад»

надо исправлять, восставивать добрососедские отношения. В этом контексте особая миссия возлагается на деятелей культуры... А общались мы со многими. В самом театре Моссовета такое созвездие актеров, что позавидует любой театр... Тот же Сергей Юрский.

Когда мы решили взять «Вишневый сад», это уже само по себе рождало много вопросов. Российские зрители и профессиональные критики избалованы самыми разными интерпретациями чеховских пьес, особенно «Вишневого сада». Так что какой-то элемент авантюры в решении показать его россиянам был. К счастью, профессиональная критика приняла спектакль очень хорошо и дала высокую оценку как режиссерскому решению, так и уровню актерского мастерства. Так же высоко были оценены два других спектакля – «Национальный гимн» и «Свободная пара». Принципиально важно то, что мы впервые предстали перед московским зрителем без спектаклей Михаила Туманишвили, показали репертуар, созданный после его кончины.

– Как критики оценили концепцию вашего «Вишневого сада»?

– Они отметили новизну в решении линии Лопихина, в его взаимоотношениях с Раневской, мотивации поведения этого героя. Была воспринята и концепция спектакля, отмечена игра актеров Нинели Чанкветадзе, Георгия Роинишвили, Пааты Бараташвили, молодого поколения...

Что касается других спектаклей... «Национальный гимн» Михаила Мармариноса по форме несколько необычен. Это чистая импровизация! Спектакль рождался буквально на репетициях – в соответствии с идеей и структурой режиссера-постановщика... Это отличие «Национального гимна» от других спектаклей.

«Свободная пара» Дарио Фо – одна из самых популяр-

ных пьес, она очень часто ставится. Это бенефисная пьеса для двух исполнителей, где есть возможность проявить актерское мастерство. Но для того, чтобы эти два актера заработали, нужен режиссер. Спектакль нужно было придумать, выстроить, что и сделала Кети Долидзе... Он был принят очень хорошо.

Сегодня Театр киноактера продолжает традиции, заложенные Михаилом Ивановичем Туманишвили, бережно хранит его память.

Заведующая литературной частью театра киноактера **Манана Антадзе**, которую связывали с режиссером давние дружеские и профессиональные отношения, возглавила Фонд имени Михаила Туманишвили.

– Когда вспоминаешь Михаила Ивановича, в сознании всплывает слово «высоконравственность». На мой взгляд, человек, который говорит сегодня со сцены о проблемах морали и нравственности, – это Гоги Маргвелашвили. Вспомним его спектакль «Джюльетта и Ромео»...

Тут главная мысль: Джульетту погубили все! Она хочет любить, но ответной любви – такой, какой она ждет, нет. Этот спектакль читают по-разному... Гоги очень четко расставляет акценты. Аристократизм его режиссуры завораживает. Гоги – человек театра, образованный, с развитым интеллектом, настоящий интеллигент. Маргвелашвили – один из учеников Михаила Туманишвили. Иногда спрашивают: а есть ли у его учеников нечто общее? Абсолютно ничего, кроме любви к театру. Михаил Иванович им говорил: «Театр – это самое главное в вашей жизни. Любите его! Он вернет вам в тысячу раз больше того, что вы отдадите ему». Конечно, Михаил Иванович обучал актеров и режиссеров, был отличным педагогом. Но помимо этого он передавал им что-то еще – какие-то знаки творчества. Кто мог воспринять, тот воспринял. Гоги – из их числа. Многому научились у Туманишвили Кети Долидзе, Нугзар Багратиони-Грузинский. Михаил Иванович помогал всем выявить себя.

Когда Михаил Туманишвили ушел из жизни – это было в 1996 году, у нас возникло ощущение пустоты. Но очень скоро мы осознали, что его нет, но театр должен жить. И начали думать о будущем. Были споры. Поставить ли «Вишневый сад» Туманишвили, почти уже им заверченный? Оставить ли в репертуаре тот или иной его спектакль? Куда творчески двигаться, в какой стилистике работать? После 1996 года мы выпустили много разных спектаклей. И вот постепенно, через десять лет, начинается настоящая жизнь театра... Я делю тридцатилетнюю историю театра на периоды. Первые десять лет – очень яркие, когда в театре было создано самое лучшее. Михаил Иванович выкладывался полностью, и все его знаменитые спектакли поставлены

именно тогда. Вторые десять лет – успешные, триумфальные гастроли. То, что было сделано, мы показали всему миру... Последние десять лет были годами творческого поиска. И театр наконец вновь обрел себя. Споры о стилистике, методике бесплодны. Все приходит с режиссером. Пришел режиссер – пришел его стиль и метод...

Во время всех этих перемен киностудия стала разваливаться, превратилась в акционерное общество. И мы думали, что театр прекратит свое существование – ведь мы числились при киностудии как съемочная группа. И вот тогда родилась идея создания Фонда развития театрального искусства имени М. Туманишвили – ради спасения театра... Будучи президентом фонда, я встретилась с президентом Грузии Эдуардом Шеварднадзе. И он издал указ о том, что наш театр будет существовать даже при малом бюджете в качестве действующего музея – театра имени М. Туманишвили. Это нас спасло... Киностудию не закрыли. Мы стали сначала театром мэрии, а теперь уже, кажется, принадлежим Министерству культуры, охраны памятников и спорта Грузии. Словом, театр сегодня – юридическое лицо.

- В чем вы видите главную задачу вашего фонда?

- В первую очередь – в сохранении наследия Ми-

Сцена из спектакля «Свободная пара»

Сцена из спектакля «Национальный гимн»

хаила Туманишвили, его архива, спектаклей в театре... В нашем репертуаре сейчас три постановки Михаила Ивановича – «Свиньи Бакулы», «Наш городок» и «Амфитрион». Цель фонда – способствовать развитию театрального искусства, поддерживать новаторские проекты, организовать экспериментальную творческую лабораторию, проводить конкурсы, мониторинги и международные «круглые столы».

После кончины Туманишвили Нугзар Багратиони-Грузинский поставил спектакль по произведению Нодара Думбадзе – нам удалось получить деньги из президентского фонда... Но фонд поначалу работал не очень активно. А в прошлом году я получила много писем от зарубежных коллег, которые предлагают сов-

местные проекты. Я предложила Гоги Маргвелашвили откликнуться на эти предложения – ведь фонд в этом случае заработает. Мы обговорили проекты и решили, что открываются неплохие перспективы. У меня есть связи с США, Францией, Италией, возможно, с Германией.

Самое интересное предложение пришло из США. Уже подписан договор с AGICR (Американско-грузинская инициатива по культурным связям). Режиссер должен приехать осенью и поставить на свои средства спектакль на нашей сцене. Затем предполагаются гастроли грузинского театра в Нью-Йорке и Вашингтоне... Так что наш фонд стал серьезной организацией, с большими планами.

Недавно фонд объявил конкурс на перевод лучших образцов современной мировой драматургии. Конкурс будет объявлен и на современную грузинскую пьесу.

Предполагаются и другие проекты. К примеру, акция «первое слово в искусстве», «первая постановка режиссера», «первая роль на сцене», «первое оформление художника» и т.д. Будет проводиться и ежегодная акция Андерграунд-дебют – это поощрение всего неординарного, творчески неожиданного, то есть свободы творчества. Есть планы связать кино с театром – создать синтез, новый вид искусства. Собираемся проводить и мастер-классы...

Раз в год, 11 мая, будет отмечаться день памяти Михаила Туманишвили.

- Когда все-таки собираетесь отмечать день рождения фонда?

- Наверное, 27 марта – это Международный день театра.

ИННА БЕЗИРГАНОВА

ЗВЕЗДА МЕДЕИ ЧАХАВА

Народную артистку Грузии Медею Чахава ни с кем не спутаешь. Она узнаваема всегда. И в 25, когда была восходящей звездой театра Руставели, и сейчас, в свои 85. Узнаваема и в жизни, и на сцене, за каким бы образом не скрывалась. 85-летие актрисы и 65-летие сценической деятельности ее родной театр отметил торжественно и с размахом. Не успели остыть огненные переливы серебряного дождя на открытии звезды Рамаза Чхиквадзе, как рядом появилась еще одна плита, увековечившая имя Медеи Чахава. Звездный фейерверк у Тбилисского театра им. Шота Руставели продолжился и на этот раз. Особую значительность и теплоту этой церемонии придало присутствие Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II.

Творческое долголетие актрисы исчисляется не только годами, но, главное, сегодняшними ролями. За спек-

такль прошлого сезона «Зеркало», показанный на сцене Театра королевского квартала, Медея Чахава вместе с Тamarой Схиртладзе стала лауреатом Государственной премии Грузии 2005 года и еще обладательницей премии критиков. Этим миниспектаклем для двоих и открылся юбилейный вечер. Это был замечательный актерский дуэт с особым микромиром героинь, где прочитывался каждый жест, интонация, пауза, и в них раскрывались характер и судьба героинь.

Сначала юбиляр демонстрировала свое актерское мастерство, а затем театр - свое почтение и восхищение ею. Роберт Стуруа был не только режиссером этого необычного сценического действия, но и ведущим, объявив во всеуслышанье: «Я - Ваш конферансье». И это было самым высоким знаком признания.

Мы встретились с Медеей Чахава у нее дома на Бахтрионской, где она живет с семьей младшего сына Ивики Махарадзе. В просторной гостиной стены увешаны фотографиями самой актрисы - в ролях, и многочисленными фото ее детей, внуков и правнуков - в жизни. Выразительным контрастом компьютеру смотрится старинная мебель, украшенная резьбой и барельефами. «Это приданое моей мамы, выписанное из Парижа», - поясняет хозяйка дома.

Естественная, спокойная, очень доброжелательная - ни суеты, ни лишних эмоций, и никакой показухи. Простое домашнее платье, нет и следов грима или макияжа. Но при этом артистизм поведения, если хотите, аристократизм, который еще можно наблюдать у безукоризненно воспитанных интеллигентов.

- Калбатано Медея, для нас вы представительница нескольких разных театральных эпох внутри одного творческого коллектива. Когда вы впервые вышли на сцену театра Руставели?

- Мне было 20 лет. Меня еще студенткой взяли на роль трагистки в пьесе Гольдони «Невеста из афиши». Там я играла мальчика.

- Каким вы застали театр Руставели в самом начале?

- Это был героико-романтический театр, возвышенный, с яркими проявлениями и порывами

Сцена из спектакля «Зеркало»

чувств. Актеры играли, будто на высоком пьедестале.

- Это был пьедестал или котурны?

- Скорее, пьедестал. Это было высокое актерское искусство. Только форма другая. И пути к этой форме тоже были другие, с очень разными подходами. Это очень точно сумел почувствовать молодой Георгий Товстоногов. Я была его ученицей с первого и до последнего курса. Он был старше нас всего на 5-6 лет. Его лекции все обожали, это был фейерверк, к нему на занятия тайком бегали и студенты других педагогов.

- Что принес Товстоногов?

- Систему Станиславского и ее практическое применение. «Жизнь человеческого духа», проникновение в психологию героя - это было главной задачей. Чтобы зритель видел в театре не просто зрелище, но сам участвовал, сопереживал. Это и спустило нас, молодых актеров, с пьедестала. Хотя потом нас часто ругали за «заземление». Но это уже при Туманишвили, главном преемнике Товстоногова, когда появилось наше актерское сообщество «швидкаца».

- Михаил Иванович Туманишвили начинал позже вас?

- Да, он через 4 года пришел в институт с фронта. Мы с ним однолетки, я дразнила его: «А ты все равно старше меня». Миша в феврале родился, а я в мае. Кстати, это Додо Алексидзе нас окрестил «швидкаца». Когда ему были нужны актеры из нашего круга, мы все время были заняты у Туманишвили. Додо страшно возмущался. А в то время гремела слава очень популярного хора из Рустави «Швидкаца». Вот Додо и кричал: «Это что, «Швидкаца» у меня в театре?» Так что наш крестный отец Дмитрий Александрович. Алексидзе был замечательным режиссером, я много играла в его спектаклях. И моя

первая серьезная удача была в его постановке «Глубокие корни», которая была даже выдвинута на Сталинскую премию. Я и с Хорава играла в нескольких спектаклях, он был поразительной личностью, с ним было легко работать.

- Что для вас было важнее – момент репетиций или спектакль?

- Конечно, репетиций. И у Додо Алексидзе, и у Туманишвили они были потрясающие, они превращались в праздник импровизации. Основным был застольный период, а потом мы делали этюды. Вот «Чинчрака» у Туманишвили, это полностью по этюдам рассказанная пьеса. А в этюдах что главное - импровизация. Иногда спонтанно рождался и новый текст, он тоже входил в спектакль, и автор Нахуцришвили нисколько не возражал. Миша был счастлив, что мы могли так легко и свободно импровизировать. А импровизация пошла от Товстоногова, это он нас тренировал, ставил самые невероятные условия, и надо было с ходу что-то придумывать. Импровизация мне и по сей день сопутствует, для

ние я должна была нести со сцены, молча спускаться по лестнице в зрительный зал, с полным отчуждением. Потом вдруг возникал свет фар, мой крик – и все. Зрителю уже не надо было видеть саму катастрофу, они понимали, на что я иду, и в зале люди охали и ахали, как дети кричали «не ходи туда». Если бы они только знали, как это мне далось!

- Надеюсь, вы не решились импровизировать с настоящим поездом?

- Боже упаси! Миша придумал мне другое испытание. Вполне безопасное, но для меня не менее жуткое. В тот период мы получили квартиры в одном доме, правительство раздало артистам после Всемирного фестиваля в Москве. Двор еще неухоженный, шли дожди без конца, было начало мая, грязь, лужи во дворе страшные. Миша мне говорит: «Ты выйдешь с чемоданом, ляжешь вон в ту лужу, а потом, заляпанная грязью, очень медленно пойдешь и потащишь этот чемодан. И будешь запоминать свое физическое ощущение, и как физика влияет на нутро.

- Это помогло?

- Я не смогла это сделать, дожди были невероятные, ужас какой-то, грязь, темнота. Я не спала всю ночь, перебирала всякие варианты, пробовала и так, и этак. Утром пришла на репетицию, мне казалось, что я все придумала, вот сейчас сыграю, и Миша меня похвалит. А он остановил репетицию и сказал, что я не лежала в луже, что спектакль не получится, если я этого не сделаю. Ну, что поделаешь. В ту ночь я решилась. Только мама знала об этом, мы заранее приготовили ванну. Я пошла и плюхнулась в эту жуткую лужу, как была в туфлях, в плаще. Встаю, как поросенок вся облеплена грязью, она течет, хлюпает, липнет. Это было что-то страшное, во мне все перевернулось, пока я доплелась до подъезда и поднялась по лестнице на третий этаж. И эмоциональная память сработала. На репетиции за все эти муки я получила от режиссера одно слово – «молодец!» А для

меня стало очевидно, как физика влияет на нутро. Миша смотрел потом каждый спектакль и писал мне записки, в какой сцене, на что надо обратить внимание. Он свое детище никогда не выпускал из поля зрения.

- Потом Михаил Иванович ушел из театра, и постепенно пришла новая эпоха – Роберт Стура, это другое режиссерское мышление, стилистика.

- Все это позже пришло к Стура, а вначале у него были совсем другие работы, и мы активно участвовали в его постановках. Робико великий режиссер. Я играла у него и в «Ричарде III», а потом специально для моего вечера мы сделали моноспектакль «Человеческий голос» Кокто. А когда он окончательно определился со своей новой стилистикой, ему понадобилось новое поколение молодых актеров.

- Чего, по-вашему, недостает современному театру?

В кругу семьи

актера это спасение. После последнего спектакля «Зеркало» ко мне подходит один из зрителей, пожилой человек: «Калбатано Медея, сколько же можно импровизировать. Каждый Ваш спектакль как новый спектакль». Это такая для меня похвала. Лучше всякой рецензии.

- Для вас из чего рождается образ? Говорят, «о чем не поплачешь, о том не споешь».

- Да, материал для образа я сама. Но не обязательно все пережить, что написано драматургом. Важны жизненные наблюдения, эмоциональная память, книги, ты извне что-то берешь, а потом приближаешь к себе. Например, не могла же я испытать в жизни того, что играла в спектакле «Такая любовь», когда героиня бросается под колеса локомотива. Она была оскорблена, унижена, осквернена, она даже не заметила, как очутилась под колесами. Вот такое состоя-

- Нутра, души, психологии человека. Оболочка спектакля красивая, а что внутри? Я не приемлю форму без нутра. Нутро должно рождать форму. Актер не может и не должен отдельно двигаться, отдельно чувствовать, говорить или держать паузу. Все это должно быть завязано в один клубок. Пауза без слов на драматической сцене это богатство, но драматический театр совсем без текста, мне кажется, обедняет актера. Артист своим нутром рождает слово.

- У вас столько ролей, есть из них самые дорогие?

- Во время войны в Тбилиси приехали эвакуированные театры, в частности, МХАТ. Тогда я еще училась на третьем курсе и играла в спектакле «Голубое и розовое» в постановке Товстоногова. После спектакля на сцену поднялся Качалов, он меня обнял, поцеловал и сказал на публику: «То, что есть у этой девочки, это божественный дар, это клад, сохраните его. Старайтесь не заштамповать. С умом пользуйтесь этим богатством, тренируйте ее в характерных ролях». Но сама я в душе люблю драматические, глубокие, психологические роли. Такие роли были в спектаклях «Такая любовь», «Люди, будьте бдительны!»

- Но потом режиссеры прислушались к Качалову и стали давать характерные роли?

- Миша первым занял меня в «Чинчаке». Мы играли зверей: я была Лиса, Эроси – Медведь, Гоги Гегечкори – Волк, Зина Кверенчиладзе – Шакалиха. Сначала я была в ужасе – «не хочу, не буду это играть!» Миша ко мне домой пришел, уговаривал не отказываться. Кроме того, я вообще не представляла, что смогу выйти на сцену – умер мой отец, и я шесть месяцев не играла.

- Вас многое связывало с отцом?

- Конечно. У нас была очень теплая, удивительная семья. Отец был по профессии врачом, а по натуре артистом. Мама тоже была с высшим образованием, преподавала русский язык и литературу. Родители с детства знали друг друга, они жили в одной деревне, вместе играли, вместе росли и полюбили друг друга. Когда они объявили, что хотят пожениться, родственники мамы даже возмутились, у мамы было шестеро братьев, и мой отец был для них почти братом. На этой любви родителей жила наша семья, и мы с братом это очень чувствовали. Отец был уникальный человек. Он учился на медицинском в Киеве вместе с Акакием Хоравой, они очень дружили, оба были красавцы, вместе играли в самодеятельности, и так до 4 курса, пока Хорава насовсем не ушел в театр.

- А ваш приход в театр как случился?

- В Тбилиси тогда не было Театрального института, только студии. Папа мне сказал – получи

сначала высшее образование, а потом иди, куда захочешь. И я поступила в университет, училась уже на втором курсе, когда папа первым узнал об открытии Театрального института, ведь его директором стал Хорава. Папа меня повел туда – давай, попробуй свои силы. А я очень увлекалась танцем, хотела быть балериной.

- Так вот откуда у вашей дочери Маки Махарадзе этот дар, она его реализовала вместо вас!

- Мама и от отца много взяла, ведь Котэ закончил балетную студию Чабукиани. Я тоже сдавала туда приемные экзамены, мне было лет тринадцать. Переходный возраст, я ужасно стеснялась показать ноги, но я была очень гибкой, меня заставили сделать какие-то упражнения, я с легкостью все выполнила. Через некоторое время в Доме связи ко

Д. Чичинадзе, М. Чахава, М. Бараташвили и Л. Абашидзе

мне вдруг подходит какой-то незнакомый молодой человек и начинает засыпать вопросами: «Вы же сдавали в балетное училище, вас приняли, почему не приходите?» Я начала оправдываться, что-то лепетать в ответ, но внутри возмущалась, какое ему дело? Потом мне девочки сказали, что со мной говорил сам Чабукиани. А на самом деле я не пошла в училище, потому что мои одноклассники, которые пришли вместе со мной, после экзамена набросились на меня: «Как тебе не стыдно, ты что, будешь ноги задираешь?» А за мной уже начинали ухаживать, я выпендривалась, и вот из-за них я не пошла в балет – ах, что обо мне подумают. Я вообще по характеру стеснительная, и это во мне осталось навсегда.

- Потому вы никогда не могли требовать ролей?

- Никогда и ничего. Даже в голову не приходило.

- Не жалеете сейчас?

- Нет. Когда я репетировала, я настолько была насыщена работой, увлечена и влюблена в нее, что не мечтала больше ни о чем, не имела права мечтать. Тем более, что параллельно я снималась в кино, часто приглашали на радио.

Н. Урушадзе, Г. Сагарадзе и М. Чахавა

- И роли-мечты не было?

- Нет. Я не в мечтах себя искала, а в реальной жизни. Мы были актерами-фанатиками, все делали с полной отдачей, нам все было интересно.

- Актерская судьба сложилась для вас вполне благополучно. Можно только поражаться, что при этом у вас еще была семья и трое детей.

- От этого бешеного круговорота, который называется театром, у меня всегда была отдушина – дом, семья, дети. Я здесь тоже была нужна, тоже была любима.

- В судьбе ваших детей нет ничего удивительно. Темура Чхеидзе – главный режиссер Питерского БДТ, Мака Махарадзе – бывшая прима-балерина Тбилисского театра оперы и балета, ныне руководитель детской балетной студии, младший сын Ивико Махарадзе – актер и спортивный комментатор, каким был и его отец Котэ Махарадзе. Ваших детей можно назвать закулисными?

- Да, полностью закулисные дети. А Мака с пяти лет уже играла в наших спектаклях – в «Докторе философии», «Царе Эдипе».

- Вы довольны карьерой своих детей?

- Я им благодарна. То, чему их родители посвятили свою жизнь, они это дело полюбили. Это не из-за нас, это ниспослано сверху. У них, видимо, было внутреннее тяготение, генетический зов. Это и у детей, и у внуков, надеюсь, и у правнуков.

- Расскажите о них. Широкому кругу известны актрисы Эка Чхеидзе и Нато Мурванидзе. А кто еще пошел по тернистому пути искусства?

- Сестра Эки, Теона Чхеидзе, она скрипачка, работала у Исакадзе в Германии, живет с семьей в Мюнхене. Она не смогла приехать на мой юбилей, у нее были гастроли по Европе. Моя внучка Анна Мурванидзе, младшая дочь Маки – великолепный визажист, она знает, как нужно подать актера.

А сейчас мой правнук, сын Нато Мурванидзе сдает в театральный институт. И дай Бог, чтобы ему тоже повезло в жизни.

- На вечере на сцене вас окружало младшее потомство, сосчитать было невозможно. Сколько их?

- Семеро внуков, семеро правнуков.

- Так это удвоенная «швидкаца»!

- Пока удвоенная, но я надеюсь на перспективу.

Так что сейчас вместе с тремя детьми у меня 17 душ потомства. Знаете, это одно целое. Нельзя выделять кого-то, надо любить всех одинаково, и очень любить. И надо уметь прощать.

- Вы умеете?

- Обязательно.

- Вы не конфликтный человек?

- Во всяком случае, на протяжении моей работы в театре у меня не было серьезных конфликтов и не было врагов, хотя ситуации бывали очень разные. Конечно, без ошибок живое существо не может существовать, и я не исключение. Нам не надо судить людей со своей колокольни. И не надо потакать своим прихотям.

- Чего больше было в вашей жизни – радостей или горестей? И вообще, чего надо в жизни бояться и избегать?

- Лжи надо бояться. Человека, который для своего блага готов на все. Не приемлю таких людей.

- Вы умеете жить в ладу с собой?

- А как иначе? Если ты с собой в конфликте, это гложет тебя. Это еще хуже, чем быть в конфликте с другими.

- Из чего сегодня состоит ваш день?

- Я сейчас пойду на кухню и буду кухаркой.

- Кухарка-звезда? Это впечатляет.

- Дома никто не чувствует, что я звезда. Я же не буду ходить и кричать «Я звезда!» Я – мать в своем доме, я – бабушка, я – прабабушка! Это же огромное счастье. Так что дома я – кухарка, домохозяйка и махровая мать-наседка. Не люблю гулять, ходить на сборища – тусовки, как сейчас говорят. Светские общества, костюмы, наряды, украшения и брильянты – это не для меня.

- А в молодости?

- Тоже не любила. Единственная слабость – шляпы. Потому что все шляпы шли мне. Даже Соломка Канчели только на мне примеряла шляпы, говорила – на тебя хоть горшок поставь, все равно идет. А вот к камушкам никакого рвения. Наверное, потому что я хорошо знала наш бюджет.

- Знаменитые поклонники были у вас?

- Наверное, были, но я об этом не знала. Меня любили как близкого человека, по-родственному. Как-то один из очень известных людей признался мне в любви: «Я всю жизнь вас люблю, обожаю». Рядом стоявшая его жена вдруг запищала: «И я тоже!» Вот такие у меня были поклонники.

- У вас есть ощущение, что вы чего-то не успели?

- Ощущения нет, но, наверное, чего-то не успела.

- А сейчас, что вы хотели бы от жизни?

- Чтобы мои дети, все потомство были счастливы. Но если слишком размахаться – хочу роль! Значительную. Хотя бы еще одну!

Вела беседу ВЕРА ЦЕРЕТЕЛИ

Az DE WIL

БРАТЯ ЗДАНЕВИЧИ. ТБИЛИСИ – ПАРИЖ

Мемориальной доски на этом доме нет. Однако дотошный прохожий, пристально всмотревшись, обнаружит на его стене уже зарубцевавшиеся следы от внушительных болтов. У словоохотливых старожилов же можно выяснить, что она была, но ушла вместе с другими в Турцию в качестве цветного металлолома.

Что же происходило за этими выдавшими виды стенами дома N13 по ул. Баградзе (бывший Кирпичный переулок)? Обратимся к свидетельству очевидца: «Когда я переступил порог этой квартиры, я оторопел. Стены во всех комнатах, террасы и коридоры, даже кладовые и ванны были завешаны от потолка до пола необыкновенны-

ми по рисунку и краскам картинами. <...> Рядом с этими картинами совершенно терялась нарядная орнаментальная роспись на стенах моей комнаты. Она была сделана персидскими художниками по заказу ... персидского консула в Тифлисе, жившего здесь до меня». Это Константин Паустовский. «Повесть о жизни. Бросок на юг».

А вот воспоминания еще одного классика: «На другой день все мы были приглашены к Зданевичам, которые жили теперь в Кирпичном переулке, в отцовской квартире Кирилла. На этой квартире у Кирилла Зданевича была собрана изумительная коллекция картин Нико Пиросманишвили. <...> У Кирилла были, кроме Маяковского, - Василий Катаня с супругой, Коля Чачава, Ираклий Гамрекели и Шалва Алхазидзе», - пишет Симон Чиковани, вспоминая приезд в Тифлис Владимира Маяковского в 1924 году.

Да, именно в этот дом перекочевали из духанов и прочих увеселительных заведений Тифлиса работы Пиросмани, и здесь же был собран основной корпус наследия художника, прославившегося позже и прославившего свою родину на весь мир.

Так вот, речь идет о доме Зданевичей, о семье Зданевичей, о братьях Зданевичах и об их вкладе в мировую культуру, все еще, пожалуй, недооцененном.

Братья Зданевичи: Кирилл (1892, Коджоры - 1969, Тбилиси) - художник, искусствовед, писатель, и Илья (1894, Тбилиси - 1975, Париж) - поэт, прозаик, археолог, теоретик искусства, издатель и дизайнер, - выросли в необычной, но очень «тбилисской» семье. Их отец, потомок ссыльных поляков, происходивший из знатной фамилии, Михаил Андреевич Зданевич, преподавал французский язык и литературу в гимназии и слыл тифлисским парижанином, знатоком литературы, искусства, истории, археологии, спортсменом-велогонщиком. В 1927 году Илья напишет: «...Мой отец был старым парижанином <...> Он использовал свои летние каникулы для возвращения в Париж. Жить в Париже было мечтой нашей юности, моей и моего брата». Михаил Зданевич построил в Тифлисе по образцу легендарного парижского «Улья» дом для художников с мастерскими, которые отдавались в их полное распоряжение. Мать братьев, Валентина Кирилловна Гамкрелидзе, бывшая певица и ученица Чайковского, открыла у себя дома интернат для мальчиков из деревни. Прирожденный педагог и воспитатель, она до гимназического возраста сама учила своих сыновей. Сохранился журнал, куда она заносила чуткие и внимательные наблюдения за взрослением детей. В доме бытовал демократизм, взаимное внимание и уважение взрослых и детей, открытая форма общения, особая семейная «коллегальность». Валентина Кирилловна и впредь будет живо интересоваться творческими и общественными достижениями уже взрослых сыновей, вести с ними активную переписку, увлеченно обсуждая их публичные поступки или артистические жесты. Братья не только вместе растут и воспитываются, они еще и дружат между собой, у них общие интересы и увлечения, а, повзрослев, они станут единомышленниками и соратниками.

Европейски образованные родители прививали детям любовь и внимание ко всему окружающему их миру - предметом устойчивого внимания и исследования ста-

Родители

новятся живописные окрестности Тифлиса с их средневековыми памятниками. Интерес к самому современному в искусстве сопрягается с живым вниманием к архаике, почитаемой отнюдь не музейно.

Илья Зданевич вспоминал: «Так как семья наша была одним из культурных очагов, то дом наш усердно посещался художниками и литераторами, туземными и заезжими. С детства брат мой и я брали уроки живописи (брат мой и сделался художником, я же занятие эти бросил), позже - изучали грузинскую старину (с каковой целью немало путешествовали) и были непременно посетителями всяческих обществ города - художественных, археологических, музыкальных, географических и прочих. <...> В 1911 я окончил гимназию и переехал продолжать учиться в Петербург, уже футуристом, так как с весны этого года я затеял переписку с Маринетти и зубрил наизусть его манифест. Брат же мой расстался с Тифлисом годом ранее, провел год в Москве, где вошел в круг живописцев-бунтарей того времени, а в 1911 переехал также в Петербург, где я его и застал. Мой футуризм позволил мне сразу войти в круг его единомышленников и быть дружно принятым. <...> Из Италии Маринетти присылал мне манифесты ... и казалось, наступал час великих свобод. <...> Так определилась на многие годы моя профессия».

Братья действительно вступили в творческую жизнь в момент активного набора высоты русским авангардом и оказались на крайне левом фланге его крайне левого фронта. Судьба и личная интенция вводят их в окружение Михаила Ларионова и Наталии Гончаровой, самых радикальных новаторов российского искусства тех лет. Братья Зданевичи активно включаются в этот калейдоскоп. Кирилл участвует практически во всех левых выставках в России дореволюционной поры, Илья становится теоретиком и рупором самого нового искусства. Ларионов ему безгранично доверяет, «он вообще великолепно может развить всякую мысль», - считает мэтр. Деятельность молодых интеллектуалов-бунтарей находится в фокусе общественного внимания, их театрализованные жесты, такие, как раскраска лиц и прочий буффонадный антураж, вызывают острый интерес у публики и прессы, молодые люди становятся знаменитыми. Однако движет

ими не только или не столько жажда славы и потребность эпатировать буржуазные вкусы. Они конструируют новый мир, новое, небывалое искусство. Уже в эмиграции Илья Зданевич напишет: «10 лет назад мы начали, разукрашивая себе лица, организовывая манифестации, печатая каждый день прокламации и книги. Мы бросали вызов, желая перевернуть мир, переделать землю, и превозносили новый дух. Одним росчерком пера мы создавали шедевры, писали поэмы, состоящие из чистых листов, во всех маленьких и случайных фактах, в чернильных пятнах и разбитых стаканах мы обнаживали законы...»

Обладающий несомненным ораторским даром, Илья периодически выступает в обеих столицах с острыми докладами по современному искусству, завершавшимися, бывало, скандалами, потасовками и вмешательством полиции, но «всеимперскую» славу обретает, сравнив Венеру Милосскую с американским ботинком и отдав все свои душевные и интеллектуальные предпочтения последнему. Это был акт возмутительного противления хрестоматийным гимназическим понятиям, восстание против буржуазного распорядка музейных ценностей. Так воплощался в реальность миф о художнике, пророке, первопроходце и косной, не понимающей его толпе.

В 1913 году выходит в свет сборник «Ослиный хвост и Мишень», где под псевдонимами Паркина, Лотова, Сергеева и прочими, Илья продемонстрирует ряд экспериментов со шрифтовым набором, опередив в этом начинании Гийома Аполлинера и своего кумира Фи-

липпо Томмазо Маринетти. «...Гийом Аполлинер еще не посещал типографию «Унион» на бульваре Сен Жак, когда в конце 1912 года поэты Лотов и Сергеев сочинили лучистые стихи, создали свои композиции в московских типографиях», – лукаво напишет он значительно позже, так и не раскрыв мистификации публично. Эти его опыты, продолженные в Тифлисе и Париже, заметно повлияют на типографическое мышление всего XX века и изменят облик современной книги, да и всего печатного дизайна.

Двигаясь непрестанно вперед с уклоном влево, Ларионов сотоварищи замыкают круг и открывают для себя истину, что в искусстве действуют вечные основополагающие законы. Так возникает идея приятия опыта всего искусства, достигаемого во времени и в пространстве, взамен бесконечной конкурентной борьбы школ и направлений, идея «всечества». Этот новый термин принадлежал Илье Зданевичу. Кубофутуристическая группа «Гилея», куда входили такие легендарные новаторы-радикалы, как братья Бурлюки, Маяковский, Хлебников, Крученых, Каменский, Лифшиц, жаловалась устами последнего: «...Левый фланг в борьбе против нас пыталась занять группа «Ослиного хвоста» и «Мишени», выступившая зимой тринадцатого года под знаменем «всечества». <...> Илья Зданевич заживо хоронил благополучно здравствовавший футуризм, они называли себя «всеками». Адептом этого весьма перспективного умонаправления, становится и Михаил Ледантю.

Илья Зданевич: «Ледантю и брат мой покинули Пе-

Синдикат футуристов

тербург для Москвы, чтобы участвовать в устройстве столь нашумевшей тогда выставки «Ослиный хвост». Из Москвы они проследовали на Кавказ, брат мой – домой, Ледантю же – приглашенный погостить у нас летом. Однако, усердное знакомство с духанами – так там зовут кабаки, было, видимо, причиной того, что в квартире моих родителей в Кирпичном пер. Ледантю прожил два месяца, а потом переселился в ателье на Гунибской улице, в бывший дом моей матери. Когда, сдав к маю зачеты в Университете, я также явился домой на каникулы, в этом ателье висела картина Пиросмани «Обед носильщиков». И они поняли, что предлагает им жизнь, с чем сводит их судьба, молодые искатели истины безошибочно определили степень чуда, открывавшегося за этой клеенкой.

И позже, в декабре 1912-го: «Я спустился по улице, имени которой не помню, вниз, пока, не сделал и сотни шагов, достиг улицы Гоголя и повернул направо... Когда я настолько приблизился к Вокзальной, что готов был потонуть в ее шуме, крике торговцев, пении зеленщиков, быть задавлен трамваем, – мне представилось зрелище, смысл которого я сразу не понял или даже не хотел понимать. Рядом со мной стоял, сгорбившись, старик в серой изодранной и замасленной паре, в рваной обуви, с красными опухшими руками. Лицо неизлечимого пьяницы, хотя и было покрыто черной с проседью бородой и густыми, ниспадающими усами, казалось заостренным, больным. Изношенный фетр, посыпанный прелью. И в поднятой руке, дрожащей, точно от бесси-

лия испуга, или умоляющей о пощаде, – орудие тайны – тонкая кисть, которой на стене он, голодный, выводил слово «Обед». Я окликнул его невольно, не веря, не соглашаясь, что это он. Старик обернулся. И вдруг упал как приговор взгляд очей, слезящихся, черных, воспаленных, жутких, нечеловечье-звериных. Увы, я знал, что это – Пиросманишвили. Пиросманишвили, герой снов моих и мечты в течение долгих месяцев, певец моей родины, истолковавший ту любовь, которая руководила мной неисчислимыми путями – в поезде, верхом, вплавь, на работах и кутежах, – мудрец, один ... в глуши постиг-

Натюрморт

ший тайны живописи, сумев увидеть то, что никто не видит, неуловимый, единственный чародей. <...>

Старец (мне не подыскать другого слова) был слишком велик, чтобы я мог обратиться к нему с присущей мне развязностью. Этот босяк, от которого несет краской, этот опустившийся маляр – Пиросманишвили. <...> Старик принял меня безразлично, почти надменно. Он знает, что я его ищу и что ищу весь год. Но он сейчас занят, после завтрака в «Кардинале» он готов меня выслушать. <...>

Но когда я расстался с ним, взвездная радость овладела мной. Я бежал домой рассказать, что нашел Николая, что Николай напишет мне множество картин, что участие его на выставке обеспечено. Я не видел больше ни лохмотьев, ни лица, ни лихорадочных рук, а только голубое небо, пейзажи, женщин, идущих за водой, львов и кутил, рассеявшихся вокруг нашего покрытого клеенкой стола! <...>

Николай ждал меня, опершись на стойку перед не-

питым стаканом. Заговорив с ним, я убедился, что моим надеждам оставляется даже меньше места, чем я полагал. Старик, хотя и не пьяный, отвечал на вопросы бессвязно, точно держаться за нить мысли ему уже было трудно. <...>

Все, чего я добился, кое-как растопив его недоверие, - что старик напишет мой портрет, что мне давало возможность провести несколько дней в обществе мечты, которую я не хотел уже хоронить».

Эти воспоминания появятся уже в Париже, в конце 20-х, а той зимой Илья, ведущий дневник своих встреч с Пиросмани, завершит его фразой: «Теперь, после знакомства с Николаем, я знаю, что такое жизнь».

Молодые авангардисты делают все, чтобы привлечь внимание общественности к своему открытию. Илья познрует Пиросмани, заказывает и покупает у него работы. Молодые людьми увезут в Москву шесть работ открытого ими гения, три из которых будут проэкспонированы на этапной в истории авангарда выставке «Мишень», проходившей в Москве в начале 1913 года. В газету «Закавказская речь» Илья пошлет убедительно написанное, пылкое обращение к общественности, являющееся по сути емким и точным искусствоведческим резюме открытого явления. Этот этюд станет первым опубликованным Ильей Зданевичем теоретическимopusом. В 1972-м он издаст этот текст в Париже отдельной брошюрой на французском с иллюстрацией Пабло Пикассо. И это станет его последним печатным выступлением.

В 1913 году братья вынуждены разъехаться по разным европейским столицам, где их вскоре завертит смерч истории. Но отношения Зданевичей с открытым ими чудом растянутся на всю жизнь...

Но все это позже, уже в советское время. А во время войны Илья служит корреспондентом петербургской газеты «Речь» на Кавказе, в 1917 заканчивает юридический факультет Петербургского университета. После февральской революции он организует и возглавляет общество «Свобода искусству», вместе с В.Мейерхольдом, С.Прокофьевым и Н.Пуниным противостоит инициативе М.Горького и А.Бенуа, пытавшихся создать министерство искусств и таким образом «захватить заведывание искусством».

Кирилл в 1913 году отправляется в Париж, где посещает студии Матисса и Пикассо. В парижской мастерской скульптора Александра Архипенко, где состоялась выставка Кирилла, несомненный авторитет того времени, напишет на стене: «5 + Пикассо».

С началом первой мировой войны Кирилл был мобилизован в действующую армию и оставался на фронте до 1917 года, несколько раз, раненый, эвакуировался в тыл.

Братья вновь встретились в Тифлисе в 1917 году, чтоб принять лидирующее участие в «тифлисском ренессансе» 1917 - 1921 гг. В Тифлисе в ту пору встречаются раздетые войной и революцией известные персонажи предреволюционного литературно-художественного карнавала. Здесь, на тесном пространстве, сходятся представители некогда диаметрально ориентированных направлений: символизма, акмеизма, крайнего и еще более крайнего авангарда, сопутствующие и сочувствующие тем и другим, и третьим... Город становится ареной перманентного литературно-театрально-художественного спектакля.

Этот несправедливо подзабытый эпизод из истории города и его роль в искусстве XX века еще, пожалуй, предстоит доизучить и в должной мере осмыслить. Ограни-

чимся в этом случае выдержкой из свидетельства Григола Робакидзе: «Кого только не было тогда в Тбилиси! ... Тбилиси стал фантастическим... Мир рушился - и только Тбилиси встречал это «крушение» поэтическим пением <...> Футуристы тут сделали шаг к дадаизму. Они основали орган "41 градус"...». Надо добавить, что прежде сложился недолго просуществовавший «Синдикат футуристов», мутировавший в «41°». Ядро группы или, как они себя называли, «компании 41°» составили поэты Илья Зданевич, Алексей Крученых и Игорь Терентьев («дуэт трех идиотов», - по выражению последнего), сочувствовали им и сотрудничали поэты Кара-Дервиш, Колау Чернявский, Юрий Марр и большая группа молодых авторов, худож-

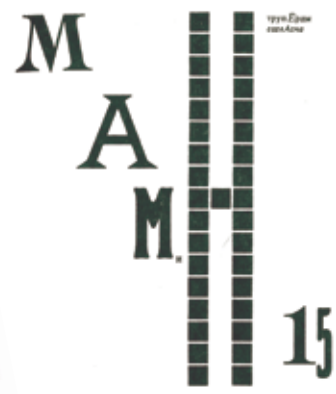
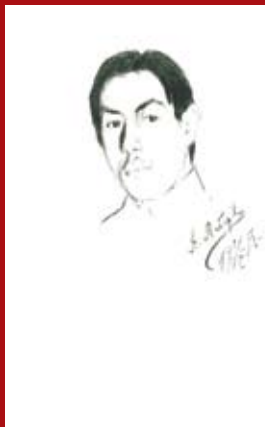

М. Ларионов. 1920 г.

ники Ладо Гудиашвили, Кирилл Зданевич, Сигизмунд Валишевский, Александр Бажбеук-Меликов, Давид Какабадзе. Надо добавить, что в это время в Тифлисе работают и Шалва Кикодзе, и Якоб Николадзе, и многие другие художники, а еще актеры, композиторы, музыканты...

«Компания 41°», исповедовавшая поэтическую «заумь», вела активную художественную, издательскую и пропагандистскую деятельность. И в творческом, и в теоретическом плане ее работа является завершающим, резюмирующим этапом деятельности всего дореволюционного русского авангарда. Это выразилось, в том числе, и в моральном преодолении диктата определенных школ и направлений. В предисловии к каталогу большой персональной тифлисской выставки Кирилла Зданевича 1917 года, написанном А.Крученых и И.Зданевичем (под псевдонимом Эли Эганбюри), читаем: «...Пройдя в несколько лет всю французскую живопись последних десятилетий и приправив французов родной иконописью и искусством соседей - Индии, Армении, Грузии - русские не могли не утвердиться в понимании, что всякая манера только манера, стиль только прием и ценность живописи вне стиля. <...> Стремясь к обобщениям, мастер может писать сегодня в одной манере, завтра в другой. Так стал работать Ларионов. Кирилл Зданевич пошел дальше. Можно писать не только в разной манере, но и соединять разное

понимание живописи на одном холсте. Соединяя манеры, мастер освобождает искусство от власти временных задач и, уничтожая случайный характер всякого стиля, сообщает произведению необыкновенную полноту. Так Кирилл Зданевич открыл оркестровую живопись. Он здесь и там!.. <...> Кисть мечется волчком, с одной

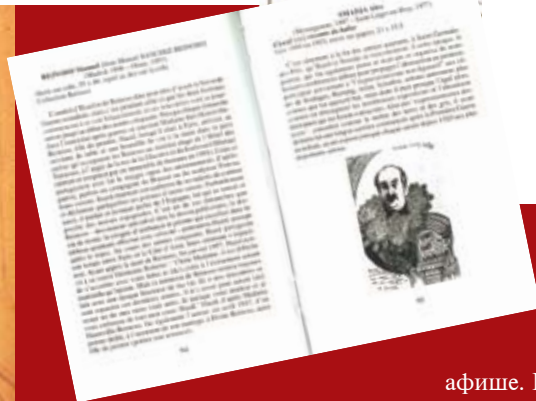

Портрет Ильи Зданевича

плоскости на другую, соединяет все крайности и парализует пустоту!»

«Оркестровая живопись» Кирилла Зданевича стала реальным воплощением принципов «всечества». Перечислить все, сделанное Кириллом за этот короткий отрезок, весьма затруднительно. Это, в том числе, и монументально-декорационные работы в общественных заведениях, как росписи в кабаре «Ладья Аргонавтов», и оформление спектаклей этого кабаре, или настенная живопись в музыкальной студии Бендицкого на улице Грибоедова. «В трех небольших комнатах, где размещалась студия, все стены были расписаны в футуристическом духе художником Кириллом Зданевичем. Со стен смотрели на нас фиолетово-оранжевые циклопы, безрукие, безногие чудовища, изображающие «человека» двадцатого века», – напишет в своих воспоминаниях Рипсима Асильянц, член тифлисского «Цеха поэтов», руководимого Сергеем Городецким. Увы, ничего из его монументальных работ того времени практически не сохранилось.

Однако мы имеем возможность оценить его как книжного графика. При участии Кирилла вышло большинство из трех десятков книг левого крыла тифлисского ренессанса 1917 – 1921 г.г. В числе этих изданий этапный для истории авангардной книги альбом «1918», появившийся в Тифлисе в 1917 году в соавторстве с А. Крученых и В. Камен-

ским. Он работает также в плакате и

афише. Всем этим он

занимался и в советское время, хотя

главным для него всегда оставались живопись и

станковая графика.

В 1919 году «группа энтузиастов» поручает Кириллу Зданевичу написать монографию о творчестве Пиросмани, но первая коллективная монография о художнике с его участием вышла в Тифлисе в 1926 году.

В 1920 году жизненные пути братьев Зданевичей надолго расходятся: в мае 1920-го Илья получил разрешение на выезд в Париж, куда с большими сложностями добрался через год. Кирилл же, побывавший в ту пору в Париже, возвратился в Тифлис, куда вскоре вступила 11-ая красная армия. Вероятно, этот факт роковым образом повлиял на его дальнейшую творческую жизнь. Надо признать, что судьба, бывало, несправедливо обходилась с Кириллом Зданевичем и его наследием. Взять хотя бы тот факт, что до сих пор не существует альбома или полноценной монографии о его творчестве.

«К.Зданевичу пришлось, по сути, в одиночестве представлять в Тифлисе левое направление», – считает известный исследователь авангарда Андрей Крусанов. На наш взгляд, это не совсем так. В 1922 году на авансцену литературно-художественной реальности выходит крайне левая грузинская группировка H_2SO_4 , в известной степени инспирированная деятельностью «41°». Кирилл Зданевич, если и не числился в ее членах, то тесно сотрудничал с левой молодежью. В это время он работает художником в тбилисских – Руставелевском и Оперном – театрах, попеременно живет и работает в Тбилиси и Москве, будучи творчески связан с ЛЕФом и Маяковским.

В 1949-м он был репрессирован, но досрочно освобожден и реабилитирован.

В начале 60-х Кирилл Зданевич пишет монографию о Нико Пиросмани, изданную в 1963, 1964 и 1965 годах, пишет и публикует ряд статей и воспоминаний, получает звание заслуженного деятеля искусств Грузии.

В 1966-м он, по приглашению Ильи, едет в Париж, где братья встретились после 46 лет разлуки.

Известно о сохранившейся рукописи его книги «Я вспоминаю», которую мы вправе ждать опубликованной.

Художественное наследие Кирилла Зданевича отмечено участием в целом ряде выставок (персональных и общих, но, увы, посмертных) в Париже и в Москве, в Ленинграде и Нью-Йорке, в Лос-Анджелесе и Хельсинки.

В 1989 году братья встретились еще раз на выставке «Братья Зданевичи. Тбилиси - Париж» (Тбилиси, Государственный музей искусств Грузии).

Илья Зданевич, появившись в Париже в ноябре 1921 года, немедленно включается в художественную жизнь, как в ее эмигрантской ипостаси, так и в самое актуальное на тот срок явление - дадаизм. Он продолжит сложившиеся тогда отношения с дадаистами (Полем Элюаром, Луи Арагоном, Жоржем Рибемон-Дессенем, Джорджем де Кирико, Тристаном Тцара, Максом Эрнстом и другими) и после перехода их в лагерь сюрреалистов. Завязавшаяся тогда тесная дружба с Пабло Пикассо продлится до конца его жизни. Он пытается и здесь учредить «Университет 41°», читает ряд лекций, дает интервью, участвует в работе уже существующих на Монмартре русских объединений «Гатарapak» и «Палата поэтов», собиравшихся в кабачке «Хамелеон». В эти группы входило и несколько выходцев из недалекого тифлисского прошлого, появлялись Ладо Гудиашвили и Давид Какабадзе. Илья Зданевич покровительствует русской поэтической молодежи, его несомненной заслугой является дружеская опека Бориса Поплавского, одного из самых интересных поэтических явлений не только русского зарубежья, но и всего XX века. Илья полон надежд и даже радужной уверенности. «...Я надеюсь, что во Франции я найду благоприятную почву, мне кажется, что я смогу поделиться со здешними поэтами плодами наших достижений», - говорит он в интервью

газете «Комедиа». Его появление на парижском Парнасе замечено: «Великой заслугой Зданевича является то, что из глубины Грузии он обогнал и победил дадаизм и футуризм», - объявил французский критик Андре Жермен, квалифицировав поэтику «41°» как «русский сюрдадаизм». В 1922-м Илья Зданевич становится секретарем, а

С. Мельникова. 1918-20 г.

Композиция. 1920 г.

Молния. 1918-20 г.

Женщина в шляпе. 1918-20 г.

потом и председателем Союза Русских Художников в Париже. В 1923 году вместе с Сергеем Ромовым он учреждает объединение «Через», включившее в себя «Гатарapak» и «Палату поэтов». Группа ставила перед собой двойную задачу: наладить сотрудничество и с левым искусством советской России, и с французским авангардом. Он организует весьма успешные мероприятия, привлекающие внимание общественности, как ежегодные балы, собиравшие всю художественную элиту Парижа, или Неде-

лю камерного театра, прошедшую в марте 1923. При его активном участии Тристану Тцара удается организовать последнее громкое публичное выступление дадаистов – вечер «Бородатое сердце», состоявшийся 6 июля 1923 г. В этом же году, уже под псевдонимом Ильязд, выходит его последняя заумная книга «лидантЮ фАрам», посвященная другу-художнику Михаилу Ледантю, погибшему в 1917 году. Жан Кокто напишет, откликаясь на нее: «Нам известно, из чего сделаны звезды. Ваша книга – звездная». При всем этом Зданевич успеваеет служить переводчиком в советском полпредстве.

Эта феерическая деятельность Ильи Зданевича, теперь уже навсегда – Ильязда – внезапно обрывается во второй половине 20-х. Он неожиданно исчезает с парижской сцены, а также со страниц французской и эмигрантской печати. Находясь в реальной эмиграции, Ильязд умудряется уйти еще и в эмиграцию внутреннюю. Он, к тому времени уже работавший как художник по ткани для Сони Делоне, становится художником, а потом директором одной из фабрик знаменитой Коко Шанель, поселяется в тихом пригороде и полностью уходит в семейные и собственные творческие заботы. Он пишет прозу и стихи, занимается издательской деятельностью и книжным дизайном, путешествует с научными целями, ведет исследовательскую работу как византист, работает в керамике вместе с Пикассо...

Несомненный интерес представляет литературное наследие Ильязда, до сих пор мало известное. В его основной корпус входят четыре наименования крупной прозы (не всегда определяемой по жанру), пять заумных драматических поэм, шесть поэтических книг.

Если вторая из его постзаумных книг «Раэль» 1941 года состояла всего из двух сонетов, правда, с переводами их на французский, выполненными Полем Элюаром, то сборник «Афат» 1940 года, проиллюстрированный Пикассо, включал 66 сонетов. Более того, в 1961 году появится веночек сонетов, составивший книгу «Приговор безмолвный».

После войны Ильязд активизирует свою издательскую деятельность под маркой «41°». Помимо своих книг, он издает своих друзей, единомышленников и забытых авторов. Всего с его именем связывают около тридцати изданий. Все они являются шедеврами и раритетами книжного искусства. Соавтором многих его издательских проектов был Пикассо.

Его издательская деятельность отмечена чередой выставок по всему миру.

В Париже есть клуб его имени, публикующий и переиздающий (правда, очень малыми тиражами) его наследие и периодически выпускающий «Дневник Ильязд-клуба» с материалами о Зданевичах, в том числе и тифлисского периода.

Однако Илья Зданевич недооценен в полной мере как литератор, тем более, что определенная часть его литературного наследия остается неизданной. Или не переизданной, что существенно – большая часть его книг выходила мизерными тиражами, от 20 (sic!) экземпляров до 60 – 70-ти.

И все же, в Париже помнят братьев. Пора вспомнить их и на родине. Этот чаемый и увлекательный процесс можно начать с восстановления мемориальной доски на доме №13 по улице Бакрадзе.

**ИРИНА ДЗУЦОВА
МИХАИЛ ЛЯШЕНКО**

СВЕТ И ТЕНЬ БОРЖОМИ

Ученые считают, что минеральная вода была известна в Боржомском ущелье в глубокой древности. При раскопках, которые проводились в этих краях в начале XX века, археологи обнаружили семь каменных ванн. находка, датированная началом первого тысячелетия от Рождества Христова, дает основание полагать, что в те времена целебная вода использовалась для принятия ванн, а не для питья.

Затем об источниках благополучно забыли. Лингвисты утверждают, что название этой местности происходит от двух слов: «борж» (крепостная стена) и «оми» (война). На протяжении всей своей истории Грузия находилась в состоянии войны практически постоянно. И село Боржоми, удобно расположенное в ущелье на высоте 1500 метров над уровнем моря, окруженное горами, на которых возводились сторожевые башни, было, как теперь говорят, объектом стратегическим. Тут, понятное дело, не до бальовства.

Хотя, как это не удивительно, второй раз источники открыли именно военные. В 1829 году солдаты стоявшего здесь Херсонского гренадерского полка обнаружили в лесу на правом берегу реки Боржомула яму, наполненную теплой водой с резким серным запахом. Командир полка Попов, страдавший желудком, велел очистить источник и возить ему воду в бутылках. Минеральная вода оказала столь благотворное влияние на здоровье полковника, что тот приказал построить себе неподалеку от источника дом с баней, где и поселился.

В 1837 году полк Попова сменили грузинские гренандеры. Сопровождавший их полковой врач Амиров начал исследовать состав воды и ее воздействие на состояние здоровья солдат. Он же первым отправил пробы воды на экспертизу в Санкт-Петербург и Москву.

К концу 40-х годов XIX столетия целебные свойства воды из грузинского селения обсуждались в обеих столицах империи. Царский наместник

на Кавказе привозил лечиться к источнику свою дочь. Чем именно хворала девица, история умалчивает. Зато достоверно известно, что вода ей помогла. Настолько, что наместник приказал назвать источник в ее честь – Екатерининским.

В 1850 году в Боржоми разбит Парк минеральных вод. Тогда же аптекарь Захаров впервые предпринял попытку вывоза воды за территорию курорта в бутылках для последующей ее продажи в аптеке в Тифлисе. Всего через три года здесь уже начали строить первый разливающий завод.

К этому времени было широко известно, что минеральная вода из Боржомского источника может использоваться при лечении доброго десятка недугов, прежде всего, заболеваний печени и желудочно-кишечного тракта. Может быть, благодаря редкой по красоте природе и уникальному климату Боржоми был бы отличным местом для отдыха и без минеральной воды. Но всемирную славу этому курорту принесла именно она.

Интенсивность курортной жизни в Боржоми, начавшейся в середине XIX века, сильно упала в последнее десятилетие прошлого века из-за социально-экономических трудностей, с которыми столкнулась Грузия после развала СССР. Сейчас курорт постепенно возрождается.

- В Боржомском ущелье, - говорит руководитель Департамента туризма и курортов Грузии Саба Кикнадзе, - с точки зрения природных условий есть все для успешного развития курортного бизнеса. Нет, правда, моря. Но, как свидетельствует мировой опыт, горные и бальнеологические курорты пользуются не меньшей популярностью, чем морские. Наша задача сегодня - развивать местную инфраструктуру, работать над созданием имиджа этого сказочного края. В этом направлении делается немало. Начавший работать после реставрации парк оснащен лучше, чем парки грузинской столицы. Открываются гостиницы, кафе, рестораны. Налаживается экскурсионное обслуживание. А любители экстремальных видов спорта могут принять участие в горных походах или спуске по быстрой реке на надувных лодках. Главное же, отдыхающие имеют здесь возможность поправить здоровье, принимая целебную воду под наблюдением опытных специалистов. Результаты налицо. В прошлом году Боржоми посетило на 40 процентов больше отдыхающих, чем в предыдущие годы. Нынешним летом мы планируем увеличение этого показателя. Радует, что возрождается популярность курорта за рубежом, в первую очередь, конечно, в Российской Федерации.

Высокий авторитет был завоеван брендом «Боржоми» в считанные месяцы не в последнюю очередь благодаря имени основателя этой торговой марки - великого князя Михаила Романова, сына императора Николая Первого. Представители династии Романовых построили в тогда еще поселке Боржоми (статус города он получил в 1921 году после советизации Грузии) резиденцию императорской семьи, и уже одно это во многом способствовало превращению горной деревушки в курорт мирового значения.

С Романовыми в Боржомском ущелье связано многое. Построенный здесь первый мост через Куру был назван Ольгинским в честь супруги Михаила Романова. Сооружение простояло ровно 100 лет и было снесено наводнением в 1968 году. По указанию великого князя в 1894 году в Парке минеральных вод строится разливающий за-

Ликани

вод, который выпускал продукцию до 1950 года. Тогда же была проведена железнодорожная ветка между Боржоми и Хашури, заработал стекольный завод, на котором до середины прошлого века бутылки выдувались вручную. А чуть позже Михаил Романов построил первую в этих краях электростанцию мощностью в три тысячи лошадиных сил. Она снабжала электроэнергией все Боржомское ущелье и три прилегающих к нему района.

Объемы розлива и продажи воды росли фантастическими темпами. Если в 1854 году отсюда было вывезено 1350 бутылок, то в 1905-м – 320 тысяч. А в 1913 году было розлито более девяти миллионов бутылок минеральной воды. Забегая вперед, скажем, что в 80-е годы прошлого века объем продажи этой самой популярной на территории СССР минеральной воды составлял 400 миллионов бутылок в год.

С юности много времени проводил во дворце в селе Ликани в окрестностях Боржоми сын Михаила Романова – великий князь Николай Михайлович (1859 – 1919). Человек, бесспорно, неординарный, он служил в кавалергардах, командовал 16-м гренадерским Мингрельским полком, был командиром гренадерской дивизии, имел чины генерал-адъютанта и генерала от инфантерии. Но служба тяготила его. С гораздой большим интересом он предавался занятиям естествознанием и историей, которыми увлекся еще в подростковом возрасте. Великий князь оставил труды по истории. Его коллекция насекомых, считавшаяся в свое время одной из самых больших частных коллекций в мире, и сегодня хранится в запасниках Зоологического музея в Санкт-Петербурге.

Что же касается Дворца великого князя Николая Михайловича, в нем отдыхал вожь всех народов Иосиф Сталин, который в разные годы навещался в эту резиденцию.

Начальник Департамента туризма и курортов Грузии выразил надежду, что запрет на продажу в России минеральной воды «Боржоми» не повлияет на отношение в РФ к этому курорту. Собственно, этого и не должно произойти. Официально запрет на продажу «Боржоми» объясняется большим количеством фальсифицированной воды на российском рынке. О том, что настоящая вода «Боржоми» плоха, не говорится нигде. Ее высокое качество подтвердили итоги конкурса, прошедшего в начале июня в Москве в рамках международного конгресса

«АКВАТЕК-2006: вода, экология, технологии». Грузинские представители, присутствовавшие на форуме в качестве гостей, воспользовались предусмотренным положением конкурса правом представить продукцию без предварительной заявки. Дегустация и экспертиза проходили в закрытом режиме, т. е. дегустаторы не знали, что они пробуют. В итоге, вода «Боржоми» была признана лучшей среди почти 60 брендов, представленных на конкурс.

- Российские представители, - вспоминает Леван

Боржомское ущелье

Багдавадзе, вице-президент компании «Джорджиан Глаз энд Минерал Вотерс», обладающей эксклюзивным правом на розлив «Боржоми», - сердечно поздравили нас с победой, подчеркнув, что наш успех вполне заслуженный. Впрочем, к наградам воде «Боржоми» не привыкать.

По поводу обвинений в фальсификации Леван Багдавадзе говорит, что от фальсификации не застрахован никто. В то же время он исключает поставку фальсифицированной продукции из Грузии, поскольку условия на таможне очень жесткие. Леван Багдавадзе сообщил, что только за последние три года по инициативе его компании и при поддержке сотрудников местных органов надзора на территории России было обнаружено и закрыто около 60 подпольных цехов, где из питьевой соды и воды из-под крана «изготавливалась» минеральная вода «Боржоми».

Вице-президент признается, что потеря российского рынка для компании тяжела. Ведь в 2006 году планировалось вывезти в РФ 182,6 миллиона бутылок «Боржоми». Хотя, выход из положения найти можно. Вагоны с грузинской минеральной водой отправлены в Киргизию, Таджикистан и Монголию. На очереди Узбекистан. Ведутся активные переговоры о присутствии «Боржоми» на рынках Китая и стран Ближнего Востока. Предполагается увеличить объемы поставок в государства, где «Боржоми» продается давно. Таких стран 27.

- Наряду с этим, - подчеркнул Леван Багдавадзе, - мы будем бороться за российский рынок, который всегда был и, уверен, в недалеком будущем снова станет для нашей компании стратегически важным.

ДЭВИ БЕРДЗЕНИШВИЛИ

... из всех великих людей он самый загадочный. Единственное, что мы знаем о нем, что он жил и страдал.

Джеймс Джойс, «Улисс»

*Врубите Высоцкого
в полную силу
без всякого цоколя
в небо России!*

Андрей Вознесенский

НАШ ГАМЛЕТ

«С благодарностью вспоминаю обо всех, кто хоть чем-то содействовал или хотя бы не противодействовал моей работе по изучению русского анекдота конца XVIII - первых десятилетий XIX веков».

Это заключительные строки авторского вступления к диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук Ефима Курганова, нашего соотечественника, живущего сегодня в Париже и преподающего в Сорбонне. В этих - строках весь он, каким его помнят и любят учителя и бывшие одноклассники руставской школы, однокурсники и преподаватели Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили, его многочисленные друзья и коллеги в университетах Грузии, России, Эстонии, Финляндии, Израйля, Франции, Америки... В их числе виднейшие авторитеты мировой славистики и те, кому просто повезло оказаться в кругу его близких, быть рядом в едином с ним поле духовности, душевности и задушевности.

Что бы ни открывал своему читателю Ефим Курганов - эстетический ли феномен русского анекдота или ритуальность и мифопоэтику романов Достоевского - рассказывает это захватывающе, образно, с тонким юмором, за которым всегда чувствуется интонация и живое присутствие неординарной личности самого автора. Книги его становятся бестселлерами в первые же дни выхода. Незадолго до своего отъезда из Грузии Курганов оставил нам роскошный подарок - подготовленный им долгими изысканиями по архивам и напечатанный в издательстве «Мерани» двухтомник поэзии и прозы Зинаиды Гиппиус.

Свою кандидатскую диссертацию Ефим защищал в Тбилиси. А потом - защита докторской и почти десять лет жизни и плодотворной работы в Финляндии. За эти годы им издано множество книг научных статей, поз-

Е. Курганов

накомиться с которыми мы, к сожалению, в основном не имеем возможности. Потому я так рада представить с разрешения автора хотя бы одну его статью на страницах «Русского клуба». Уверена, что многие, прочитавшие ее, получат истинное эстетическое удовольствие и запомнят это имя - ЕФИМ КУРГАНОВ.

ВИКТОРИЯ ПОПОВА

Высоцкого давно уже окрестили НАШИМ ГАМЛЕТОМ. Отблески одноименного спектакля остались на нем навсегда. Можно даже сказать, что из роли Гамлета он до конца так уже и не вышел. Театральная маска оказалась подлинным лицом. Но, кажется, только Майя Туровская обмолвилась, что общность гораздо глубже. Она, видимо, не решилась отчетливо и громко произнести ВЫСОЦКИЙ и ШЕКСПИР, робко заметив: «Гамлет – роль, ставшая жизнью, или жизнь, ставшая ролью. Шекспир и действительность, во всяком случае, сопоставимы в его судьбе. Помимо целой россыпи баллад, в совокупности составивших нечто вроде малой энциклопедии нашей жизни, она сделала его поэтом личной темы...»

При всей неожиданности такого сопоставления, мне оно представляется не просто абсолютно оправданным. Без него в историко-культурной перспективе Высоцкий просто не может быть в полной мере понят.

И дело тут даже, может быть, и не в самом Шекспире.

Титаническая натура Высоцкого, его бешеный темперамент, так и не сдвинутый цивилизованностью, условностями культурного поведения, высочайший трагизм, перемешанный с искрометной буффонадой, высвобожденная от пут средневековья, свободно льющаяся энергия духа и тела – все это открывает нам человека эпохи Возрождения, открывает породу людей, которая как будто давно должна была исчезнуть.

Высоцкий был другой, иной, чем мы, и он явно оказывается ближе к Шекспиру, чем к нам. Тут совпадение не субъективно-личное, а, так сказать, социально-культурное.

Вспомним, что Шекспира целые столетия (даже умнейший Вольтер) обзывали мужиком, дикарем, все перемешавшим, не соблюдавшим правила литературного этикета, дерзко и самонадеянно путавшим жанры.

Еще Бен Джонсон, признавая, что Шекспир при-

MR. WILLIAM
SHAKESPEARES
COMEDIES,
HISTORIES, &
TRAGEDIES.

Published according to the True Originall Copies.

LONDON
Printed by Isaac Iaggard, and Ed. Blount. 1623

надлежит всем странам и всем эпохам, вместе с тем утверждал, что ему «недоставало искусства». Самая книжность Шекспира была настолько непривычна, что все это сконструировано, придумано, настолько люди Шекспира были живые и достоверные, настолько их много и все они разные, со своей интонацией.

Как тут не вспомнить Высоцкого? Кто он? Певец, поэт, артист, или все это вместе? Он оказывается вне

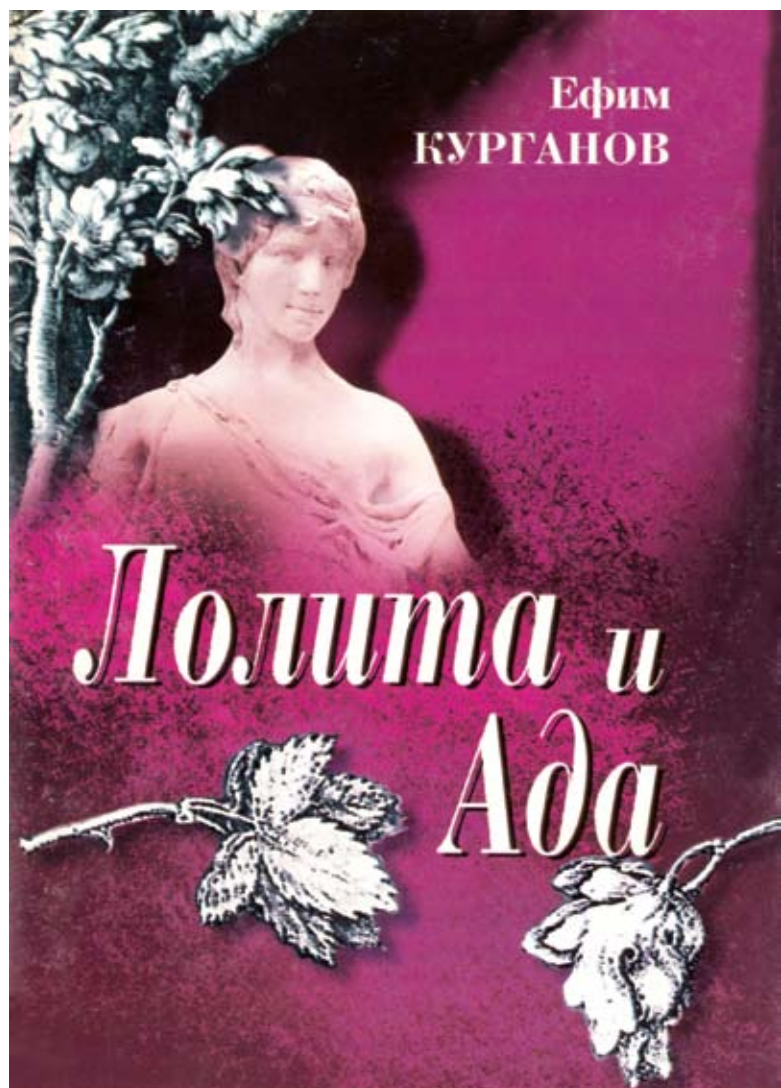
каких бы то ни было рубрик, ибо отказался соблюдать правила, как и Шекспир.

И вот что еще крайне важно. Интеллектуализм Высоцкого, человека достаточно рафинированного, любителя тонкой, изысканной поэзии, был настолько загнан внутрь, настолько не выпирал в его текстах, что Высоцкий тысячами его поклонников совершенно серьезно воспринимался как блатарь, шофер, геолог, моряк, летчик и т.д. Вся эта уникальная галерея характеров списывалась на него же. Данная особенность до странности оказывается близка феномену Шекспира. Суть этого феномена в том, что читатели и зрители отказываются признавать наличие ниточек, при помощи которых кукольник как бы оживляет персонажей действия, более того, автор оставляет их в полной уверенности, что ПЕРСОНАЖИ - ЖИВЫЕ.

В представлении писателей и теоретиков классицизма Шекспир творил не по правилам. Все дело в том, что он творил не по *их* правилам, а в *его* правилах они разбираться не хотели. Романтики, в споре с классицистами канонизируя Шекспира, вслед за ними исходили из его неправильности, только им она уже нравилась и даже принималась за образец.

Канонизируя Шекспира, романтики опирались на постулат о его феноменальной правдивости и безукоризненной психологической точности созданных им характеров. Только через столетие, к первым десятилетиям XX века, стало очевидным, что романтики попались на удочку. Возникло даже целое ответвление в шекспироведении, известное как реалистическая критика, главной целью своей поставившее доказательство того, что Шекспир виртуозно создавал иллюзию правдивости, что он чисто театрален и суперусловен, на что указал А. Аникст: «Критика (романтическая - Е.К.) совершила неправомерную подмену искусства жизнью. Она стала рассматривать пьесы и героев по законам жизни, тогда как их следует рассматривать по законам искусства, в данном случае еще и по законам самого условного вида искусства - драмы. Это не значит, что образы, созданные Шекспиром, лишены жизненного смысла. Искусство Шекспира заключалось в том, что он при помощи условных приемов создавал эмоциональную иллюзию реальности. Мы воспринимаем образы Шекспира как реальных людей, но в пьесах они живут и действуют по законам драматургии ренессансного театра».

Шекспир был настолько убедителен, настолько достоверен (немалую роль тут сыграл, как и в случае с Высоцким, опыт актерской работы, ясное понимание того, как словесный образ может быть с максимальной точностью *всажен* в слушателя), что целые поколения

зрителей не желали видеть в этом искусство, т.е. нечто сочиненное, вымышленное. Возникал неизбежный оптический обман, бывший следствием той великолепной книжности, которая так растворялась в тексте, что потом совершенно не выпирала, не ощущалась в виде швов.

Голограммность и обилие нескончаемых образов, проскакивающих в художественное произведение как бы непосредственно из самой жизни, позволяет провести пунктирную линию между Высоцким и Шекспиром. Они ничуть не похожи, но миры их возникли и существуют в одной системе измерения. Творения Шекспира достаточно долго не осознавались как искусство именно потому, что были высочайшим искусством. Песни Высоцкого воспринимались как безыскусная правда, как непосредственные всплески души и моментальные фотографические снимки, и это при самой несомненной своей внутренней литературности.

Понимание того, что искусство является подлинным тогда, когда, вопреки всему, не замечаешь лежащей в его основе условности, лежит и в основе эстети-

ки Шекспира, и в основе эстетики Высоцкого. Кстати, последний даже декларировал это в песне о масках, которые почему-то принимают за лица и которые могут срастись с лицом.

И еще одна общая черта, сама по себе достаточно необычная. Собственно, Высоцкий отнюдь не работал в жанре песни. Точнее говоря, в песню он виртуозно и органично встроил все мыслимые жанры, литературные и бытовые, – диалог, отчет о командировке, инструкцию, спортивный репортаж, драматические сцены, фарс, комедию, детектив, научную фантастику, роман в письмах, трагедию, хронику и т.д. С этим, на мой взгляд, сопоставим только опыт Шекспира, умудрившегося втиснуть в свои пьесы все возможное разнообразие жанров.

Фактически все, о чем шла речь, показывает, что **ВАРВАРСТВО** (демонстративный отказ от книжной культуры при неизменной внутренней интеллектуальной основе) является своего рода кодом к мирам Шекспира и Высоцкого. Несомненно, Высоцкий не похож на Шекспира, да и эстетический эффект их произведения производят глубоко различный. Но вот только без

сопоставления с Шекспиром явление Высоцкого, как мне кажется, не очень понятно.

Высоцкий захотел прожить и прожил сотни жизней, примерил на себя целую гору характеров, во многом никак не совпадающих друг с другом, показал самые разные профессии, от старателя и карманника до обитателя психушки и нейрохирурга. Высоцкий уникально смог охватить свое время, смог вжиться в весь спектр социальных слоев общества, смог вобрать в себя дух времени, более того, смог даже стать воплощением этого духа: «Мы – дети страшных лет России./ Безвременье вливало водку в нас».

Говоря о том, что Высоцкий захотел прожить сотни жизней и перепробовать самые разные судьбы и профессии, просто нельзя не вспомнить о феномене Шекспира. Вновь предоставлю слово А. Аниксту: «Творчество Шекспира вобрало в себя все излучения эпохи. Не было ни одной стороны английской жизни, которая не получила бы отражения в его произведениях. К трехсотлетию со дня смерти Шекспира, в 1916 году английские ученые составили двухтомное исследование «Шекспировская Англия». Они взяли все аспекты общественной и частной жизни эпохи, ее религиозные течения, идеологию, культуру, быт, и оказалось, что в произведениях Шекспира можно найти ссылки буквально на все стороны современной ему действительности... можно долго перечислять различные виды жизнедеятельности, явления природы, общественной жизни и науки – все это так или иначе нашло отражение в произведениях Шекспира. Кажется, нет ни одного предмета, который не попал бы в орбиту его внимания, – зоркий взгляд Шекспира подмечал все, что было в окружающем мире. Шекспир обо всем пишет с той уверенностью, которая заставила биографов предполагать, что в разные периоды жизни он был и школьным учителем, и законоводителем, и солдатом, и мореходом. На проверку оказывается, что он не был ни тем, ни другим, ни третьим».

Поразительно! Шекспира считали солдатом, мореходом, школьным учителем, а Высоцкого, бывшего столь же предельно достоверным во всякой своей игре, во всякой своей песне, принимали за солдата Великой Отечественной, за моряка, геолога, рецидивиста. Высоцкий, как и Шекспир, смог стать всем. Фактически он равняется всей своей эпохе.

Народность Высоцкого – народность шекспировского типа.

Пушкин (особенно в период создания «Бориса Годунова») хотел быть народным по-шекспировски. Но он изначально был элитарен, и элитарность «Бориса Годунова» совершенно очевидна. Трагедия изощренно

Ефим КУРГАНОВ

Роман
Ф. М. Достоевского
«ИДИОТ»

Опыт прочтения

литературна, ее простонародный язык запрограммирован, сочинен, стилизован. Свобода построения «Бориса Годунова» демонстративна, но хуже всего то, что она по характеру своему является глубоко ученической. Она неорганична, она есть следование образцу, есть результат желания быть свободным, как Шекспир. Но подражание не ведет к свободе, отнюдь.

«Борис Годунов» – это стилизация под площадный театр, театр, в котором трагедия и фарс живут вместе, театр, свободный от правил принятого литературного этикета. Пушкинская пьеса – это своего рода попытка реанимирования принципов возрожденческого театра. Как эксперимент (писать в XIX столетии как Шекспир, совершенно в духе шекспировских хроник на материале русской истории) попытка была крайне интересна, но все дело в том, что в ней органику, спонтанный творческий порыв слишком забивал интеллектуальный изыск.

«Бориса Годунова» на площади не поставишь. Тут, видимо, было объективное препятствие. Пушкин – европеец послевозрожденческой формации, когда безмерность была заменена строжайшим соблюдением меры. Шекспировской свободы искусственными средствами не достигнешь.

Высоцкий народен в прямом смысле слова и от этого никуда не уйдешь, народен именно по-шекспировски. Причем для достижения этого он не предпринимал никаких специальных усилий. Просто он оказался вне социально-культурных рамок.

Песни Булата Окуджава пользовались в свое время бешеной популярностью, но они были нескрываемо интеллигентны. То же самое – и Галич. Он пел от имени ДРУГИХ. Но дистанция между героем и автором была нерушима.

Пародийная стилизованность текстов была неизбежна. Пародийность многих текстов Высоцкого отказывались замечать. Воры приняли его блатные песни за СВОИ. Рубикон между зрителем (слушателем) и автором был разрушен.

Высоцкий стал для всех СВОИМ. Отсюда – пиратские копии его песен, наводнившие мир, чего не было ни с Окуджавой, ни с Галичем. Отсюда – песни ПОД Высоцкого (не подражания, а фальшивки). Отсюда – тот случай, произошедший как-то с ним самим: зашел в парижский ресторан и услышал свою песню, которая была объявлена как русская народная.

На мой взгляд, это сопоставимо только с Шекспиром, хоть он и творил в эпоху, когда магнитофонная эра не могла возникнуть даже в самой изощренной фантазии. И все-таки и тогда происходило нечто подобное.

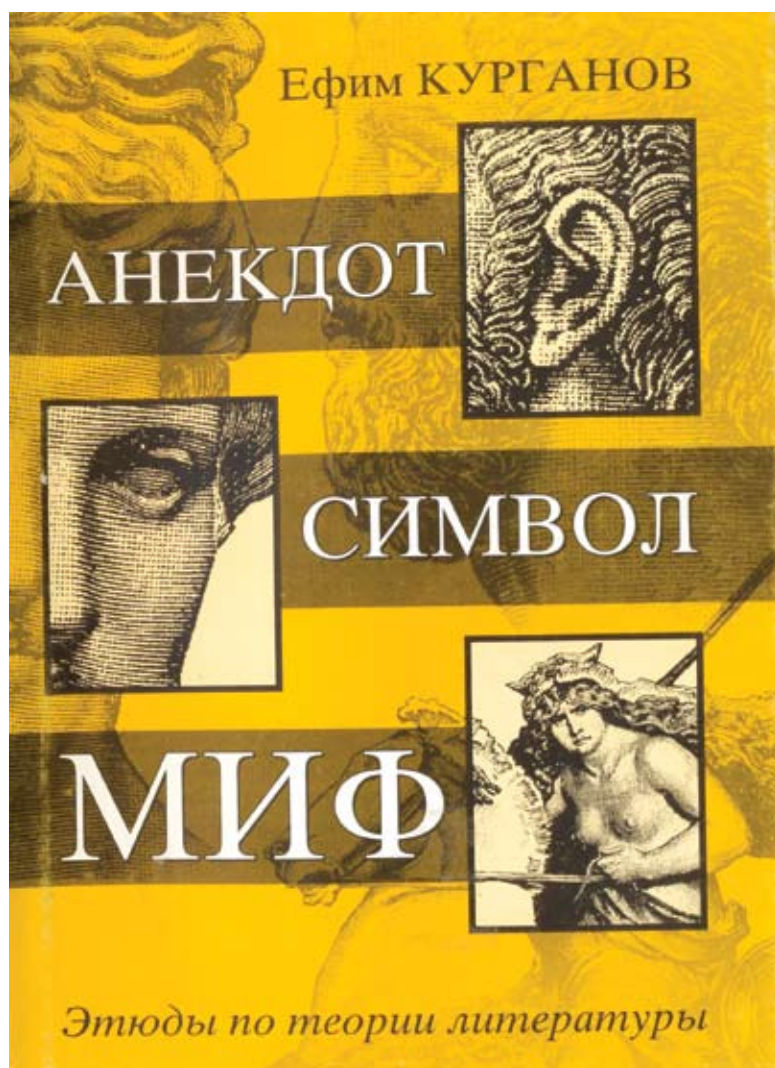
Не на спектакли Лопе де Вега, Кальдерона, Гюго,

Островского, а именно в театр «Глобус» приходили и стенографировали шекспировские спектакли, а потом появлялись пиратские издания шекспировских пьес, полные ошибок и искажений. Дело тут не в художественных достоинствах (это важно для специалистов), а в том, что и Высоцкий, и Шекспир резко и откровенно говорили со своим временем на языке своего времени.

И еще одну линию тут совершенно необходимо прочертить.

Одна из наиболее расхожих претензий к Высоцкому заключается в том, что при чтении его песни зачастую как бы гаснут, теряют во многом силу своего магического воздействия. Упрек распространенный, но все равно странный. Это – песни. Их надо слушать. Если же все-таки читаете их, то не жалуйтесь. Голос Высоцкого – мощный, конструктивный, организующий фактор. Он не сглаживает шероховатости, а объединяет и направляет словесно-эмоциональную энергию.

Да, Высоцкий мечтал напечататься, мечтал издать книгу, хотел быть признанным как писатель. Но он не был обычным советским писателем. Тексты его изначально были рассчитаны на устное восприятие, стро-

ясь с учетом того, что эмоцию и мысль понесет, привлечет грандиозная мощь голоса.

Шекспир в высшей степени устный автор. Он опубликовал две свои поэмы («Венера и Адонис» и «Обесчещенная Лукреция»), которые оказались малопривлекательными для последующих поколений. Пьес же своих он не печатал. Данное обстоятельство достаточно убедительно объяснил в свое время Гете в разговоре с И. Эккерманом: «Вообще Шекспир в своих пьесах едва ли думал о том, что они будут лежать перед читателем, как ряды напечатанных букв, которые можно пересчитать и сопоставить между собою; скорее, он видел перед собою сцену, когда писал. Он видел в своих пьесах нечто неподвижное и живое, что быстро изливается с подмостков перед зрителями и слушателями, что нельзя удержать и подвергнуть мелочной детальной критике; поэтому его задачей было дать самое яркое и действенное в данный момент».

Приведенное замечание Гете объясняет, что разного рода неувязки и обмолвки, нередкие в пьесах Шек-

спира (все они собраны и прокомментированы шекспироведами), для писателя не имели существенного значения. Шекспир мыслил свое слово только звучащим, аранжированным жестами и мимикой, и знал, что разного рода мелкие несоответствия потонут, растворятся в мощной, наступательной энергии действия. Замечательным дополнением и уточнением к замечанию Гете являются слова шекспироведа и переводчика М. Морозова: «Язык Шекспира, по-видимому, обладал свойством «природного», т.е. непосредственного воздействия на зрителей. Даже и сейчас фраза Шекспира «звучит» с английской сцены. Она гораздо труднее в чтении и необычайно трудна при лингвистическом анализе. Прав, с точки зрения современного читателя, Уолтер Ролей, который, процитировав место из «Бури», не поддающееся, по его мнению, грамматическому анализу, замечает: «Тот, кто бежит, прочитает; тот, кто остановится и задумается, задохнется в этой грамматической путанице».

Высоцкий, как и Шекспир, имел не столько читателя, сколько зрителя и слушателя. И предпочитали они прежде всего именно непосредственное воздействие (известно, что Высоцкий, например, рвался из этих рамок, но логику судьбы и ему не было дано перебороть). Исходя из своего актерского опыта, они точно чувствовали силу и глубину воздействия словесного образа, знали, что может сделать с человеком слово, насыщенное энергией.

Высоцкий и Шекспир были невероятно естественны и в то же время феноменально тотальны. В письменную эпоху они сумели реализовать себя именно в слове звучащем.

Когда пишешь о Высоцком, трудно выйти из жгучих проблем его эпохи, открытым, мощным голосом которой он был. Между тем, неплохо бы помнить еще, что трагический титанизм Высоцкого не был случайностью в истории моровой культуры. Явление Высоцкого убеждает, что Возрождение не исчезло безвозвратно. Можно, конечно, сказать: «А кто он, собственно, такой? Что за классик выискался?» Да, можно (в подобных выражениях уже в свое время высказывались о Шекспире, считая его выскочкой и недоучкой). Но невероятная, немислимая сила постоянного напряжения голоса, нервов, души, сила, излучаемая песнями Высоцкого и почти физически ощутимая, не знающая никаких препон и преград, не боящаяся никаких жанрово-эстетических перегородок, все это свидетельствует, что Принц Таганки был именно из той, выведшейся как будто породы.

ЕФИМ КУРГАНОВ

Человеческий мир – загадка. Тем более загадочна природа человека творческого. Он живет в иных реалиях. Это отнюдь не пафос – для созидания даже «почва» нужна другая.

Кто-то из художников на вопрос работает ли он, ответил: «Я цвету». Это состояние души.

Галактион писал: «Поэзия прежде всего».

Не зря Тбилиси считают городом поэтов. Экзотичность улочек, ползущих змейками в гору, пестрота балконов в резном ажуре, воды зеленоватой Мтквари и синее южное небо разжигают потребность высказаться.

И хочется сказать не про себя и не шепотом, а громко – чтоб услышали. И выбираешь путь поэта.

Какие они, поэты? Понятные или непонятные, нужные ли и кому?! Наверное, на эти вопросы ответит время. Когда-нибудь...

Говорят, поэтам необходимо объединяться, чтобы изменить мир. Около года назад в нашем городе появился творческий союз: «Молот О.К.» (молодежное объединение литераторов, обитающих в Тбилиси). Это: Дмитрий Лоскутов, Анна Лобова, Сусанна Армянян, Дмитрий Спорышев, Игорь Эибов, Лали Элизарашвили, Тата Навлишвили, Александр Карабегов, Марина Ламар, Ирина

«ДРУЗЕЙ МОИХ ПРЕКРАСНЫЕ ЧЕРТЫ...»

На презентации

Парошина, Юлия Ключникова, Антон Белоусов, Ада Пленнинг, Олег Мчедлишвили, группа «Пилигримы» (Елена Каулина, Алексей Лобов, Александр Дьяченко, Давид Мезурнишвили, Константин Хачатуров) ...

Нередко участники «Молотка» задаются вопросом: «Зачем мне это надо?» Эта строчка звучит и в авторской песне Олега Мчедлишвили. До «Молотка» одни жили со своим миром, оберегая его от посторонних глаз, и писали «в стол», другие печатались по воле случая. Но произошла их встреча, и «Молот О.К.» зазвучал, выстукивая собственный ритм.

«Ложь, что мысли повторяются. Каждая мысль нова, потому что ее окружает... новое», - писал Александр Блок.

Чтобы научиться писать, надо писать! И тогда станет ясно: кто ты есть, чего ждешь от жизни, что ищешь на своем пути?

«Чтобы стать мастером, нужна вся жизнь, чтобы стать поэтом - нужна вечность. Нельзя «выдрессировать» человека чувствовать. А вот научить мастерству можно и нужно» - Дмитрий Лоскутов.

Идея ученичества знакома всем. «Поэт всегда ученик» (Иван Франко).

Наставлять и воспитывать вкус - тоже искусство. Владеют им поэт, художник, журналист Михаил Ляшенко и переводчик, редактор Анна Шахназарова - ценители современной поэзии, основатели поэтического журнала «АБГ». Образовав центр притяжения - «Молот О.К.», к которому стягивается «не без таланта» молодежь, они без амбиций отходят в тень. Молодые относятся к ним с уважением и полным доверием. Цель - обрести мастерство и не утратить индивидуальность.

Еженедельные воскресные занятия - это перманентный «обмен» творчеством. На этих встречах в процессе обсуждений, споров появлялись на свет оригинальные рубрики сборника «Молот О.К.», зачитывались подстрочки к будущим переводам и еще сырые «черновики». И не только. Именно в эти «воскресники» шла подготовка к выпуску первого и второго издания «Молотка» (презентация первого номера состоялась в декабре 2005-го, второго - в мае этого года), к вечеру памяти Владимира Высоцкого, а также созрел замысел пьесы «Между прессой и наковальней» (авторы - С. Армянян, Д. Лоскутов, Д. Спорышев). В феврале она была поставлена на Малой сцене Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени Грибоедова.

«Молот О.К.» придал кому-то решительность и оптимизм, кому-то веру в себя и в окружающих. Он и «детище», и «второй дом», для кого-то - эксперимент, а для кого-то - проба пера. Каждому свое.

Призыв к добру, на котором строятся нормальные человеческие отношения, здесь не носит тон назидания, он не слащав. И гостеприимство «хозяев» не мнимое. Это притягивает.

По словам Михаила Ляшенко, поэзия - излишество, но эта та форма, которой можно выразить то, что нельзя выразить иными способами.

«Открыть душу до конца невозможно. Душу видит только Бог. А стихи - это откровение души», - считает

Юлия Ключникова. Ей вторит Дмитрий Спорышев: «Откровение - это боль, а боль знакома каждому. Настоящий поэт должен страдать.

Он всегда в поиске правды...»

«Но общего рецепта не существует, - развивает тему Сусанна Армянян, - Поэзия в большей степени шаманство, она всегда содержит долю мистики. Нас объединил интерес ко всему интересному, давно существующему в мире, либо только-только сотворенному...»

Естественен интерес молодых поэтов к грузинской поэзии.

Переводы - это тот диалог, который уже почти двести лет ведется между русскими и грузинскими поэтами и который помогает наводить мост между двумя соседними культурами. В рубрике «Трансферы» «Молот О.К.» продолжает добрую традицию.

«Нам нужны «разношерстные» слушатели. Они пришли, они тебя слышат. Надо уметь добиваться отдачи от аудитории. Если нет отклика - все рухнет. Ведь искусство - обмен эмоциями», - размышляет Дмитрий Лоскутов.

«Я трону струну, обнаружу - у зрителя натянута та же струна. И тогда мы начинаем звучать в унисон», - Сусанна Армянян.

Мир поэта, в котором носятся символы и образы, рождаются ассоциативный ряд и вязь стиха, хрупок.

«В этом мире нежно-ином/ мы - одинокие души...» (Дмитрий Спорышев)

Сегодняшний день полон проблем. Поиском Прекрасного интересуются все меньше и меньше.

«Люди теряют себя - человека/ день ото дня в псевдо-важности дел...» (Дмитрий Лоскутов)

Сможет ли Тбилиси прожить без поэзии?

«Возможно, реальный Тбилиси проживет, а вот метафизический - нет», - Олег Мчедлишвили.

У каждого, кто пришел в «Молот О.К.», свой жизненный опыт, своя жизненная позиция. Объединившись, они стали единицей мыслящей, действующей.

«Молот О.К.» только в начале пути, впереди - большая жизнь.

Время решает все. И настанет «свой черед» стихам, что «брызги из фонтана» и «искры из ракет»... И пусть они, идущие от сердца, будут искренние.

АЛЕНА ДЕНЯГА

Игорь Нагорный с учеником оператором Б. Павельчуком

С КИНОКАМЕРОЙ ПО ЖИЗНИ

Полвека назад телевизор был в диковинку. Смотрели его коллективно, всем двором и очень эмоционально. Дикторши слыли законодательницами моды – им подражали в прическе и манерах. И хоть читали они исключительно программу телепередач, звездности это не убавляло. Кинокамеры были втрое тяжелее современных и от оператора требовалась хорошая физическая подготовка... Игорь Нагорный – известный оператор, заслуженный деятель искусств Грузии, сын основоположника грузинской кинодокументалистики Николая Нагорного, знает об этом не понаслышке. Он из числа ветеранов Грузинского телевидения (оно начало вещать в новогоднюю ночь 1957 года), один из тех, кто вошел в первую съемочную группу и впоследствии ее возглавил. Профессию Игорь Николаевич принял как генетическую данность и как веление судьбы.

КОММЕРСАНТ НА СЦЕНЕ

В Грузии живет четвертое поколение Нагорных. У деда Павла была под Рустави своя ферма и он мечтал сделать из сына коммерсанта. Привез в Тифлис, отдал в нахлебники родственникам, справил ему шинель. Николая Нагорного определили в коммерческое училище. Но актерская стезя не давала покоя студенту, он посещал театральные кружки. После окончания училища Николай Нагорный начал играть в театрах: рабоче-художественном, Тифлисском театре миниатюр, в «Кривом Джимми». На репетиции в Народном театре молодая артистка, проходя, случайно задела его длинным шелковым платьем. Вслед ей прозвучала раздраженная реплика: «Путаются под ногами всякие». «Так, - улыбается Игорь Нагорный, - состоялось знаменательное знакомство моих родителей».

В театральных кругах Николай Нагорный познакомился и подружился с Михаилом Чиаурели, Михаилом Калатозовым, Константином Шах-Азизовым, Марком Перцовским и многими другими будущими знаменитостями. Нагорный со своей яркой внешностью одинаково удачно вписывался и в роли кинто, и в роли генералов. В 1923 году он снялся в нашумевшем немом фильме «Красные дьяволята» Ивана Перестиани (в одной серии играл белого офицера, в другой – красного работника почты). На съемках фильма «Элисо» (режиссер Николай Шенгелая, золотой фонд, 1928 г.) Николай Нагорный был ассистентом режиссера по массовке. Долгие годы связывала дружба Николая Нагорного и Николая Шенгелая.

Дагестан того времени. Люди не умели писать, ставили вместо подписи крестики. «Но отцу даже в голову не пришло бы кого-нибудь обвести. Он заведовал денежным фондом и каждому за участие выдавал три рубля».

Как это часто бывает, Николай Нагорный постепенно заинтересовался самим съемочным процессом. На мастер-классы рассчитывать не приходилось. На киностудии, на которой Николай Нагорный устроился лаборантом в цехе по проявке пленок, нашел старый деревянный аппарат «Дерби». С него все и началось.

Кино только входило в быт. На киностудии «Грузия-фильм» открыли сектор кинохроники. Нужно было запечатлеть многостороннюю жизнь – новостройки Тбилиси, производство, колхозные будни и праздники, театральные премьеры, спортивные события. Новостей – тьма, а хроникеров только 12. Успевай снимать. Зато везде почет и уважение. «Здравствуйте, Николай Павлович, – приветствовали во время парада заводские люди. «Папа обязательно брал меня на демонстрации – 1 мая, 7 ноября, – рассказывает Игорь Нагорный. – Работать в таких экстренных условиях было непросто. Бежишь с тяжелым аппаратом и крутишь ручку на ходу. Потом выбрал точку, установил штатив, чуть поснимал, снова сложил – и дальше.

Летом, вспоминает Игорь Нагорный, ездили вместе с отцом на съемки. Семью документалиста прикрепляли то к помидорной плантации, то к дому сельского старосты. Запомнились горные переезды на лошадях в грозовую погоду – ночевать приходилось на биологических станциях. Супруга Нагорного, та самая актриса с романтическим именем Сильвия, полностью посвятила себя мужу и следовала за ним повсюду.

Сына Николай Нагорный устроил в детсад при киностудии (тогда это называлось «деточаг»). Сохранилось заявление. На киностудийном пяточке, мимо которого шла дорога в детсад, обычно собирались знаменитости

– Акакий Хорава, Васо Годзиашвили, Акакий Васадзе, Верико Анджапаридзе, Ната Вачнадзе... Дети могли вживую лицезреть мэтров. Кроме того, становились свидетелями захватывающих павильонных съемок: костры, воины в кольчугах. Эти самые кольчуги (реквизит фильма «Георгий Саакадзе») можно было потом примерять, фехтовать картонными саблями...

В 1935 году Николай Нагорный снял авторский фильм «Рейс в Радостную» – о первой в стране тбилисской детской железной дороге. Потом были картины: «Шота Руставели», «Село Салме», «Весна в Кахети», «День войны», «День мира», «Лермонтов в Грузии», дипломная работа Тенгиза Абуладзе «Дмитрий Аракишвили»... Более ста документальных фильмов о жизни замечательных людей и земле грузинской. Все эти материалы могут служить хрестоматией...

ПАРАД КРАСАВИЦ

Каждую весну Игорь Нагорный цепляет на лацкан пиджака отцовский значок «20 лет кино», выпущенный Монетным двором. В Союзе такие значки имели несколько человек (в их числе Михаил Чиаурели и Василий Доленко). И выдавались они Президиумом Верховного Совета СССР. Для Игоря Нагорного это – память и символ причастности к удивительному миру кино. Хотя и пользовался более сорока лет покровительством 11-й

Родители - Николай и Сильвия Нагорные

музы (если кино десятая, то телевидение, стало быть, одиннадцатая).

Первые впечатления от посещения редакции Грузинского телевидения (первоначально она располагалась в Доме связи) оказались яркими – парад красавиц, по словам Игоря Нагорного. Молодые хорошенькие девушки ходили с бумагами по коридору. С ними предстояло трудничать... Вначале основали киносъемочную группу из двух человек. Игорь Нагорный вместе с Тенгизом Ломидзе готовили сюжеты для 10-минутного тележурнала «С киноаппаратом по городу». Выходила передача

три-четыре раза в месяц и была прототипом нынешних новостей. Информационную службу создали позднее.

На верхнем плато фуникулера располагалась 40-метровая студия. Сотрудников телевидения до полуночи обслуживал трамвайчик. Бывало, что не укладывались во времени и тогда возвращались домой пешком. На всю студию – один «пазик», с «адским водителем», как говорит Нагорный. Автобус возил и съемочную группу, и актеров, и пленки, и костюмы. Порой водитель отправлялся халтурить и возникала ситуация SOS. «Жизнь кипела, - говорит Игорь Нагорный, - мы были одной семьей, учились, профессионально росли».

Дикторы Лия Микадзе и Александра Мачавариани читали программу телепередач. По ящику того времени можно было посмотреть киножурнал, художественный фильм. Причем, вещание распространялось не на все городские районы, а преимущественно на Авлабар, Сололаки, Плеханова. Элитный Ваке «оставался на бобах» - для маленькой телевизионной мачты горы представляли преграду. «Первые телевизоры, - рассказывает Игорь Нагорный, - имели экран величиной с сигаретную коробку. Перед ними еще стояла линза с водой – для улучшения изображения».

Постепенно функции студии расширялись. На 40-метровом пространстве умудрялись снимать телестановки. Случались в работе неожиданные эпизоды. Как-то поднявшись в студию, Игорь Нагорный столкнулся нос к носу с Лениным (телеспектакль посвящался какому-то празднику), в другой раз – с тигром Пуршем, которого привела дрессировщица Маргарита Назарова.

Художественный фильм «Рука матери» (режиссер Мераб Джалиашвили, Нагорный – ассистент оператора) вначале задумывался как телестановка. Но когда собрали материал, получилась художественная картина, пополнившая золотой фонд.

До 1993 года операторы пользовались 16-ти мм пленкой. Оперативно ее проявляли, производили монтаж, то есть совершали ту часть работы, которая незнакома их современным коллегам.

Кстати, свою старую верную камеру «Пентафлекс» Игорь Нагорный подарил студии «Пионер-фильм» (название, как ни странно, не изменилось) при Дворце учащейся молодежи. Игорь Николаевич на «Пионер-фильме» - желанный гость. Кавалер Ордена Чести и мастер-классы читает, и в жюри заседает на фестивалях любительских фильмов. Приглашают на сцену – «расскажите». А как ее рассказать-то, жизнь?!

МАССАЖ ОТ ПЛИСЕЦКОЙ

Мы сидим на кухне у Игоря Николаевича, чаевничаем. И медленно, вразброс плывут воспоминания. О красавице маме Сильвии, которой посвящали стихи: «Бальзам на раненные души всегда припрятан у Сильвуши»... О военном времени и традиции «во субботу», когда ходили в гости со своим обедом. Существовал кодекс субботних вечеров. Один из его пунктов, к примеру, гласил: «Не доверяй скромному аппетиту дам, не будь наивным – не те времена»...

Это абсолютная правда, что фундамент – от семьи.

Привычка подходить ко всему творчески осталась на всю жизнь.

- Оператор – не исполнитель, а творец, - воодушевляется Игорь Николаевич. - Нужно искать неожиданный ракурс, точку. Постараться передать настроение. Если удалось найти два-три интересных приема – считай, успех.

Репортажи не могли быть шаблонными – их смотрели не только в Грузии, но и во всем Союзе. Ретрансляторов не существовало. Приходилось лично отвозить отснятые материалы в Москву, на Центральное телевидение. Часто попутчиком Нагорного бывал близкий друг Котэ Махарадзе (Софико Чиаурели до сих пор называет Нагорного «Котеиас руси» - «русский Котэ»). Возили

Кинохроникеры 30-х годов

документальные ленты о народных умельцах-гончарах, кузнецах, о национальных видах спорта «цхенбурти» (футбол на лошадях), «лелобурти» (тезка регби). Событийные материалы. И так два-три раза в месяц. Своими людьми считались в Останкино.

Во время некоторых съемок Нагорные – отец с сыном – пересекались. Один снимал для кинохроники, другой – для телевидения. Как-то из альбома выпало их фото, и сын увидел лестную надпись: «коллеге».

Игорь Нагорный очень увлеченно взялся за серию

С Верико Анджапаридзе

И. Нагорный и А. Райкин

А. Фрейндлих и И. Нагорный

документальных фильмов о мэтрах. Работал с Сесилией Такашвили, Верико Анджапаридзе, Акакием Хорава, Акакием Васадзе, Серго Закариадзе, Ладо Гудиашвили, Учей Джапаридзе... Совместно с венгерскими коллегами работал над фильмом «Михай Зичи». Документальный цикл «Я - тбилисец» (автор и режиссер Тенгиз Сулханишвили) включал рассказы о прославленных выходцах из Грузии - Георгие Товстоногове, Евгении Лебедеве, Владимире Бураковском, Евгении Примакове, Микаэле Таривердиеве.

От каждой встречи остались личные впечатления, новые штрихи... В малейших деталях врезалась в память передача о Сергее Параджанове.

Поразила муза Маяковского - Лиля Брик. Светская львица, несмотря на годы. В весеннем пальто, на каблучках, тонкие духи. «В ней чувствовалась магия чаровницы,- говорит Нагорный. - Мы пригласили ее вместе с Василием Катаняном на просмотр телефильма «Я сам», снятом по заказу ЦТ, о Владимире Маяковском». На первом фестивале телевизионных фильмов в Киеве он был удостоен премии за новаторское решение темы.

Для этого же фильма Игорь Нагорный подкараулил залп «Авроры». Крейсер стрелял лишь раз в праздник - не зевай, оператор!

Сколько героев, столько воспоминаний... Майя Плисецкая однажды его вылечила от радикулита во время съемок, сделав массаж. Совместное фото с Константином Райкиным, где запечатлен процесс работы над фильмом, помогло благополучно преодолеть таможенный пункт на грузино-российской границе. Фотографии энное число лет, а на таможне срабатывает. Ничто не забыто.

Недавно в Москве вышел новый справочник «Деятели кинематографии» и там упомянуты Нагорные, отец и сын.

Мы вынимали по одному фанту из мешочка воспоминаний. И еще осталось для следующего юбилея телевидения.

МЕДЕЯ АМИРХАНОВА

С К. Махарадзе

С Ф. Мкртчяном

На съемке Г. Товстоногова и С. Чиаурели

РОССИЯ, МОЯ ЛЮБОВЬ

В 90-е годы, годы гражданской войны и лихолетья, Петр Орлов приехал в Грузию в качестве представителя делегации ООН, менеджера проекта по гуманитарным программам Европейской комиссии в Грузии и Армении. В 1997 году открыл в Грузии представительство компании Swiss Group SGS. В 1999 году был избран президентом торгово-промышленной компании. Работал в инвестиционной компании. Судьба распорядилась так, что он вынужден был оставить свой пост, и возвратиться в Швейцарию. Позже он принял предложение бельгийского правительства и стал почетным консулом Королевства Бельгии в Грузии.

С Петром Алексеевичем Орловым встретиться

было необыкновенно просто. В назначенный час сам открыл дверь и любезно пригласил меня войти. Просторный кабинет, рабочий стол, стены, увешанные картинами. Над столом графа портрет королевской четы Бельгии. На другой стороне - картина: бегущий рысцой красавец-жеребец. Черный рояль, семейные фотографии...

«Я русский по происхождению, гражданин Швейцарии, консул Бельгии в Грузии», - говорит Петр Алексеевич и сразу располагает к себе.

Петя Орлов родился в Швейцарии. Отец, Алексей

Граф Петр Орлов

Сергеевич, состоял на службе в царской армии. «Как и все Орловы, отец верою и правдой служил отечеству и царю», - вспоминает Петр Алексеевич. Родители Петра Алексеевича хотели пожениться, однако, близкие воспротивились браку: «Пусть кончится революция, все уляжется, тогда и поженитесь». Но революция продолжалась. «Отец участвовал в Белом движении, прадед матери родом из Швейцарии, поэтому она выехала туда». Пять лет Алексей Сергеевич Орлов не знал, где его невеста, однако, был убежден, что избранница ждет его.

Они всегда считали себя русскими. Детям в семье дали русское воспитание. Граф великолепно говорит по-русски. «Нам с сестрой Ольгой с детства прививали

любовь к родному языку. Дома разговаривали только по-русски», - говорит Петр Алексеевич. Русский язык для него на всю жизнь остался родным.

По признанию Петра Орлова, «лошадь», возможно, было первое слово, которое он произнес. Лошадей Орловы не просто любили. Это было страстью, смыслом жизни. Отца надо было искать в конюшне, где он сутками находился со своими любимцами. У Орловых было большое конное хозяйство.

На чужбине возможности иметь собственных лошадей не было, Орлов-старший устроился конюхом на

сеевич прочел массу литературы, прошел отличную конную школу. Сам неоднократно участвовал в соревнованиях по конному спорту, был и международным судьей. Позже стал владельцем собственного конного центра. Примечательно, что выступали и его супруга, и дети.

«Детство не было безоблачным. Это сегодня беженцы, зачастую нелегально, приезжают в европейские страны и получают пособие и средства на жизнь. Тогда все было по-другому. На нас, эмигрантов, смотрели как на изгоев, отвергнутых родиной. Дескать, мы, чужаки,

предали свою страну, не пожелали участвовать в строительстве нового идеального мира. Настолько была сильна советская пропаганда. Тогда было два пути: либо смириться, воспринять все чужое, полностью утратив свое, национальное, либо бороться до конца и сохранить свою историю, происхождение, любовь к своей родине», - говорит Петр Алексеевич. Орловы избрали второй путь.

Годы учебы, образование на французском языке. «Отец всегда мечтал приехать в Россию, но его мечте не суждено было сбыться. Мы не смогли даже

похоронить его на родине, как он завещал», - говорит Петр Алексеевич.

Первое знакомство с Россией было скорее заочным. Племянница нашла возможность бывать в Советском Союзе в качестве гида туристов. Она привозила дяде «запахи России»: черный хлеб, соленые огурцы. И рассказы о родном крае. Как гражданин иностранного государства Петр Алексеевич не хотел посетить родину. Чувство ностальгии и привязанности к родной земле смешивалось с неприязнью к существующему порядку, к тому, как в те годы принимали иностранцев. Отсутствие возможности свободно общаться с соотечественниками было для графа неприемлемым. «Я не мог ехать к себе домой в такие условия», - признается Петр Алексеевич.

И все же эмигранты использовали любую возмож-

Даниловка - родовое имение в Харьковской губернии

Граф Алексей Орлов. Швейцария. 1944 г.

Петя Орлов. 1944 г.

Сергей и Александра Орловы

конный завод, который располагался в их округе. Довольно скоро владелец завода убедился, что новый конюх большой знаток конного дела. Так Алексей Сергеевич стал преподавателем искусства верховой езды в Швейцарии. И сегодня старые члены швейцарского общества вспоминают, как когда-то Алексей Сергеевич впервые посадил их в седло.

Любовь к лошадям передалась и детям. Петр Алек-

ность, чтобы узнать, как живет Россия. «До Солженицына про Россию и существующий там порядок писали многие, но только после его публикаций мир узнал об отсутствии в Советском Союзе элементарной свободы. Произведения Александра Солженицына имели очень большой резонанс», - вспоминает консул.

Даниловка, имение Орловых, находилось под Харьковом. В детстве он часто слушал рассказы отца о России. Позже, как выяснилось, это пригодилось. Перебирая в памяти скудные сведения, граф Орлов в сопровождении специально выделенного водителя, отыскал место, где когда-то высился просторный графский особняк, разводили лошадей. Сегодня здесь почти ничего не сохранилось, за исключением нескольких деревенских построек. Однако, судьба все же улыбнулась. Житель соседнего села, неподалеку от которого до революции находилось имение Орловых, пожилой учитель, восстановил в памяти, и тоже по рассказам отца, события тех времен. Орловы основали в селе школу, построили кирпичный и винокуренный заводы. Водитель немало удивился, услышав, с какой любовью говорил старый учитель о доме Орловых и его обитателях. Отрицательный стереотип о помещиках и буржуах был все еще слишком силен.

«Его трясло от услышанного. Он не мог и думать о том, что мы любили Россию и боролись за нее до последнего, потеряв все», - вспоминает Орлов. А ведь шел 90-й год...

Дом Орловых сожгли в первый же год революции. Церковь простояла еще пару десятилетий, потом ее разобрали, и построили из ее кирпичей свинарник. Не уцелели и семейные могилы. Они также были уничтожены. С помощью сельского учителя Петру Алексеевичу удалось найти кусок камня с одной могильной плиты. Впоследствии камень был перевезен в Швейцарию и установлен на могиле Алексея Сергеевича как память о любимой России.

Перестройка открыла новые горизонты, дав возможность сделать то, что раньше представлялось невозможным. Не колеблясь, граф принял решение ехать в Россию, а впоследствии, если будет возможность, и остаться там. Пришлось оставить работу в Швейцарии, в том числе конное хозяйство. Наконец-то, можно было воссоединиться с Родиной и служить ей. Но сначала надо было посмотреть, как сегодня Россия воспримет их, да и какой она стала за эти годы. «Ведь прежней России, той, которая была родиной для всех нас, уже не существует. Слишком много было в ней уничтожено русского», - говорит Петр Алексеевич.

Первое путешествие по маршруту Киев - Харьков - Москва - Петербург состоялось в 1990 году. Будучи в Киеве, Орлов первым делом принялся искать могилу Столыпина. Российский реформатор был для русского дворянства идеалом общественного человека. Его любили, уважали, помнили. «Люди смотрели на меня как на ненормального. Многие не знали имени Столыпина, а те, кто знал, удивлялись, как я могу чтить его память» - вспоминает Петр Алексеевич. Наконец, ему удалось узнать, что могила реформатора, по всей вероятности, находится в одной из киевских церквей.

Служитель церкви указал графу на место, где, возможно, покоился прах Столыпина. С чувством глубокого потрясения и боли граф долго стоял у гладкой заасфальтированной дорожки...

Родина встречала холодно своих детей, столько лет проживших вдалеке. Одни восприняли русских эмигрантов как врагов, другие как героев. «Это смешно, мы не были ни теми, ни другими», - говорит Петр Алексеевич. Стереотип о райской жизни русских эмигрантов на Западе, об изворотливости и расчетливости русского дворянства, «вовремя» уехавшего, о карманах, полных валюты, ошибочен. «В России с трудом понимали, что наши родители выехали не по своей воле, что их выгнали», - говорит Петр Алексеевич. Будучи знаком со многими представителями русского дворянства за рубежом, граф как никто лучше знает обо всех тяготах и невзгодах, которые испытали они на чужбине.

«Было очень тяжело. Конечно, некоторым во втором, в третьем поколении эмигрантам удалось получить высокооплачиваемую работу, поправить материальное положение. Но многие так и остались не у дел», - отмечает Петр Алексеевич.

Были и иные трудности, с которым граф столкнулся, приехав в Россию. Грубость, холод, вселившийся в души, отчуждение, духовная пустота. И что самое страшное, обесцененность человеческой жизни. «Руководители страны сознают это. Как известно, еще президент Ельцин назначал комиссию с целью придумать новую русскую идею. А ведь идея была, русская идея, которая веками держала русскую империю, русскую нацию», - говорит Орлов.

Может ли спасти Россию и поднять ее до былых высот возрождение монархии?

Мой собеседник, убежденный монархист, не считает сегодня возможным возрождение монархии в России. Но он, как и некоторые другие представители русской аристократии, среди которых потомки семьи Романовых, считает, что если России когда-нибудь потребуется, она найдет достойного монарха. Его близкий друг, князь Николай Николаевич Романов, председатель ассоциации потомков дома Романовых, большой патриот, убежден, что если когда-нибудь Россия окажется в такой ситуации, когда монархия покажется для нее пригодной, то надо будет избирать нового монарха, как в 1613 году...

Несмотря на пропасть, разделяющую сегодняшнюю Россию и Орлова, он принял решение вернуться или хотя бы жить поблизости от России. Пришлось переквалифицироваться в консультанта и, используя опыт, приобретенный на Западе и знание языков, начать поиск работы в совместных фирмах, действуя как связующее звено между двумя мирами. Но судьба распорядилась иначе....

На заре 90-х граф, впервые приехав в Тбилиси, был очарован родиной Руставели и Чавчавадзе, где так любили бывать Пушкин, Лермонтов и Грибоедов. «Мне понравилась Грузия, ее мягкий, ласкающий, как весенний ветер, климат, сказочные места, люди, для которых после нескольких минут знакомства, ты становишься родным. Я чувствовал себя как дома», - признается

граф Орлов. Как оказалось, Грузия действительно стала для Петра Алексеевича домом. Здесь он нашел уют, покой, но самое главное – близость к России, возможность общаться на русском языке. Грузия и Россия переплелись в одно целое, став для Петра Алексеевича одинаковыми родными и понятными.

В ноябре 2004 года в семье Орловых произошло событие – старший сын Михаил женился на русской девушке Александре, дочери русского офицера Владимира Федоровича Норенко и Антонины Ивановны. Знаковым это событие стало не только для Орловых, но и в культурной жизни Москвы. Фактически это означало возвращение Орловых в Россию.

Свадьба прошла в торжественной обстановке, в присутствии 600 гостей, приглашенных из России и из-за рубежа. Собрался как цвет русского дворянства – Голицыны, Нарышкины, Апраксины, так и просто друзья, знакомые Орловых, не имеющие отношения к аристократии, а таких в кругу Орловых немало. Петр Алексеевич не проводит разницы между представителями дворянских сословий и простыми людьми. Среди его друзей – обычные люди, такие как например, Женя и Аннушка Манж, бежавшие из Сибири в 1934 году и обосновавшиеся во Франции.

Свадьба Орловых, длившаяся три дня, приковала к себе внимание всего мира. 11 ноября прошли неофициальные вечеринки в московских ресторанах. 12 ноября состоялось венчание молодых в храме Святого Мученика Иоанна Воина (улица Большая Якиманка, 46, напротив посольства Франции в Москве), после чего состоялся великолепный вечер с цыганским хором. На следующий день в Екатерининском дворце на Суворовской площади состоялся официальный бал. Праздник продолжался на квартире молодоженов.

Следует отметить, что свадьба Орловых внесла значительную лепту в великое дело воссоединения двух родственных церквей – русской православной и русской православной зарубежной церкви. Каждый помнит, что в советское время церковь и все, кто были с ней связаны, преследовались и подвергались гонениям. Как говорит Петр Алексеевич, разрушить церковь снаружи большевикам не удалось, и тогда ее решили уничтожить изнутри, внедряя в ее ряды своих агентов. На Западе об это знали. И тогда было принято решение основать русскую православную церковь за рубе-

Свадьба Михаила Орлова

Молодое поколение Орловых

жом. Внешне и по своим функциям она ничем не отличалась от той церкви, которая осталась в России. В течение многих лет две церкви находились в оппозиции друг к другу. Когда же Советского Союза не стало, отпала необходимость не только в конфронтации. Одним из самых активных деятелей по воссоединению Русской Православной церкви (Московской патриархии) и Русской зарубежной церкви является племянник Петра Алексеевича, епископ Амвросий, сын покойной старшей сестры графа, Ольги. Венчал Михаила Орлова епископ Амвросий, представитель русской зарубежной церкви. Это было знаковым событием в деле воссоединения двух частей русской церкви.

Михаил Орлов исполнил мечту деда. «Ему удалось не только вернуться в Россию, но и получить российское гражданство. Он стал совсем русским», - говорит с улыбкой Петр Алексеевич.

Михаил уже многие годы живет и работает в Москве. Сначала был представителем швейцарского банка в Москве, затем работал в различных инвестиционных компаниях. В настоящее время является владельцем собственной инвестиционной компании, привлекает со всего мира инвесторов для развития сельского хозяйства в России. Желает возродить то, что всегда кормило Россию, что делало ее богатой

и процветающей. Неудивительно, что до революции Россия экспортировала зерно всей Европе.

Младший сын, Александр, работает в банке, в Швейцарии. Неоднократно бывал в Грузии, где взял в жены грузинскую девушку. Александр продолжает бывать в Москве.

О Грузии Орлов-старший говорит с особой нежностью. Здесь он живет уже без малого 13 лет. «Что же было такое, что Вас здесь удержало?», - спрашиваю. Граф улыбается и указывает на сидящую рядом госпожу Тамрико, необыкновенно стройную для своих лет, очаровательную женщину. Тамрико - первая помощница супруга во всех делах, верная спутница жизни.

«Во все времена контакты Бельгии и Грузии было довольно тесными. В начале XX века в Тбилиси находились крупные бельгийские строительные компании. Бельгийцы построили фуникулер, - рассказывает Петр Алексеевич. - Сейчас у Бельгии нет крупных финансовых интересов в Грузии, однако, контакты между двумя странами поддерживаются».

Россия и Грузия веками связаны друг с другом узами братства и родства. Общая вера, взаимосвязь культуры, искусства, истории... Жизнь Петра Алексеевича Орлова - яркое тому подтверждение.

ЕЛЕНА САНАКОЕВА

На днях видела Рамаза Иоселиани в новом спектакле «Сначала скончались, потом обвенчались» Г. Эристави и опять поразила его психологической гибкости, мастерству перевоплощения, способности к сценическому гротеску и импровизации. В его лице соединились актер, режиссер, педагог, организатор театрального дела. Он возглавляет Горийский драматический театр имени Г. Эристави. Выступает в качестве актера Свободного театра и русского театра имени А. Грибоедова, причем играет как на грузинском, так и на русском. Одинаково интересен в комедийных и драматических ролях. Но все больше времени отнимает у него художественное руководство горийским коллективом.

- Самое главное, что это *мой* театр, я его художественный руководитель. То есть я определяю его творческий путь.

- *Каким должен быть этот путь?*

«ХОЧУ СОЗДАТЬ
ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ
ТЕАТР!»

- Хочу создать интеллектуальный, интеллигентный театр, в который зрителю приятно было бы ходить. Не только для того, чтобы посмеяться, но и задуматься... Главное условие - не играть на зрителя, не потакать дурному вкусу. И еще я не терплю на сцене агрессии. Если по телевидению показывают какие-нибудь конфликты, проявления жестокости, я переключаю на другой канал. Нет, такого на сцене я не хочу. Мне нужен красивый театр с хорошими актерами, с эстетикой, которая соответствовала бы эпохе пьесы.

- А как находите общий язык с кассой?

- Театр всегда был делом неодолимым. Хорошо, что государство нам помогает и не просит денег у нас.

- Какова ваша репертуарная политика?

- В репертуаре театра шестнадцать пьес - это «Ревизор» Гоголя, грузинская классика, современная грузинская драматургия, японская драматургия. Актеры должны расти на разном материале, разной эстетике, да и зрители тоже. Сейчас Нугзар Лордкипанидзе ставит «Антигону» Ануэй. Я сыграл Креона. Иногда приглашаю режиссеров, иногда ставлю сам. Так, недавно выпустил спектакль по пьесе Нушича «Доктор философии». А до этого поставил японскую сказку «Журавлиные перья» Киносита, «Открытую веранду» К. Буачидзе.

- И как совмещаете актерскую профессию с режиссерской?

- Когда играю сам, то не могу ставить эти спектакли. Не умею...

- У кого учились режиссуре?

- У Михаила Туманишвили. Наша группа была экспериментальная, актерско-режиссерская.

- Чему вас научил Михаил Иванович?

- Чувствовать форму и работать с актерами.

- Вы легко находите с актерами общий язык - как актер?

- Как сказать... Они не всегда понимают меня. Я предпочитаю работать с актерами, которые хорошо владеют своей профессией, с которыми легко можно договориться. Если задать определенную форму, направление, хороший актер может в ней жить, импровизировать.

- В вашем театре как профессиональные, так и непрофессиональные актеры. Наверное, трудно работать с теми, кто не имеет театрального образования?

- Увы, профессиональные актеры не стремятся работать в Гори - слишком много проблем, да и зарплата невысокая. А с любителями действительно трудно работать. Приходится бороться с безвкусицей, необразованностью, штампами... В театральном институте царит другая атмосфера. Не имеет значения, как ты его окончил, но ты поварился в этом соку, приобщился к искусству с большой буквы. Актеры-любители не имеют представления об импровизации, понимают ее как текстуальные изменения, отсебятину, а не проявление творческой фантазии в действительности... Пытаюсь их научить, воспитать. Но это трудно, потому что штампы, сценическая фальшь у многих уже в крови. Это объяснимо - такие актеры привыкли играть для аудитории с невысокими запросами и получать аплодисменты, которые недорого стоят.

- Всем запомнилась ваша работа в «Ревизоре». Она доставила вам удовлетворение?

- Но не до конца. Потому что самое главное для меня - чтобы рядом со мной был хороший актер. В этом случае я полностью раскрываюсь, добиваюсь своей цели. А играть в пустоте неинтересно.

- А как вы себе нафантазировали Хлестакова?

- Это самый обаятельный герой. Не скажу, что Хлестаков глуп, скорее он доверчив. В нем есть что-то детское. Хлестаков не собирался брать взятки, но окружение буквально навязывает ему деньги, заставляет его стать аферистом. А у Хлестакова характер кузнечика, он любит веселиться, играть, находит кайф в игре, флирте... Его попользования сразу на двух женщин - не более чем игра.

- Думаю, Гоголь близок вашей актерской стилистике.

- Очень. Мне вообще очень близка русская классика - ближе, чем грузинская. Люблю ее играть, но не на русском, а на грузинском языке.

- Как в театре Грибоедова, где вам приходится выступать в инсценировках Чехова, современной русской прозы? Правда, говорить по-русски вам пришлось только однажды - в Чехове... В спектакле «Рашен-блюз» слов нет, только пантомима, действие. Зато какой фантастический образ!

- С удовольствием сыграл бы Достоевского. Мы очень интересно репетировали с Зурой Кипшидзе «Идиота». Спектакль, который ставил Сандро Мревлишвили, назывался «Трое». Я играл князя Мышкина, Зура - Рогожина. Но в итоге мы отказались от работы... не нашли общий язык с режиссером. А жаль...

- Не собираетесь ставить Достоевского в Гори?

- Трудно найти актеров.

- Какая работа в последнее время доставила вам наибольшую радость?

- Осеп в спектакле «Сначала скончались, потом обвенчались». Все, кто когда-то выступал в этой роли, запомнились зрителям. Незабываем Васо Годзиашвили, сыграл Осепу и мой друг Гога Пипинашвили... У него был грим, который делал его неузнаваемым. И каждый из актеров производил сильное впечатление. Так что я рисковал, берясь за эту работу.

- У вас, наверное, другой подход?

- Да, мне важнее внутреннее, чем внешнее преобразование, чтобы актер делался именно внутренне неузнаваемым, без грима. Мои предшественники играли жадного мужика, который любит деньги. А в моей трактовке трагедия Осепу в том, что он вообще не может расстаться со своими деньгами. Это его пунктик... Я люблю эту работу. Могу в ней «плавать» - ведь это комедия, водевиль, что

дает возможности для импровизации. Многие смотрят наш спектакль по многу раз, потому что знают – каждый раз появляется что-то новое.

– Когда-то приходили много раз смотреть актёра в одной роли. Теперь это ушло в прошлое.

– Потому что на смену личностям пришла серость. Сегодняшняя актерская молодежь лишена артистизма. У них не сверкают глаза, они не выдумщики. А актер должен быть выдумщиком! Режиссер дает тебе путь, а ты должен лавировать на этом пути, делать каскады, импровизировать, лепить образ.

– А почему эти качества нынешним актером утрачены?

– Наверное, потому что школы нет.

– Куда же она девалась?

– Все ушли...

– А как же вы, ученики?

– На дворе другое время. Существует мощное влияние телевидения. Молодые обожествляют зарубежных актёров, причем сами не знают, за что. На этих блокбастерах невозможно учиться актерскому мастерству. Только актер на сцене может стать примером для подражания. Но есть студенты, которые не ходят в театр, не видят спектакли. Они даже лекции пропускают, не то что спектакли.

– Вы сказали, что в водевиле, комедии чувствуете себя как рыба в воде. Но не менее родная для вас стихия – драма, не так ли?

– Михаил Иванович всегда мне говорил, когда я начал выпендриваться в этюдах: «Ты не клоун, не циркач! Это не твое. Ты драматический актер. Твой конек – драма!» Да, драму мне легко играть. Сложнее – в комедии. Тут надо быть фантазером. Самые гениальные актёры – комические... Кстати, в Театре киноактера Леван Ноникашвили ставит «Царя Эдипа», пригласил меня на главную роль.

– Вы согласились?

– Не знаю, как будет со временем. Потому что со спектаклем «Сначала скончались, потом обвенчались» мы едем в Молдавию, на фестиваль, а потом – в Румынию. Горийский театр впервые за свою историю едет за границу.

– Не обкрадываете ли вы себя творчески, став худруком театра?

Михаил Туманишвили

– Обкрадываю. Но я очень хочу, чтобы наш театр был хорошим, чтобы в нем была чистота, чтобы никто не опаздывал, чтобы все были по-сумасшедшему влюблены в театр. Потому что театр – это храм. Но я успеваю играть. Силы пока есть. Репетирую Креона в «Антигоне», буду играть в «Тетке Чарлея», сказке «Чинчрака». Три премьеры в конце мая.

– Самые запомнившиеся моменты вашей творческой биографии.

– Участие в спектаклях «Свиньи Бакуль» Квдиашвили, «Записки сумасшедшего» по Гоголю в постановке Туманишвили, «Комедианты» Осборна Авто Варсимашвили.

– Не хотите обратиться к жанру моноспектакля?

– Шесть лет назад я играл в моноспектакле «Цирюльник». Начал было недавно его восстанавливать и почувствовал, что повторяю прежний рисунок. А сегодня так играть уже нельзя. Изменилось мое мировоззрение, изменилась жизнь.

– Многие режиссеры работают с прозой. А вы как относитесь к инсценировкам?

– Предпочитаю работать с драматургией.

– Назовите режиссера, актёра, которые сегодня определяют театральный климат в Грузии.

– К сожалению, это довольно трудно. Назову двух актёров – Зазу Папуашвили и Гогу Пипинашвили. А среди режиссеров, может быть, Сосо Немсадзе, который умеет работать с актёрами.

– А какой период переживает сегодня грузинский театр – упадка, стагнации, может, расцвета?

– Нет личностей, прежде всего среди молодых актёров. Они даже читать не умеют. Но при этом столько агрессии!

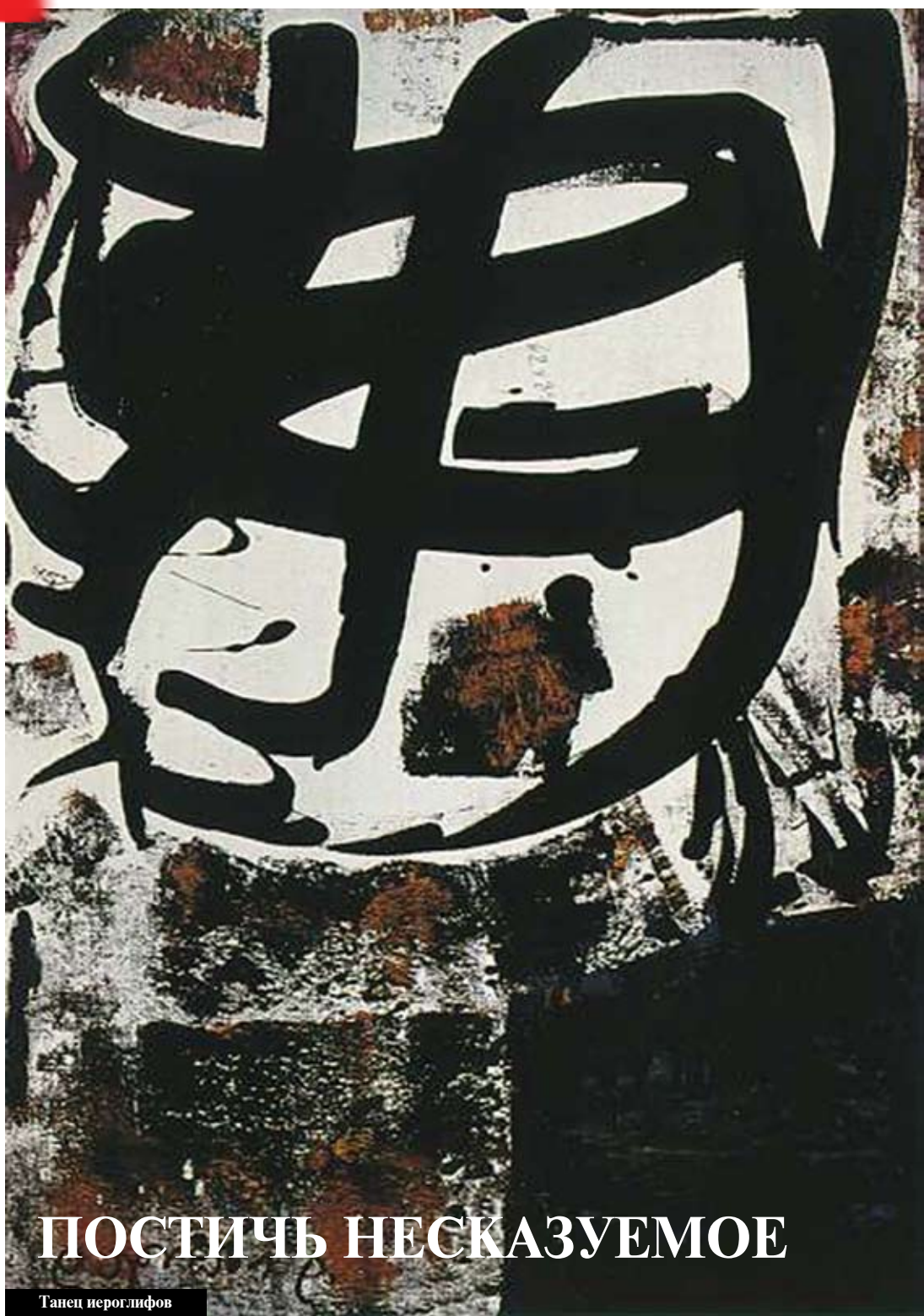
ИННА БЕЗИРГАНОВА

Есть люди, мечта которых – постичь Несказуемое. Люлю Северьяновна Дадиани всю жизнь посвятила реализации этой мечты. В качестве главного объекта исследований она избрала творчество австрийского поэта и мыслителя Райнера Мариа Рильке (1875-1926). Говорящие по-немецки из рода в род и то зачастую не постигают смысла поэзии Рильке. Ибо его творчество представляет особый сплав австрийского реализма, российского интуитивного мировосприятия под оком Доброго Бога и надземное осмысление сущности земных воплощений человека. Поэтический язык Рильке близок языку Марины Цветаевой. Та же трагедия одиночества, при описании которой голос стихийно сменяет крик на шепот. Те же внутренние диссонансы тоски о Грядущем...

Литературный памятник 1926 года – переписка Рильке, Цветаевой и Бориса Пастернака, возникшая незадолго до смерти австрийского поэта, заставила германиста и художника Люлю Дадиани еще глубже, еще полнее полюбить Россию. Ведь и сам Рильке был во многом творением России – его дружба с уроженкой Санкт-Петербурга писательницей Лу Андреас – Саломе в апреле 1899 и мае 1900 гг. привела Рильке в страну «загадочной русской души». Восторг перед чарами Москвы и Петербурга Люлю Дадиани разделила со своим идеалом.

В московском Музее Марины Цветаевой уже давно хранятся работы грузинской художницы. Дело в том,

что Дадиани переводит с немецкого в основном на грузинский язык, а значит, ее труды недоступны русскому читателю. Однако, Люлю не огорчается. Ведь перевод никогда не бывает свободен от личности переводчика. Неслучайно английский классик Джон Голсуорси учил русский, чтобы в подлиннике прочитать Льва Толстого. Неслучайно Цветаева утверждала, что есть мысли, которые полнее выражаются на немецком, а есть такие, цена которым возрастает в «перевод с невыразимого» на русский. Анна Ахматова же вообще утверждала, что

ПОСТИЧЬ НЕСКАЗУЕМОЕ

Танец иероглифов

На выставке Л. Дадзани (вторая слева) в Москве

стихотворение всегда имеет один подлинный язык – язык, на котором оно изначально создано.

Понимая это, Люлю не просто перевела нечто из Рильке. Будучи отличным переводчиком, она также самореализовалась в качестве одаренного художника. В пресс-релизе Люлю Дадзани и поныне стоит гордое: член Союза художников СССР. Рейс Москва-Тбилиси многократно повторялся в ее жизни. Главным творческим завоеванием Люлю стал перевод сборника «Дуинские элегии» Рильке, принесший ей правительственную премию Австрийской Республики. Она переводила также «Прописи Ночи» Карла Любомирского, «Воспоминания о Рильке» художницы Лу Альбер-Лазар, сборники стихов Герхарда Тенцера и Ингеборг Бахман...

Десятая элегия

Композиция

Однако, полагая, что даже идеальный переводчик всего лишь идет рядом с поэтом, но никогда не сможет посмотреть ему прямо в глаза, в полной мере «заглянуть в душу», воспроизвести в звуках Несказуемое, Люлю использовала в качестве «зеркала заднего вида» свой дар живописца. Ее интуитивное понимание Рильке и Цветаевой – равноценных личностей общей эпохи – переводит шифр к замку Города поэзии с немецкого и русского на внеязыковой. Под кистью Люлю рождаются картины-

энергоносители. Переводя Рильке на грузинский, Люлю знакомит с ним только Грузию. Но «переводя» его же на холст, Люлю одаривает импульсами творчества Рильке всех зрячих в мире подлунном. Ее цель – доказать, что все мы вместе – одна вселенская песня, бесконечно и разнообразно преображаемая в различных культурах.

В 2004 году Люлю Дадиани была вторично удостоена премии Службы Федеральной Канцелярии Австрийской Республики за деятельность литературного переводчика-германиста. Но еще с большей радостью она вспоминает свое участие в международном проекте «Диалог двух культур: Россия-Италия». Воспевание в картинах идей неогуманизма не было навязано Люлю этим проектом – оно соответствует ее натуре. Ее участие во множестве групповых и персональных выставок в России и Европе убедило Дадиани в том, что живопись легче, чем поэзия, сплачивает народы. Из всех изящных искусств, поэзия – самое коварное. По причине тяжелой зависимости от языковых ограничений. Говорящий на другом языке в ней – иностранец. В то время, как музыка, скульптура, любые «художества» исходно свободны в продвижении по нашим сознаниям.

В контексте сказанного мы вполне можем определить, что семья Дадиани вполне близка и немецко- и русскоговорящим. Ведь и супруг Люлю, Николай Николаевич Дадиани – германист и дипломат, долго живший и работавший в Москве, – и их потомство реально живут на стыке культур. Постигание творчества австрийского поэта для Люлю неразрывно связано с изучением российской культуры. Она полюбила Рильке за Цветаеву, а Цветаеву – за Рильке... Люлю обожает мыслетворчество поэтов Серебряного века, а также творчество Тютчева и Фета.

По мнению Люлю, творческие люди России и Грузии по-прежнему остро нуждаются друг в друге. Литераторы и художники обеих стран надеются, что отношения в политическом секторе скоро наладятся. Переводчики Вячеслав Куприянов и Владимир Летучий, поэт и искусствовед Станислав Айдинян и художник Юрий Авалишвили среди многих других москвичей восхищались творчеством Дадиани именно за его интернационализм.

Люлю редко пишет по-русски. Но бывает, ей вдруг кажется – именно так надо открыть свою боль. И тогда рождается «Весна»: «Суетится суеверная планета /И слезится грешный глаз грешного света. / Этой ночью и сосульки сговорились - /Плакать, плакать о минувшем до рассвета...»

И хотя Люлю побывала и в тех заповедных краях, где жил Рильке, ее сердце всегда поет о стране, которой принадлежит Цветаева. Оживший млечный бюст в космическом вихре безумно-разумных, ненавидяще-любвных строф – это Цветаева на полотне Дадиани. Можно сказать, что Дадиани посмертно дарит Цветаевой примирение с величием Поэзии. Люлю открывает: творчество искупляет многие ошибки человечества!

Даже картины, не посвященные творчеству Рильке и Цветаевой, носят отблески дум о них. Смирение «Читающей» и «Милосердия», мрачные «Идолы» и «Театральные манекены», фантастические видения карточных дам в отсветах снявшихся миров – все это стелется в поэтическом мареве мечты о Невозможном. Сила гениев в

их штучности, неприкаянности, одиночестве. Но сила стран – в их солидарности и взаимопонимании. Можно воспринимать разнообразнейшие по стиливым направлениям картины Дадиани как элементы утонченно-прекрасного пасьянса для разгадывания судеб.

Вот, картина «Двое». Голубой эфир. Нежные контуры промелькнувших на фоне земных воплощений людей. Краски любви бессрочной. Знание: жизнь не прекращается. Тихое блаженство предрасветного часа, длящегося вечно... Какое же отношение это имеет к реальной жизни России и Грузии? Никакого? Или?..

Прошлое двух стран перебито многоцветными ленточками судеб. И если забудем мы – не забудет вечность! Ни единое мгновение не исчезает бесследно. В ком-то течет по венам кровь предков, в ком-то просто горит стихотворением нетленной любви...

Многообразие в картинах Дадиани приносит ей зрительский интерес за счет того, что каждому по силам

Страх

отыскать в ней нечто свое, легко усвояемое. Холсты-вариации к «Дуинским элегиям» воплотили дух Рильке, влюбленного в «загадочную русскую душу». «Больная природа» беспомощна, хрупка и прекрасна, как душа мятежной Марины Серебряного века. Ее трагедия озвучена музыкой закатного провидения: «И дальше – тьма? Не может быть, не может!..»

От «Ночной композиции» веет напряженным поиском звезды. Синий «Страх» смотрит в бездны черных дыр смерти. «Кукла» закрывается от ужасов жизни игрушечной и слабой рукой...Перемещиваются краски жизни, скрещиваются линии судеб, контуры отдельных предметов лишь слегка намечены. Торжественная скорбь, скрашенная беспричинной надеждой...

Картина «Лабиринт» - лучшая вариация элегий Рильке. Здесь все самое главное: параллели подъемных лестниц, площадки временного пребывания, желтые скалы

Композиция

существования, голубые озера земных и надземных иллюзий. «Лабиринт» Дадиани вертикален. В нем есть Присутствующие – те, кто ищет неведомое, а находит крупницы давно погибшего. Но в ее «Лабиринте» нет отчаяния. Белая пена восторга, розовые грезы любви открывают: нет освобождения от иллюзий, они запланированы в программе Вечности! Даже человек, цинично отказывающийся от всех розовых мечтаний и святых верований, однажды вынужден будет понять: и отказ от иллюзии есть иллюзия. Ведь все наши попытки

Марина Цветаева

освобождения все равно строятся на наборе представлений о Мире, о Жизни, о Себе. Мы бродим в лабиринте, но выход из него строится нами же сами. Выход – верное следование определенной, тщательно разработанной, концепции, позволяющей находить компромисс между противоречиями бытия.

Вспоминая мастерскую Дадиани, я мысленно вынимаю

из «колоды картин» эту картину-карту «Лабиринт». Это символ, расшифровка которого имеет отношение и к той реальности, в которой оказались все жители постсоветского пространства. Символ, намекающий, что мостик в будущее идет из прошлого. И не случайно картины Дадиани вызывают равное удовольствие у зрителей и в Тбилиси, и в Москве. «Загадочная русская душа» неизбывна и на Кавказе.

КАТЯ ЦИБЕР

бывший военный, его все уважали, потому что выправка у него была такая. Строгий был человек, но справедливый. И вот утром в день спектакля (я не смог уснуть и очень рано вышел на балкон, а ребят еще не видно было) он вдруг говорит мне: «Привет, Сталин!» Я говорю – здравствуйте, дедушка Таризэл. А где, говорит, Гитлер? Я говорю – наверно, спит. Ты, говорит, его разбуди, а то так всю войну может проспять! (Смеется).

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ

БУБА

С годами все чаще тревожит память: проснешься ли, когда чуть брезжит рассвет, или ворочаешься, пытаюсь услышать, из прекрасного, туманного далека почудятся вдруг родные голоса, вспомнятся старые друзья, беззаботное детство, побегут знакомые до боли кадры на фоне «саундтрека» с тогдашней музыкой из громкоговорителя, шумными диалогами соседей, треньканьем трамваев... Словно стрекочет старенький проектор с хрупикальным фильмом «Вся моя жизнь»...

В холле красивого и уютного дома – легкий полумрак, тишина. Большой камин в этот летний зной лишь напоминает о радости семейных посиделок в холодные зимние вечера.

В подернутых грустью глазах Бубы порой проскальзывает улыбка, неспешный рассказ перемежается то вздохом, то смехом, и ревниво прислушивается к голосу хозяйки старинный резной буфет...

ОДНАЖДЫ В ДЕТСТВЕ...

- Детство и молодость у нашего поколения сладкими не были, но все равно (вздыхает), когда вспоминаешь какие-то вещи, - счастье какое-то было! Чтение при керосиновой лампе, вместо паркета - цементный пол, печка железная... И была духовность. Люди друг друга любили, поддерживали. Соседи были соседями. Когда вспоминаю те времена, - такое ощущение, что праздник ушел уже давно. Потому что сегодня - и город не тот, и люди не те, наверно...

ПЕРСОНЫ И ПЕРСОНАЖИ

- Очень много персонажей было в тех домах, - это были такие общаги, где прошла моя юность, молодость. Удивительные были люди! В первом нашем доме (на бывшей улице Дзержинского, 10, - там жил режиссер Котэ Марджанишвили) сколько национальностей было, - грузины, русские, армяне, евреи, курды, ассирийцы...И удивительно, лет до 8-9 я даже не знал, что они не грузины (все хорошо по-грузински говорили). Потом только узнал, что Петик - армянин, Яшка - еврей... В наш двор приходили нищие, которые не просили, они зарабатывали. У них свои спектакли были, мы все тексты знали наизусть, но смотрели - как в первый раз. На балконах собиралась галерка, во дворе был партер, потом шел амфитеатр - окна первого этажа.

Мы тоже решили сделать спектакль о войне. Мне доверили роль Сталина, а моему другу Мерабу досталась роль Гитлера. Пригласили ящики, соорудили сцену, с помощью старших сделали занавес, афишу нарисовали, на которой написали: «Афиша» (смеется). Был такой дедушка Таризэл на нашем балконе,

ТЫ СКАЖИ МНЕ, УЛИЦА...

- Дворы были, улица была, – многое, что в нас хорошего есть, мы от улицы взяли. И улица тогда другая была. Помню, мы услышали, что где-то живет наркоман, и думали, что у него, наверно, три головы или шесть ног. Поехали специально в Сабуртало на него посмотреть, – какой-то несчастный был человек, худой, больной...

И когда сегодня идешь по улице, редко, чтобы молодые ребята посмотрели на девушек, у всех какие-то другие заботы появились – деньги, бизнес, где работу найти. И когда

говорят о девушках, называют их «телками». Тогда, в то голодное время, этого не было. Жизнь была рванная, дранная, но красивая...

ВСЕ КАК У МОНТАНА

А потом все, как у многих ребят: собирались по вечерам с гитарой в подъездах и пели. Многое потом было – я перепел во всех самодеятельных коллективах Тбилиси. Был Иняз, откуда я сбежал со второго курса (понял, что там ничему не научусь, потому что времени просто не хватало) и решил пойти пробоваться в филармонию – был почему-то уверен, что без меня эстрада что-то теряет. Тогда были худсоветы (и это было хорошо, потому что такого «ширпотреб» не было, как сейчас), и меня забраковали, сказав, что у меня хриплый голос, и «это отдает загнивающим Западом». Тогда на экраны вышел фильм «Поет Ив Монтан». И меня вдруг вызвали в филармонию, сшили серый костюм, достали водолазку – все как у Монтана. Это был 59-й год, и с тех пор я на профессиональной эстраде.

С УЛИЦЫ ПРИШЕДШИЙ

Потом был квартет «Диэло», с которым Буба впервые выехал за границу. Потом позвали к себе орэровцы, с ними он объездил все пять континентов. В 66-м году Николай Санишвили пригласил его сниматься в фильме «Встреча в горах», и показалось – все, начинается кинокарьера. Но четыре года никто никуда не звал, и он решил, что это не его дело. И вдруг – звонок с «Мосфильма»: Георгий Данелия будет снимать фильм «Не горюй!» и хочет попробовать Кикабидзе. А «Орэра» собирался в Турцию (страна НАТО, там стоял 6-й американский флот, и попасть туда было сложнее, чем в Париж, – это сегодня ездят, куда хотят). Первая их встреча в гостинице «Сакартвело» не была очень теплой, были еще встречи в известных тбилисских домах, Данелия уехал, «Орэра» отправился в Турцию. А потом был срочный вызов в советское посольство, телеграмма от директора «Мосфильма»,

На открытии звезды

отца Владимира Познера, об утверждении Вахтанга Кикабидзе на роль Бенджамена Глонта. Эта роль и стала началом кинокарьеры артиста. Параллельно росла популярность Кикабидзе-певца.

- В 1975 году меня попросил помочь руководитель го-с оркестра Грузии «Рэро», мой старший друг Константин Певзнер, - ему уже трудно было одному возить на гастроли большой коллектив. Сделали шоу-программу «В кругу друзей Вахтанга Кикабидзе», я поехал с ними. Потом Котик заболел, скончался, я уже не мог коллектив бросить, и меня попросили стать худруком.

- А потом настали «новые времена»...

- Да. (Вздыхает) В апреле 89-го мы были на гастролях на Северном Кавказе. Седьмого я позвонил домой, и супруга сказала, что у нас молодежь начала голодовку у Дома правительства. А когда я позвонил десятого из Майкопа, слышу - жена плачет. Тогда мы впервые узнали, какая трагедия произошла в Тбилиси. Я сорвал гастроли, очень сложно было ехать, - никакой транспорт не ходил в нашу сторону. Нас привезли на двух «Икарусах» два водителя-чеченца, все-таки они горцы, смелые люди. 16 часов ехали молча, никто не мог себе представить, что в Тбилиси произошло. Когда в Мцхета увидели первые бэтээры, - поняли, что все серьезно.

С 89-го года я пять лет не пел. И не мог уехать, хотя друзья звали и в Москву, и в Питер, и за границу. Когда вспоминаешь, не верится, что это все было. Когда в 94-м уже более-менее что-то урегулировалось, решил поехать в Москву, узнать, нужна вообще кому-нибудь песня или нет. И вот так, с конца 94-го, я восстановил свои гастрольные дела, очень много езжу, работаю с сольными концертами.

- Киноролей сыграно немало, а как возникло желание самому снимать фильмы?

- Я наблюдательный человек и все время следил за Дanelия, очень много от него перенял. Я ведь не заканчивал ни музыкальной школы, ни театрального института, - я с улицы пришедший. Но потаенное такое желание появилось - написать сценарий и самому снять фильм. Я никому об этом не говорил, а в 79-м году оказался в клинике Бурденко, у меня серьезная болезнь была. И спасибо хочу сказать академику Александру Николаевичу Коновалову, академику, - дай Бог ему здоровья, - это московский аристократ настоящий, он меня тогда вытаскивал. И вот там я начал сочинять, - писать не мог и записывал на магнитофон. Маленькие новеллы такие придумывал, написал сценарий, и в объединении «Экран» вдруг захотели, чтобы я для них это снял. За 32 дня я отснял фильм из четырех новелл «Будь здоров, дорогой!» Картина получила Гран-при на кинофестивале в Габрово. Потом снял вторую - «Мужчины и все остальные», из семи новелл. Сейчас вот тоже одну придумал, вторую, начал записывать, - посмотрим, как и куда это все пойдет. Сценарий скоро, наверно, закончу. Почти автобиографическая история, хочу назвать ее «Они», очень много интересных людей было вокруг.

ГДЕ-ТО ТАМ ДАЛЕКО...

- Какая у нас теперь все-таки жизнь пошла...

- (Вздыхает) Непонятная. Мне она непонятна. Пока. И не только здесь, - везде. Но я думаю, постепенно все наладится. Наверно, через это все проходят. Вот недавно мы с одним интересным парнем написали песню. Я ему рассказал «шпаргалку»: ты, говорю, летал в детстве во сне? - Да, говорит. Вот, говорю, мне нужен текст, что мы всю жизнь ищем рай, - где не бьют стариков, где детей не взрывают,

где никого не убивают, живут в согласии и любви. И мы написали песню (он - текст, я - музыку), она называется «Где-то там далеко». У меня задумка есть: сделать клип на эту песню, наложить на нее документальный материал о всех гадостях, которые сейчас в мире происходят, начиная с Грузии и продолжая - Чечня, Приднестровье, Африка, Ближний Восток, Азия... Я вообще считаю, что танк должен стоять, а в стволе у него должны быть цветы. Это очень важно. Наверно, без оружия жить нельзя, но оно должно быть для того, чтобы все знали, что оно у тебя есть. Уже XXI век, я думаю, гадости пора заканчивать. Разве можно спокойно относиться к отторжению территории, к перекраиванию границ? Сколько гибнет людей, сколько ломается судьба! Нельзя, чтобы сильный избивал человека, который слабее, или те, кого побольше, давили тех, кто в меньшинстве. Это уже по-другому называется. И искусство - литература, живопись, театр, кино, эстрада - должно служить для того, чтобы какие-то люди делали какие-то выводы по поводу правильной и неправильной жизни.

Когда все зависит от денег, духовность постепенно пропадает. Я за то, чтобы люди жили богато, чтобы страну не обворовывали, чтобы бизнес был честным. Но я не за то, чтобы богатый человек считал, что он всемогущий, а остальные вокруг шваль какая-то. Одному дано одно, другому - другое. Но если у тебя мозги не вороватые, - ты в сегодняшний день (это мое личное мнение) не очень «монтируешься». Естественно, в развитых странах тоже крадут, но есть там юридическая культура: люди уважают закон, и самое главное - перед законом все равны.

- И перед неписанными законами - тоже: во время войны в королевском замке не топили камин, и англичане знали - их королева мерзнет вместе с ними. А у нас чиновники шикуют на фоне общей нищеты...

- Единственное, что может излечить общество от этого, - это, конечно, культура. Поездив, почитав, послушав, увидев, я понял, что демократия завязана на порядочности и равноправии всех перед законом. Я думаю, что культура, особенно общий ее уровень - главный фактор, от нее зависит качество политики, уровень экономики и вообще успешность государства. А уровень культуры зависит и от театра, и от литературы, и от хорошей музыки, и, конечно, от понимания властью, что это необходимо.

Я думаю, что Грузия - хотят этого или не хотят - все равно на ноги встанет. Молодежь у нас хорошая, учится, набирается ума. У русских есть хорошее слово, я часто его повторяю, - прорвемся! Поэтому надо любить людей, любить родину, уважать другие страны. Ценить соседей, которые в самый тяжелый момент раньше родственников к нам приходят, - сразу все двери открываются. Один мой друг (теперь он народный артист Грузии) жил с родителями в маленькой двухкомнатной квартирке и очень рано надумал жениться. На ресторан они не тянули, решили сыграть свадьбу дома. Но друзей было много, места - мало. На этот сюжет можно киноновеллу снять: их соседи, жившие в четырех комнатах, разрушили стену - и 2-комнатная квартира превратилась в 6-комнатную. Потом еще полгода этой стены не было, - на ремонт не тянули. И опять соседи помогли. Вот так нам надо жить. Тогда все будет нормально.

- Никому не подражать, быть самими собою, какие мы есть...

- Да. Когда меня спрашивают о самом счастливом времени, я говорю: вот когда я читал книги под керосиновой лампой, и мама варила еду на керосинке. Вот это я до сих

С мамой

После вручения Гран-при X Московского кинофестиваля

Марина Сагарадзе, Георгий Арешидзе, Константин и Вахтанг Кикабидзе, Ирина Кебадзе и Буба

пор вспоминаю с такой любовью... На гастролях в Австралии я дал камеру своему директору, чтобы до начала концерта поговорил с людьми, - там ведь много выходцев из Советского Союза. И вот пожилая женщина поднимается по лестнице к залу и говорит в камеру: «Добро пожаловать в австралийский Советский Союз» (смеется). Там же, в Сиднее, нас

решили повезти на какой-то остров. В порту сидит человек с удочкой, очень на Утесова похожий, явно из наших, одесситом оказался. Я говорю: «Здравствуйте». Он отвечает: «Здравствуйте, Вахтангчик» (смеется). Я ему: «Ну как, клюет?» А он: «А кому эта рыба нужна? Когда я в Одессе приносил домой рыбу, все соседи меня ждали. А здесь ее на каждом шагу продают». И с такой грустью сказал, - потому что он этой рыбой никого порадовать не может.

- *Это эгоизм высшей пробы, когда человек получает удовольствие, делая добро другому...*

- Да, точно. Там этого нет. На Западе - каждый за себя. Но у каждого народа - свой менталитет, свой быт, и, наверно, не надо друг другу мешать, что-то навязывать.

- *В чужой монастырь со своими заветами не ходят...*

- Вот именно. Например, застолье. Кто-то пьет водку, а кто-то вино, - просто, надо знать, сколько пить, правильно?

- *Воистину.*

- Это - культура. В доме моего деда очень интересные люди бывали. И Пастернак, и много других имен могу назвать. Сидели до утра иногда, пили вино, и я никогда не видел шатающихся, когда гости расходились. Беседовали о жизни, политике, духовности, книгах, художниках. Нам разрешали их обслуживать, и мы крутились вокруг стола и слушали этих удивительных людей. Я уже тогда понял, что один народ живет так, другой - так, но все должны соблюдать правила отношения друг к другу, добрососедские отношения.

ДОМ, КОТОРЫЙ «ПОСТРОИЛ» БУБУ

- *И здесь сказываются уже семейные традиции, воспитание...*

- Я думаю, личные качества человека, его отношение ко всему, закладываются в семье. Это очень важно. Потом уже многое зависит от круга общения. У нас дом был очень интересный. Отца плохо помню, - когда он в 42-м уходил на войну, мне было около пяти лет. Он был журналист, говорят, хорошо пел. Из-за сильной близорукости был невоеннообязанным, но в начале 42-го сказал маме, что ему стыдно ходить по улице, когда мужчины воюют, ушел добровольцем и в конце того же года погиб под Керчью. Из родственников со стороны отца я помню только его брата Додика. Давид Кикабидзе был известный в Тбилиси скульптор. А с родственниками с маминой стороны нас связывали очень тесные узы. Мой дед, Константин Николаевич Багратиони, необычный был человек. У него была роскошная библиотека, и в тяжелые годы какие-то книги он, наверно, продавал

и приносил нам всем хлеб. Он тогда уже болел и всегда говорил: «Пока Тамара не вернется, за меня не беспокойтесь, я ее дожусь». А Тамара Багратиони-Мицишвили, старшая сестра моей мамы, была женой известного писателя и публициста Николо Мицишвили.

- Позже таких людей стали называть диссидентами...

- Да. В 30-е годы его забрали и через неделю расстреляли. Многих писателей тогда «загребли». Вскоре забрали и тетю Тамару. Очень красивая была женщина, она провела в Сибири на лесозаготовках 9 лет, вернулась оттуда хромой. А дед ее ждал. Его супругу, Ольгу Амiredжиби, я не помню, она была матерью четверых детей и умерла в 32 года. Интересно, что первая записанная в Грузии грампластинка хранится в музее Иосифа Гришашвили, и записала ее моя бабушка, Ольга Амiredжиби. Она не была певицей, просто все они хорошо пели и танцевали. Я возил эту пластинку и в Петербург, и в Москву, но восстановить ее не удалось, хотя местами слышно, как она замечательно поет.

Старший брат моего деда, Гогина, в 35-м году уехал за границу и там его дети росли - Ляля и Никуша Багратиони. Потом я узнал, что Никуша стал военным, служил во французской армии и был расстрелян в какой-то мусульманской стране как французский офицер. Ляля вышла замуж, кажется, в Швеции, за известного бизнесмена. Когда я был на гастролях в Париже, она мне позвонила (видно, кто-то ей сказал, что племянник находится там): «Приезжай ко мне». Она была уже старая, не понимала, что в те времена встретиться мы не могли... Дед Константин после возвращения из ссылки тети Тамары сидел в маленькой комнатке с гостями, которые в те дни тайком, поздно вечером приходили к нам, в семью «врагов народа». Выпил стаканчик вина, пошел спать и во сне умер. А второй его брат, Арчил, лежал в больнице, и всех предупредили, чтобы никто ему об этом не сказал. Но, видно, кто-то проговорился. Он пришел в визитке, с бабочкой, увидел брата в гробу - и на месте скончался. И мы их обоих вместе хоронили...А когда еще до революции в Иране проходил международный фестиваль народного танца, молодой дедушка Арчил (а он не был танцором) взял туда с собой очень красивую тбилисскую даму, и они получили Гран-при. Вот такие судьбы...

Был еще у мамы брат - Джано Багратиони, известный хореограф, народный артист Грузии, автор и исполнитель известной песни «Квавилебис квекана» («Страна цветов»). И моя мама, Манана Багратиони, тоже замечательная певица была. Четверо их было. Сейчас только Наташа, младшая сестра, осталась, ей за 80. В свое время она танцевала прекрасно в джаз-оркестре у моего дяди. И мама там пела, - они все были связаны с искусством.

- Мне вспомнился сейчас взрыв на Хилианской улице, где вы тогда жили. С коллегами по радио мы прибежали туда через несколько минут, на наших глазах увозили погибших. И мы с вами говорили о том, что происходит, об ответственности каждого за город, за страну...

- Когда вспоминаешь то смутное время, такое ощущение, что ничего этого не было. Потому что стыдно становится за людей. Какие-то кошмарные вещи вспоминаются. Милиции на улицах не было, с хлебом большие проблемы, город завален мусором. И тогда мы собрались - артисты, художники, инженеры, архитекторы, люди разных профессий, - и создали организацию «Тбилисели». Максимально делали все, чтобы помочь городу. Как-то я и Отар Мегвинетухуцеси убрали от мусора район Элиа. А через пару дней какая-то

С женой Ириной Кебадзе

женщина меня остановила на улице и говорит: «Буба, когда вы с Отаром придете, - опять мусор собрался» (смеется). Я потом сказал Отару: «У нас теперь надежная профессия, - если петь и играть не сможем, в дворники пойдем». Дежурили на хлебозаводах ночью, потому что люди силой врываются туда. Не хочется это вспоминать.

- С властями отношения складывались вроде благополучно, хотя...

- Я слежу, в общем, за политической жизнью и моей страны, и России, и всего бывшего Союза. Когда была эта история с ГКЧП, я все-время рвался в Москву. Сейчас немного смешно, - почему я должен был туда ехать? Я рвался, чтобы там стоять, чтобы бороться за правду. Потом во что это вылилось, мы все знаем. Ну, власть всегда заинтересована иметь рядом с собой узнаваемых людей. Меня очень часто разные лидеры звали в политику, - и Звиад Гамсахурдиа, и Эдуард Шеварднадзе. Предлагали занять какие-то посты, в частности, по культуре, в кино. Но я всегда считал, что человек своим делом должен заниматься, - тем, что он умеет делать. Если бы все люди занимались своим делом, стало бы ясно, что настоящих политиков мало среди нас, - их можно по пальцам пересчитать. И вот они и должны отвечать за нас, за наших детей, внуков, за свет, за газ, за хлеб, за искусство, науку, - за все.

- И когда стреляли по окнам вашего дома, - это был ответ «звядистов»...

- Было, да, - когда я отказался выступать с трибуны и кричать какие-то неподобающие нормальному человеку лозунги. А через два дня - моя теща тогда осталась жива абсолютно случайно - в 10 сантиметрах от ее головы пуля вошла в стену. Из противоположного дома стреляли, я очень долго пробитое стекло не менял. Так и не смогли мы выяснить, - откуда, кто, почему? А в Верийском саду у нас был офис в бывшем Альпийском клубе, - его сожгли дотла. Без этого не бывает, наверно, я ничему не удивляюсь. Просто странно, что когда люди гадости делают, они вперед не смотрят, думают, что это все пройдет, а как потом людям в глаза смотреть?

- Поговорим о приятном. Вы по-прежнему потрясающе популярны...

- Конечно, я благодарен людям, которые до сих пор ходят на мои концерты. Недавно в Тбилиси была заложена моя звезда, - вторая уже. Вернее, даже третья, потому что первую заложили в 99-м году в Москве, а два года назад здесь заложили звезду «Орэра», где я фактически с начала до конца работал. Вдруг я понял, что очень быстро время проходит...

- В России встречается со старыми друзьями?

- Да, естественно. Я всегда врашаюсь среди тех, кто мне приятен. Специально никогда не хожу на тусовки какие-то. Замечательные были дни, когда приехал Шендерович, - у него в театре им. Грибоедова прошли вечера. Мы неделю гуляли. Прежде бывали у меня дядя Миша Глузский, замечательный актер, удивительный человек, Зиновий Ефимович Гердт - дядя Зяма. С Булатом Окуджава у меня произошла интересная встреча. В Москве на каком-то концерте мы с ним встретились впервые и он на меня долго так смотрел, потом подошел и достал из кармана маленький золотой ключик, какой на шею вешают: «Это вам, Вахтанг, ключи от моего сердца». Многих уже нет, вот и Фрунзика Мкртчяна я потерял, царство ему небесное. Но во многих российских городах остались друзья, я бываю у них, они ко мне приез-

выступления побуду еще немного, - там очень хорошая рыбалка.

- Ну, с рыбалкой все ясно. А футбол?

- На рыбалке я отдыхаю. Природа, лес, вода, тишина, - мне этого хватает надолго. А сейчас - чемпионат мира по футболу, и я все отменил, сижу дома и смотрю все матчи. Люблю красивую игру и очень хочу, чтобы Бразилия выиграла.

- Еще один мужской вопрос - о напитке, к которому у вас теперь, похоже, не только потребительское, но и профессиональное отношение...

- Да, у меня есть свой рецепт изготовления настоящей чачи. В Европе ее называют граппа, и там это довольно дорогой напиток. Как-то я дал нашу чачу попробовать моим зарубежным друзьям, и они поразились, - где это продают? Это, говорю, мы сами дома сделали по моему рецепту. И они меня убедили, что это стоит делать. Полгода назад мы, наконец, занялись этим делом, - есть в Цинандали грузино-швейцарская винная компания «Шуми». В мае состоялась презентация. Но это, видно, мое «счастье» - как раз теперь в России импорт этой продукции из Грузии закрыли. Зато в Тбилиси первая партия сразу разошлась. Теперь серьезный разговор идет о выпуске коньяка.

- А фильм «Они» скоро запустите?

- Пока не знаю. Фильм должен получиться довольно смешной и добрый. Я думаю, такие фильмы надо делать, пора уже отходить от сериалов.

- Хотя, вся наша жизнь за эти годы - как плохой сериал...

- Да, «мыла», к сожалению, много. А над книгой пока еще работаю, наверно, к зиме закончу.

- «Лицо кавказской национальности» - это рабочее название?

- Да, там много вариантов, посмотрим. По этим новеллам тоже можно, наверно, снимать кино.

- И не исключено, что так оно и случится?

- Да, все может быть...

- Дай вам Бог сил и здоровья!

- Спасибо, всем добрым людям того же желаю.

АНДРЕЙ БЕЛЯВСКИЙ

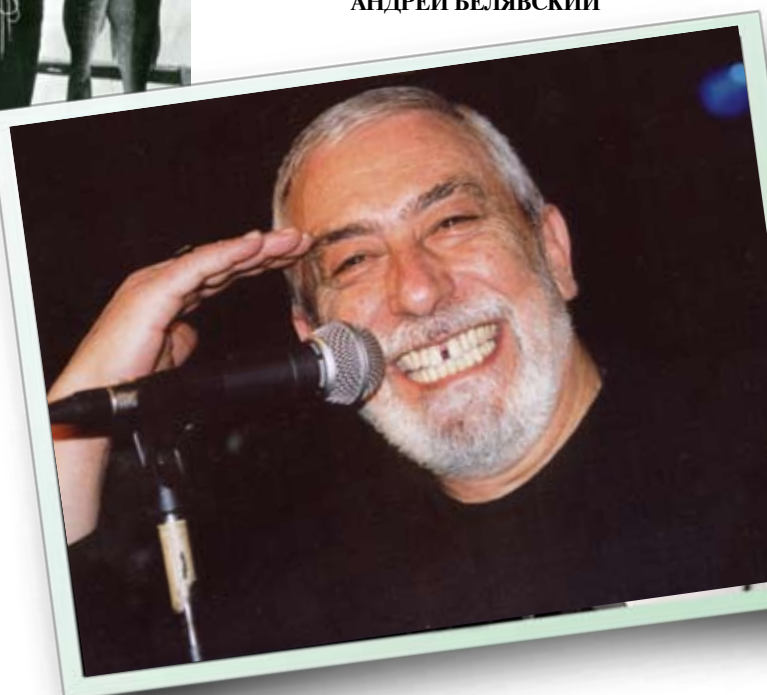
В гостях у Стаса Намина

жают. Наше поколение помогает друг другу выживать, - это очень важно.

Гастрольно-деловой график Вахтанга Кикабидзе забит по-прежнему: в начале июля в Петербурге ему вручали Орден Петра I, прошло три сольных концерта, а через день в Москве он уже пел на юбилее Аэрофлота.

- В августе я лечу в Канаду, и хочу попросить главного аэрофлотовского начальника, чтобы разрешили мне втихую курить в самолете, - 10 часов просто не выдержу. В Канаду я лечу не только повидать сына Коку и внука Георгия. 16 августа русскоязычная диаспора этой страны проводит большой фестиваль русской песни. Этот традиционный праздник проходит в поле, на большой открытой площадке, где собирается до 50 тысяч зрителей. Я еду туда как гость фестиваля, а после

ТАМ, ГДЕ ЦВЕТОЧЕК АЛЕНЬКИЙ

Детство, ликующее на гребне фантазии, дарует голубой планете то, что не в силах обеспечить ни один политик – неизбывное дружелюбие и всепрощение, потрясающее доверие к жизни. И самый достойный из взрослых – тот, кто может преклониться перед бесхитростью и святостью малыша.

Международный культурно-просветительский союз «Русский клуб» и Союз русской молодежи Грузии доказали в очередной раз, что в мире существуют такие достойные люди. Конкурс детского рисунка на тему «Мир русской сказки» был проведен в Грузии совсем недавно. Еще до официального открытия выставки, один из членов жюри – Нелли Узнадзе – провела меня в фойе Грибоедовского театра. Бесчисленность картинок со сказочными героями «всёя Руси» ошеломила. Это было больше, чем мир русской сказки. Это была русская сказка, ласково обнявшая весь мир...

Грузинские, армянские, азербайджанские, украинские и русские фамилии замелькали в изумительном калейдоскопе доброго волшебства.

Народные и авторские сказки сплелись в детском воображении, как сплетались они в творчестве бессмертного Пушкина. Колобок подкатился к Мертвой царевне. Василиса Прекрасная улыбнулась Антошке-рыжику. Снегурочка отправилась к Русалочке, а Царь Гвидон, царь Салтан и Старик Хоттабыч затеяли пир на весь мир.

Не обошлось и без курьезов. Из английских туманов притопал Винни-Пух с компанией друзей.

Ласточка принесла на крыльях из краев заморских Дюймовочку... В русскую сказку им выдали пропуск советские мультипликаторы, чьи мультфильмы любимы в Грузии и самым новым поколением. У отзывчивых устроителей выставки рука не поднялась отчислить «иностранцев» из рядов русских сказочных героев. Ведь и Пух, и Дюймовочка, и Красная Шапочка научились говорить по-русски. А, значит, тоже получили доступ к российской культуре...

Шутки шутками, но на официальном открытии выставки дети разных национальностей переговаривались друг с другом на хорошем русском

языке. Пришли сами маленькие художники, их родители, бабушки и дедушки. Дети живо обсуждали чудеса сказочной страны Грибоедовского театра и, что особенно приятно, большинству было абсолютно все равно – кто выиграет конкурс. Мальши радовались, что их так много – любителей «Мира русской сказки»!

«Каша из топора» Давида Саркисяна, «Золотой венчик» Камрана Гусейнова, «Серая шейка» Элен Исаниду, «Вершки и корешки» Айтен Мамедовой, «Три медведя» Мариам Качеишвили...

Сколько прекрасных работ – возможно ли все перечислить! А оценить еще труднее!

Компетентное жюри – Нелли Узнадзе, Виктория Марташова, Лали Хатиашвили и Виктория Попова, – возглавляемое Аллой Беженцевой (председателем Союза русских женщин Грузии «Ярославна»), до последней минуты жарко спорило, сомневалось, не желая обидеть лучших...

А в это время шел спектакль «Емелино счастье». Приглашение на него маленьким художникам и их семьям выслал Фонд развития «Кавказский институт демократии», оплативший праздник в честь Дня независимости России.

Сколько же подлинного, исконно российского оказалось в постановке «Емелино счастье»! И диалектные говоры, и пестрая деревенская «жисть» глубинки, и ярмарочная суматошная потеха – все было подано так живо, натурально, что я поневоле начинала сомневаться: а верно ли, что за стенами Грибоедовского раскинулся Тбилиси нового века.

Я знаю, и в России тоже гамбургеры, футболки, новорусский жаргон (у нас – «смешенье языков: грузинского с англосаксонским»)... А все-таки, есть ДРУГОЕ и в Грузии, и в России. Сказка, рожденная прошлым. И длится она для тех, кто этого хочет. И столько, сколько мы пожелаем...

Спектакль «Емелино счастье» стал наглядным образцом сбережения и защиты того прекрасного, чем одарил мир культура России.

Царевна и Емеля благополучно прошли все испытания. Благодарный, неистово аплодирующий зал, наконец-то, затих. Но актеры не ушли со сцены. Они ждали Хозяина Сказки!

Николай Николаевич Свентицкий – элегантный, в салатовом костюме в честь праздника – появился перед публикой. Директор театра и президент «Русского клуба» объявил, что советник посольства Иван Кириллович Вольнкин и артисты будут награждать победителей конкурса рисунков. Зал замер. И вдруг... «Кто стащил мои очки? Что за народ на ярмарке?» – растерянно спросил Свентицкий, шаря по карманам. «Как же он будет читать имена?» – вздрогнули дети.

Добрый Медведь, помогавший прежде и Емеле, быстро отыскал очки директора. А зрители-то, разволновавшись, чуть не забыли, что мы – в театре! Браво, Хозяин!

Речь директора была кратка – ведь дети ждали! Свентицкий особо отметил, что, вопреки опасениям по поводу возможной невостребованности столь специфического конкурса, поступило море заявок – четыре сотни рисунков! Ни один регион Грузии не остался в стороне!

Изумило, что большинство участников – ученики именно грузинских школ.

12 лауреатов получили в награду за творчество книги лучших российских писателей и поэтов, игры-самоделки по мотивам русских сказок, видеокассеты с детскими фильмами. Всмотрись, читатель, в имена маленьких художников: Нина Серикова, Ирина Хачатурова, Лаша Шарикадзе, Ираклий Хещуриани, Торнике Якобидзе, Изет Кикава, Зоя Шеховцева, Софико Татарашвили, Женя Саркисян, Анна Рамишвили, Ната Цинцадзе, Георгий Петелава... Не прервана живая связь народов, что бы там не говорили скептики!..

А три премии?!

Третья – самому маленькому художнику. Хотя и было объявлено: с 8 до 14 лет! – но пятилетний тбилисец Лука Худинян не был отвергнут. Талантливый малыш забыл свой приз – серебристый магнитофон – на сцене. (Не поверил, что такая чудесная вещь – его!) И за ним бегал сам Емеля – Дима Спорышев. Память – навсегда!

Вторую премию, превратившуюся в телевизор, присудили семикласснице из Гори Майе Корначик. А первой премией – поездкой в Москву и по «Золотому кольцу» России – наградили четырнадцатилетнюю Тею Качкачишвили из Марнеули...

После спектакля зрители долго не расходились. Гуляли в фойе. Давали интервью всем каналам тбилисского телевидения, радиожурналистам и прессе. Любовались на Золотую Рыбку и Царевну-Лягушку маленького Луки-победителя. Улыбались Оленю на серебристом снегу Майи Корначик. Работы Теи Качкачишвили вызвали восторг и ...споры! Дело в том, что недетский профессионализм картин Теи озадачил многих. Четкая графика, ровное наложение цвета – редкое мастерство! Однако, герои Теи легко узнаваемы: загадочный Финист-Ясный Сокол, богатыри, сражающиеся со Змеями крылатыми, русоволосая Царевна...

Каждый зритель выбирал «свою» картину в соответствии с личным вкусом. Меня же больше всего очаровала картина «Аленький цветочек» Дарьи Сидоровой из Батуми. Рисунков по мотивам «Аленького цветочка» было немало. И Нико Кенчиашвили, и Нина Серикова, и Кристина Ламазян, и многие другие прекрасно иллюстрировали волшебную сказку. Но у Дарьи «Аленький цветочек» обрел одну маленькую, но важную деталь.

В саду, где «за тридевять земель, в тридесятом царстве-государстве» суждено было Настеньке обрести счастье, срывает на картинке русская красавица синеватые грозди черного винограда. А виноградник сказочный так похож на виноградники Грузии, что сомнений не остается – рай на земле для Даши Сидоровой оказался не «за тридевять земель», а по соседству с Россией – в Грузии. И это умиляет. Ребенок подсознательно соединил волшебную страну и Родину. Десятилетняя русская девочка вместе со своими ровесниками-грузинами отыскала Аленький цветочек. Русские, живущие здесь, любят Кавказ. Кавказцы же продолжают знакомить своих детей с культурой России. И хотя нам иной раз кажется, что кто-то очень нехороший сорвал и погубил Аленький цветочек дружбы, но это – напрасная тревога. Ведь «Мир русской сказки» мог появиться только там, где пуше прежнего пылает после лихих дождей наш общий Цветочек аленький!..

КАТЯ ЦИБЕР

ВОЗВРАЩЕНИЕ «ОНЕГИНА»

Слухи о том, что давно сошедший с афиш «Евгений Онегин» будет возобновлен, вызвали энтузиазм среди тбилисских меломанов, помнящих времена, когда театральный репертуар был немислим без этой оперы П. И. Чайковского.

Путь «Онегина» к слушательской аудитории был непростым. Любимой оперой Чайковского в Тбилиси долгое время оставался «Мазепа», о чем с удовлетворением отмечал его автор. «Онегин» же, поставленный в 1883 году, по инициативе тогдашнего оперного антрепренера Ивана Егоровича Питоева (хотелось бы, чтобы имя этого замечательного деятеля культуры, отца выдающегося реформатора европейского театра Жоржа Питоева, сохранилось в культурной памяти на его родине), поначалу вызывал более чем прохладное отношение. Однако Питоев, бывший, по убеждению М.М. Ипполитова-Иванова, в числе тех фанатиков, которые безоглядно жертвовали делу и здоровью, и состоянию, «покаялся, что заставит тифлисцев полюбить Чайковского». Игнорируя методично разоряющую его убыточность спектаклей, он распорядился давать «Онегина» каждый четверг, и к концу сезона эта опера стала одной из самых посещаемых. Надо сказать, что признание «Евгения Онегина» двигалось нелегко и на родине ее создателя. Триумфальное шествие «Евгения Онегина» по оперным сценам началось с премьеры в Мариинском театре 19 октября 1884 года, почти через шесть лет после его первого показа, не имевшего успеха.

Спектакль, о котором пойдет речь, был возобновлен не на «большой сцене», а в оперной студии при Тбилисской консерватории, где он долгие годы состоял в репертуаре (напомним, что, создавая оперу, Чайковский представлял ее сценическое воплощение силами учащейся консерватории, а роль Татьяны непременно в исполнении молоденькой певицы). Однако, условия, в которых оказался режиссер Заза Агладзе, вряд ли когда-нибудь имели место. Оставим в стороне тот грустный факт, что сцена Большого зала консерватории, лишившись после установления органа задника, перестала быть пригодной для оперных спектаклей. Режиссеры смирились с этим и приспособились. Но данный спектакль предполагал сцены с развернутой хореографией, с массивным составом хора и миманса. За годы вынужденного простоя истлели до основания роскошные костюмы и декорации, и постановщик оказался без какого-либо реквизита.

Зритель не увидел ни господский дом с доносящимся из окна пением Ольги и Татьяны, ни «огромный, запущенный сад», где прозвучали леденящие душу наставления Онегина. Вынужденным купюрам подверглись хор

крестьян, хореографические эпизоды в сценах бала. Однако постановщик нашел убедительные приемы раскрытия концепции Пушкина-Чайковского, проявив смелость и независимость мышления.

В современной зарубежной режиссуре недвусмысленно высвечивается тенденция к эстетическому переосмыслению художественных памятников русской культуры, «заземлению» их нравственной ауры, переходящему порой в откровенное глумление. Так, Б. Корн (Израиль) сообщил, что режиссер из Англии С. Пимлотт, поставивший «Онегина» в театре «Новая израильская опера», руководствовался стремлением спровоцировать «открытый конфликт» между композиторским замыслом и его сценической интерпретацией. В сюжете, который он пред-

А. Мамацшвили

ставил публике, настойчиво навязывая придуманную концепцию нищеты, все «беспросветно глупо, примитивно и убого». Ларина спешит приложиться к бутылке, Ольга исполняет свою арию, развалившись на столе, Татьяна выходит к Онегину в сад в одном пеньюаре, развязные и невоспитанные гости ... А хор крестьян? Он предстал как шеренга застывших роботов, одетых во все черное. Но как быть при творимом режиссером произволе с подкупающей доверительностью интонации Чайковского общения крестьян с барыней, задушевностью диалогов Татьяны и няни? Как призвать внимание постановщика к духовной связи, которая произвольно складывалась в среде усадебно-помещичьего быта в России между баринном и мужиком и помогла Пушкину проникнуться духом Пугачева, побудила Глинку воздвигнуть музыкальный памятник не только Сусанину, но и камаринскому мужику?

За последнее время стало известно, что в предполагаемой на Новой сцене Большого театра очередной постановке «Онегина» главному герою предстоит перенести ... СПИД.

Г. Дарбаидзе (Онегин) и Д. Пхаладзе (Гренин)

Подобным псевдоноваторским «находкам» Заза Агладзе противопоставил концепцию, исходящую из глубокого понимания двуединства поэт-композитор, досконального знания партитуры, поэтического источника и исторического фона. Она соткана из символов, метафор, гипербол. Известно, что по окончании работы над оперой Чайковский колебался в правильности выбора названия, думая заменить его именем главной героини. Именно оно подошло бы к версии Зазы Агладзе, которая исходит прежде всего из образа Татьяны. Нравственное величие, кристальность чувств, цельность природы героини олицетворяет белый цвет, превращающий суперзанавес, обивку мебели, женскую одежду, а, главное, соучастницу действия – окружающую природу – в звено единой цепи.

Выбрав в архитектонике спектакля «головное» явление, Агладзе стремится максимально продлить его действие. Эпопея с письмом получает неожиданное продолжение в сцене в саду. Потрясенная отповедью Онегина, Татьяна находится на грани психического срыва. Хор «Девы, красавицы» проникает в ее сознание как звучание голосов оживших берез, каждая из которых держит письмо. В том, что режиссер отдал поступок Татьяны на суд деревьев (облаченные в белое артистки хора), видится глубокий смысл: березка – невеста в русской художественной культуре – знаменатель чистоты, непорочности.

На фоне крайней неудовлетворительности игровой площадки, отсутствии миманса, кордебалета, костюмов режиссер выделяет ключевые ситуации, максимально сжимая состав их участников, которые с началом нового эпизода уходят в стоп-кадр. Эту позицию разделил хореограф В. Бахтадзе, связывая с приемами пластической выразительности только главных героев (вальс Онегина с Татьяной как повод к пересудам провинциальных гостей и негодованию Онегина; мазурка Онегина с Ольгой – последняя капля в чаше терпения Ленского. Обратим внимание также на переключаются со стихами Пушкина изящную мизансцену ротного с двумя девицами («умчал Буянов Пустьякову, // И в залу высыпали все, // И бал блещит во всей красе»).

Готовя спектакль, З. Агладзе тщательно выполнял работу завлита, приобщая исполнителей к миру далеких пушкинских героев, к представлению о петербургском высшем свете. Ему пришлось сделаться наставником и по культуре речи и изучению русского языка. Хороший результат принесла работа с обеими исполнительницами роли Татьяны – Н. Богдановой (магистрант второго курс

са) и М. Гулордава (студентка второго курса). Зрителям особенно понравилась сцена письма, убедительная как в сценическом, так и музыкальном воплощении. Трогательным Ленским был У. Абуладзе. Сумев избавиться от сковывающего его поначалу волнения, он проникновенно провел сцену дуэли, вызвав горячее одобрение зала.

Из двух Онегиных Г. Дарбаидзе, удовлетворительно овладев музыкальным текстом (отметим легкость в интонировании знаменитой октавы в сцене в саду), в целом был далек от своего героя, над образом которого следует серьезно поработать. Другим исполнителем Онегина был умный, тонкий и пронзительный З. Хелая. Прекрасное знание русского языка, чеканная дикция, высокая культура фразы. Однако, суммируя впечатления от сыгранных им ролей, напрашивается вывод, что это артист прежде всего комического дарования.

В партии Онегина заслуживает пересмотра последняя сцена. Эпизод «Онегин у ног Татьяны» Достоевский называет в числе «больных сцен» – тех великих созданий художественного гения, которые, пронзив однажды сердце, навсегда оставляют в нем кровоточащую рану. Пронзительная эмоциональность переполняла звучание оркестра, но не звучание голосов; интерпретация Хелая больше шла «от головы».

Партия Ольги (Э. Габиташвили, Т. Джигладзе) не принадлежит к лучшим страницам опер Чайковского, однако, можно вспомнить исполнителей, которые не только выводили ее из тени, но подчас сближали с главными героями (М. Датиева в студийном спектакле 1983 года, двадцатилетняя С. Немоляева в фильме-опере Н. Тихомирова). В данном случае роль Ольги представляется слишком «задвинутой», и при дальнейших показах спектакля не мешало бы ее оживить.

С восторгом откликнулся зал на выход Гремина (Д. Пхаладзе). Его благородный, изысканный облик вызвал в памяти молодого Т. Мушкудиани, в классе которого занимается этот студент. Как обычно (я имею в виду студенческие спектакли), раздавались голоса, что возраст артиста не соответствует его персонажу. Но подобные претензии никак не согласуются с сюжетом. Ведь о летах Гремина нигде не говорится, а Достоевский по этому поводу однажды заметил, что в кампании 1812 года отличилось множество молодых офицеров, которые были произведены в генералы.

Большой энтузиазм вызвало выступление дирижера Автандила Мамацашвили, самозабвенно погруженного в стихию звуков Чайковского. Важнейший результат его работы – налаженный ансамбль исполнительского состава, что встречается далеко не часто. Другой момент – утонченная музыкальность, пронизавшая весь спектакль. С первых же звуков увертюры слушатели ощутили очарование той щемящей ноты музыки Чайковского, которая глубоко западает в сознание и продолжает властвовать в нем независимо от сценических ситуаций. В чередовании образов интимно-лирических и печальных, экстаических и торжественных, философски-возвышенных неизменно проявлялись присущие маэстро чувство меры и вкус, прекрасно звучали солирующие инструменты.

Хочется надеяться, что профессор консерватории А. Мамацашвили еще не раз порадует нас творческими откровениями.

МАРИЯ КИРАКОВА

«МЕНЯ СПАС ТЕАТР»

В последнее время стало модным скрывать свою любовь к театру и говорить, что главное это семья, а любимая профессия – потом. По-моему, и то, и другое занимает свое место, но никто бы не остался в театре на те гроши, которые мы получали в определенные годы, не ходил бы на репетиции и не играл в легких театральных костюмах в неотапливаемом зале, если бы не любовь к своему делу.

Народная артистка Грузии Тамара Белоусова-Шотадзе 60 лет работает на сцене нашего театра. Актрисе большого диапазона одинаково удаются комедийные и драматические роли. Удивительно красивая в жизни и на сцене, она сыграла много главных ролей, не отказываясь и от маленьких, которые исполняла с неменьшей отдачей и успехом.

«Мой театр всегда со мной со всеми его недостатками и достоинствами. Я очень радуюсь удачам нашего театра, успеху актерских работ, у нас много талантливых, ярких индивидуальностей. Мне приходилось с ними встречаться, а я – требовательный и строгий партнер», – говорит Тамара Васильевна.

В театре ее любят и ценят за талант, профессионализм, умение всегда быть в форме.

Тамаре Васильевне многое пришлось пережить, в самые трудные минуты ее спасало творчество и общение с друзьями по работе. Она сама признается: «Меня спас театр».

Современный человек, воспринимающий новые течения театрального искусства, она воспитана на традициях грузинского театра и культуры. В годы Великой Отечественной войны Татьяна училась актерскому мастерству в студии при Госкинопроме. В Тбилиси находился коллектив МХАТа. В.И. Немирович-Данченко не поленился подняться на верхний этаж здания и присутствовать на экзамене студии. Побывало на нем и руководство Сухумского русского театра, которое и пригласило молодую актрису в свой театр. Тогда в Грузии было много эвакуированных из России актеров и режиссеров, и это, естественно, сказалось на составе сухумского театра, где собралась очень сильная труппа. Тамара Васильевна проработала в Сухуми два года, играя ведущие роли – Нину в «Маскараде» М. Лермонтова, Беатриче в «Слуге двух господ» К. Гольдони и другие. Меня удивляло, как она поехала в Сухуми, когда рядом был Грибоедовский.

«Да мне не могло и присниться, что я могу стать актрисой этого театра. Он был тогда на подъеме и даже рядовому зрителю трудно было попасть на спектакль, а мы, студенты, были счастливы, когда нам позволяли войти в театр и сидеть на ступеньках в последних рядах галерки.

На второй год моей работы в сухумском театре шел спектакль «Так и будет» по пьесе К. Симонова, где я играла Олю. После окончания спектакля меня поджидали

около театра приехавшие из Тбилиси довольно известные люди. Они спросили меня: «Почему вы работаете не в Тбилиси?» Руководство города не сразу отпустило меня. Окончание войны и День Победы я встретила в Сухуми, а потом все же оказалась в театре им. А.С. Грибоедова.

Первая роль, сыгранная Тамарой Васильевной на сцене нашего театра, была Лидия в «Бешеных деньгах» А. Островского. Актриса была принята труппой и заняла в ней достойное место среди таких великолепных актеров, как И. Бодров, Л. Врублевская, Б. Белецкая, А. Смирнин, К. Мюфке, П. Вяземский, А. Загорский, Е. Сатина... Главным режиссером тогда был А. Такашвили, а главным художником – знаменитая И. Штенберг. Белоусова с ее неповторимым шармом блистала в таких спектаклях как «Тартюф» Мольера, где она играла Эльмиру, в «Волках и овцах» в роли Глафиры.

Тамару Васильевну приглашали в другие города и театры, но она осталась верна театру им. А. С. Грибоедова.

Впервые я увидела ее в спектакле «Коварство и любовь» Ф. Шиллера в роли леди Мильфорд. И была ею очарована. Безукоризненная шея, плечи, фигура, красивое лицо, а главное трагическая судьба этой героини тронули меня. От моих рыданий, думаю, сотрясаясь весь ряд, в котором я сидела.

Невозможно забыть сыгранную ею в эти же годы Диану в «Собаке на сене» Лопе де Вега. На репетиции она сломала ногу. Вся постановочная группа терпеливо ждала, пока она поправится, не считая возможным заменить ее. Роль была сыграна превосходно со

своиственным актрисе большим юмором. Под гомерический хохот всего зала она играла Кетеван в спектакле по пьесе «Крот» О. Чиджавадзе, и автор пьесы очень хотела, чтобы она снялась в фильме по этой пьесе, но Тамара Васильевна отказалась – театр и семья отнимали и без того немало времени.

Мы познакомилась с Тамарой Васильевной, когда я пришла работать в этот театр. Скоро убедилась, какой она прекрасный человек, очень далекий от театральных интриг, относящийся ко всем благожелательно, будь то режиссер или актер, с которым она играет на сцене, или одевавшаяся, или гример.

С Тамарой Васильевной работали многие режиссеры. Сандро Товстоногов перед своим уходом из нашего театра сказал ей: «Вы принадлежите к тем актерам, которым не страшны никакие перемены в режиссуре». Великий Георгий Александрович Товстоногов отметил Белоусову в спектакле сына «Жестокие игры» по пьесе А. Арбузова, который он увидел на наших гастролях в Вильнюсе. Тамара Васильевна играла роль матери. «Достоверно все с начала до конца», – сказал он. Доволен был и Петр Наумович Фоменко ее работой в своем спектакле «Дорога цветов» по пьесе В. Катаева, где Тамара Васильевна играла роль Веры Газгольдер. К. Сурмава же по поводу ее исполнения роли бабушки в его спектакле по пьесе Г. Лорки «Дом Бернарды Альбы» сказал: «По этой сцене можно защищать диссертацию». Сыграла она также в спектакле Р. Стурра по пьесе Пристли «Сокровище». Играла королеву Анну в спектакле Тенгиза Кандинашвили, ученика Юрия Завадского, «Стакан воды» Э. Скриба,

и сам Завадский приезжал на этот спектакль и остался им доволен.

Мне тоже довелось работать с Белоусовой. Это были мачеха в «Золушке» Е. Шварца, герцогиня Мальборо в «Стакане воды» Э. Скриба, Маргаритта Вернье в «Загадке дома Вернье» А. Кристи и Р. Тома, Эдна в «Бабочке, бабочке» Альдо Николаи.

Особенно хочется отметить ее Эдну. Сюжет пьесы таков, что героиня в молодости бросает сына в поисках красивой жизни, которую так и не находит. Потом через много лет сын встретит свою мать, не признаваясь в том, кто он на самом деле. Тамара Васильевна – замечательная мать в жизни, хорошо уловила сарказм автора, последователя великого Луиджи Пиранделло, и достоверно изобразила эту кукушку, сыграв в финале спектакля трагедию раскаяния и одиночества.

Несмотря на множество сыгранных ролей (их около 200), она каждый раз волнуется перед выходом на сцену и уходит всегда недовольная собой.

Как-то я стояла за кулисами на спектакле «Закон вечности» Н. Думбадзе. Белоусова, несмотря на бурные аплодисменты, ушла со сцены опять-таки недовольная собой. А между прочим в Баку на гастролях, когда присутствовало руководство республики, они поднялись на сцену и очень хвалили спектакль и особенно отметили Тамару Васильевну.

Сейчас многие зрители говорят, что десятилетиями репертуар театра держался на двух актрисах – Наталье Михайловне Бурмистровой, народной артистке СССР, и Тамаре Васильевне Белоусовой, народной артистке Грузии. Обе – целая эпоха в истории театра.

Приятно, когда по-доброму говорят об артистах, признается Белоусова. Но она не тщеславна и всегда избегала популярности.

И это правда. У нее было много поклонников ее творчества, были их письма и устные признания, но она почему-то ни разу не отметила свой юбилей, с гордостью неслала имя русской актрисы как в Тбилиси, так и на гастролях.

Она болеет и очень переживает, что не играет и даже не смогла присутствовать на празднестве в честь 160-летия театра. На юбилейный вечер она прислала теплую телеграмму.

Есть у Тамары Васильевны заветная мечта – сыграть в театре характерную комедийную роль и еще раз услышать: «Спасибо, вы подарили нам праздник!»

Зная ее творческие возможности, я уверена, что она сыграет еще не одну хорошую роль.

Здоровья вам и сил для новых творческих побед!

ЛЕЙЛА ДЖАШИ

ПУТЬ К СЕРДЦАМ ЧИТАТЕЛЕЙ

Безусловно, врожденная, природой дарованная благодать, когда человек с первой встречи запоминается навсегда. Десятилетия прошли, как Арсен Еремян и я окончили филологический факультет (он – русское, я – грузинское отделение) Тбилисского госуниверситета, но то первое впечатление живо в памяти. Нашим общим увлечением и любовью была поэзия. В знаменитых университетских стенгазетах «Пирвели схиви» («Первый луч») и «Литературный листок» мы читали написанные нами стихи и уже тогда обнаружили родство наших душ. С ним были на курсе также талантливые ребята, к сожалению, рано ушедшие из жизни, Леван Челидзе и Картлос Хотивари; оба внесли значительный вклад в развитие грузинского кино. Вместе с ними учился и успешный сегодня деятель искусства, замечательный кинодокументалист Гия Чубабрия. Перенесшее невзгоды военных лет детства, наше поколение тогда только расправляло крылья, исполненное юношеских мечтаний, с надеждой смотрело в будущее.

Я прошел довольно долгий и тернистый жизненный путь и смело могу сказать: мало встречал таких, как Арсен Еремян, добрых, душевных людей. Редкий, отличный от других, блеск слегка прищуренных глаз придавал его улыбающемуся лицу своеобразный свет.

Шло время. Автор прекрасных стихов, он почему-то отошел от поэзии, стал известным журналистом; предметом его второго, не менее сильного увлечения стал спорт – он часто публикует неординарные, неизменно интересные статьи о наших именитых спортсменах и в них остается многосторонне образованным литератором, поэтом. В этом всех убеждает его новый, блестящий сборник документальных рассказов и очерков «Гром победы», эта сжатая до предела малая летопись грузинского спорта XX века.

Я вовсе не удивился, когда два года назад услышал от Арсена: его вдруг посетило неодолимое желание писать стихи, и за короткий срок он написал целую книгу. Я тогда еще назвал это подвигом. Недавно прочитал эту книгу - с удовольствием и радостью. Радует, что Арсен Еремян полностью сохранил детскую непосредственность и правдивость, что, по мнению многих, верный признак истинного таланта; ни в одной его стихотворной строчке не ощущается фальшь, назойливая патетика; одна печаль по ушедшему в волнах вре-

мени, что характерно для каждой эпохи. И это чистое движение души, грустная тональность не миновали лирику моего друга. По этой книге можно убедиться, как Арсен Еремян - коренной тбилисец - безмерно любит перенесшую сотни различных потрясений Грузию и как почитает он такую же многострадальную свою историческую родину, Армению, чье далекое прошлое по прошествии лет оживает в его воображении библейскими мотивами и грандиозными картинами в наилучших стихах.

Арсен Еремян по своему душевному строю романтик, а это редкость в сегодняшнем прагматичном, отмеченном неверием, жестокостью и цинизмом времени, когда непосредственность, добро, искренние человеческие чувства выглядят устарелыми в глазах лжеинноваторов и мнимых авангардистов. Написавший эту книгу безгранично любит живую природу, людей, все то, что прекрасно и составляет вечную красоту жизни.

Невольно вспоминается очень своеобразное творчество тезки моего друга - талантливейшего русского поэта Арсения Тарковского, который на протяжении лет не печатался, и чьи отмеченные высоким мастерс-

твом сочинения один критик изящно назвал «поздней зрелостью». Эту характеристику можно смело отнести и к Арсену Еремян, чья поэтическая осень предстала очень щедрой, плодоносной. Нисколько не сомневаюсь: его чистая поэзия сама, без какой-либо рекламы проложит путь к сердцам ее истинных ценителей, как его проза, книги.

Незапятнанная жизнь и творчество Арсена Еремяна имеют своим бессменным проводником проповеди Христа и апостола Павла о божественной любви; и общающиеся с этим благородным человеком, близкие не могут не вспомнить мудрое наставление наших предков: «Не теряй ни старого пути, ни старых друзей». Никогда не отрекись от такого преданного друга и единомышленника, как Арсен; он давно стал частью моей жизни, и я горжусь тем, что в нашем городе ходит, мечтает и творит человек, который всегда старается чем-то порадовать ближнего, облегчить ему пребывание на этой грешной земле.

Дай бог нам побольше таких людей!

ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ

АРСЕН ЕРЕМЯН

БЫЛОЕ

Командированный газетой,
Фуникулером вздыблен вьсь,
На давнем празднике поэзии
С Москвою я без всяких виз.

Не знаю, я с какого боку
На этом пиршестве стихов,
Но сам и Доризо, и Боков,
И пригубил нектар богов.

Вот позабыв о южной лени,
Сам тамада, чуток хмельной,
Бросает нам стихи Есенина,
Как в кружку талер золотой.

Он снова наш, поэт московский,
И в этом вижу добрый знак,
И тают в дымке Долматовского
Любимый город, Пастернак...

Сидел он за столом напротив,
На расстоянии руки,
А Маргиани мне напомнил:
«Ты ешь - остынут шашлык».

В ХАШНОЙ

Не в электрических разрядах
И спевках ресторанных див -
Мы в хашной пообщаться рады,
Занудство лекций пропустив.

Стук кружек в сутолоке хашной
Не утихает столько лет.
Буфетчик выглядит вальяжно,
Стерев со стойки влажный след.

А годы не стирают слово.
Братья Табидзе оба живы,
Пробился свет стихов Паоло
Сквозь темень оговоров лживых.

В затылок выстрелили двери,
Как кулаком бьет в бок косяк.
Венчается в Квашвети Мери,
Мир обесценен, как пятак.

Чей судный час настал - не знали.
Спешили к спящим воронки.
Опережая вакханалии,
Тюрьмою слыли Соловки.

Потомки палачей готовы
Держать зубами бастион.
В тбилисской хашной, сломлен горем,
Все ждет жену Галактион.

АЛЬТЕРНАТИВА

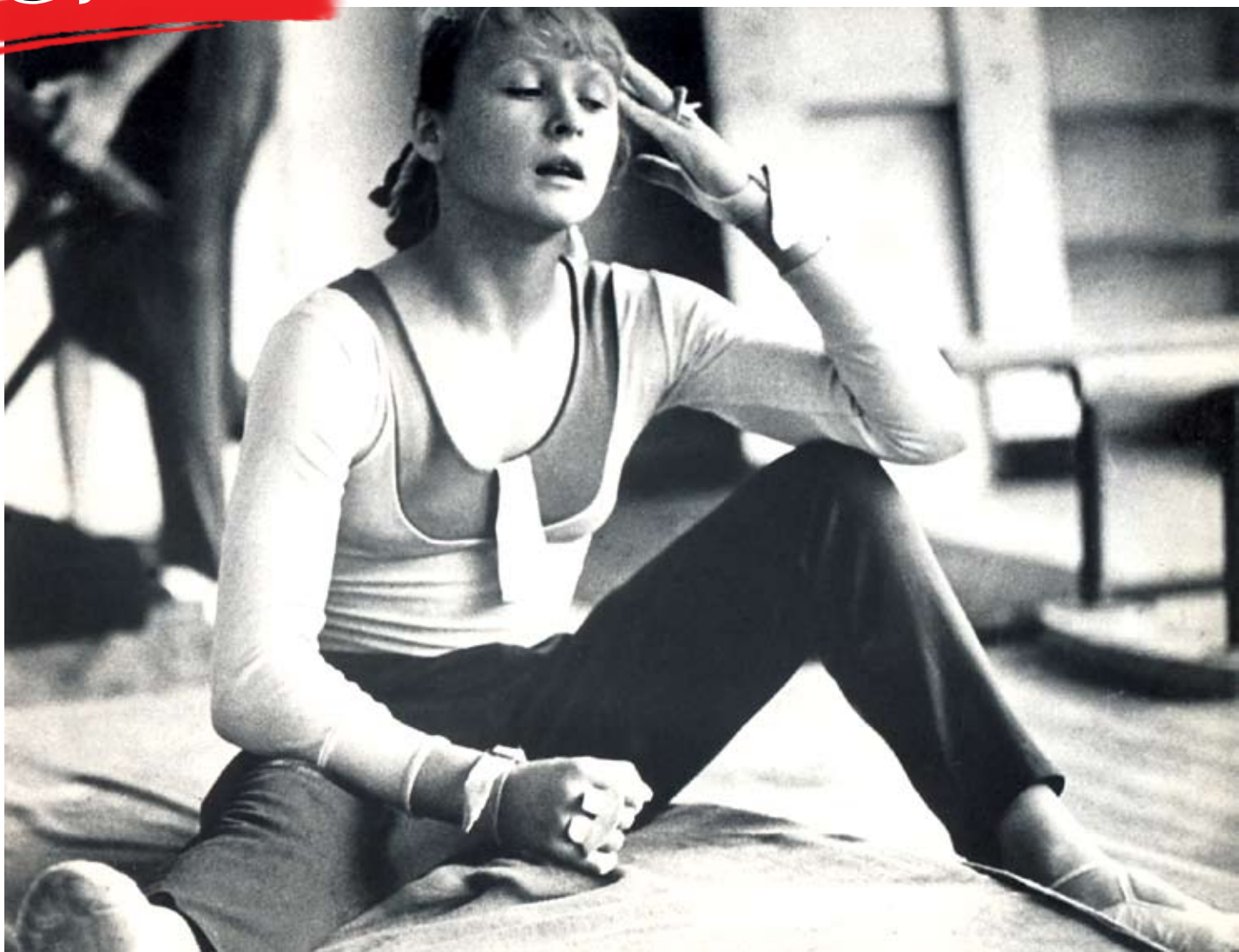
*Висни в небе, как крепость
Короглы.
Стоя века и стихов не пиши.*

Т. Табидзе

Пусть талант твой прорезался рано,
Ты стихом не стреножь свою речь.
Помни мудрый совет Тициана,
Как соблазнами пренебечь.

Не гони ты стихи вал за валом.
Негасимым Керемом горя,
Хоть один сотвори, чтоб обвалом
Громовым отозвался в горах.

Видно, прав был поэт, пророча:
Если мужества в книгах нет,
Предпочтет нам потомство
мацонщиков,
Коль сошелся на них клином свет.

МОЦАРТ ГИМНАСТИКИ

Она могла стать талисманом Мюнхенской олимпиады, изящная девочка с огромными зелеными глазами. На открытии Игр шла в первой колонне олимпийцев, рядом с трехкратным олимпийским чемпионом Александром Медведем, несшим, как пушинку, в вытянутой руке алый советский флаг. В первый день соревнований она прорвалась к гимнастическому помосту, вместе с командой ходила от снаряда к снаряду, радовалась, будто сама выступала.

В 13 лет Нина Дронова обещала стать самой молодой участницей Олимпиады, но среди соревнующихся ее не увидели. Минчанка Тоня Кошель, запасная сборной, могла о себе сказать: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Чужое несчастье. Нелепый случай – пищевое отравление в Москве – дорого обошелся Нине, когда врачи «кремлевки» боролись за молодую жизнь. В четыре часа утра, из-под капельницы, без сил, мчали ее в машину в аэропорт, к улетающей в Германию олимпийской сборной.

Людмила Турищева, Любовь Бурда, Ольга Корбут, Тамара Лазакович, Эльвира Саади, Антонина Кошель. Какое созвездие гимнастических талантов! Абсолютная чемпионка мира, две чемпионки Олимпиады в Мехико,

чемпионка Европы, победительницы международных турниров. И среди них уверенно чувствовала себя совсем юная гимнастка из Тбилиси Нина Дронова, для которой делали исключение, допуская на соревнования взрослых. Это не мое мнение – Ларисы Латыниной. Латынина в 1958-м впервые стала абсолютной чемпионкой мира. В том же году в Тбилиси родилась Нина Дронова.

Рассчитывали на нее? Безусловно, иначе не взяли бы на Олимпиаду. Старший тренер советской сборной любимица в команде не имела. Были девочки, скажет потом Латынина, которыми особенно дорожила – из-за их таланта, за божью искорку. «Помните Нину Дронову? Условий у нее для тренировок почти никаких не было, а она все равно блистала, как бриллиант. Вот ее-то я очень хотела сохранить для команды. И не съешь она этой проклятой колбасы перед Олимпиадой-72 в Мюнхене, и зазвучало бы ее имя звонко. Жаль, очень жаль, что не получилось».

Полно, Лариса Семеновна, легендарная чемпионка, обладательница девяти золотых олимпийских медалей. Вам ли было не знать, что даже не полностью восстановившаяся после отравления Дронова рвалась в бой, от

азарта у нее горели ладони, щеки. Заменявшая ее Антонина Кошель упала на брусьях и еще пару раз, и в финалы на отдельных снарядах не попала. «А наша Нина не падала», - говорит мне с гордостью Валентина Климова, которую взрослая Дронова все еще зовет мамой.

Уже живя в Атланте, Ольга Корбут, словно подтверждая свою репутацию звезды с характером, сказала: «В спорте у меня не было подруг - одни соперницы». Узнав об этом из газеты, Нина только улыбнулась: «Это потому, что Оля не жила в Тбилиси». Вся ее жизнь говорит в пользу бескорыстной дружбы. Мама, Маргарита Иосифовна, оказалась в детдоме на оккупированной территории и потом трудными дорогами добиралась до Тбилиси, где нашла свою судьбу, познакомилась с мужем, который умер слишком рано, 32 лет от роду. Осталась мать одна с тремя дочками на руках. Нина - средняя из них. В восемь лет ее приняли в ДЮСШ «Гантиади» Тбилисского авиационного завода имени Димитрова в заботливые руки заслуженные тренеры Грузии Серго Бурджанадзе и Валентина Климова, многократная чемпионка республики, увлеченная гимнастикой на всю жизнь. Через восемь месяцев прервались их занятия с новенькой, которая была чуть сильнее, гибче, прыгучее, смелее остальной малышни. Пришло большое горе в Нины дом - умер отец. Уезжая в отпуск к морю, Валентина Ивановна уговорила Маргариту Иосифовну отпустить Нину с ней - пусть отвлечется, развеется. Потом была совместная поездка в Москву, на финальные соревнования IV Спартакиады народов СССР, где девочка, замирая от восторга, смотрела все эти пируэты, бланши, прыжки-олени в исполнении знаменитых чемпионов.

У нее от природы неэластичная кисть, и ее преследовали травмы рук, а она, еще ребенком, вернувшись

домой из Москвы, тайком от тренера смогла освоить на брусьях технику дуги с поворотом на 540 градусов - «вертушку Бурды», и обыграла на соревнованиях Любу, первооткрывательницу этого сложнейшего элемента, к слову сказать, абсолютную чемпионку СССР. За внешнее сходство с мальчишкой, задиристый характер Нину прозвали Сережкой. Одухотворенность, поэзия движений, умение создавать музыку в музыке пришли к ней позже, а пока, описывая пору ученичества суперзвезды, журналисты чаще вспоминали ее детскую возню с куклами, по соседству с гимнастическими снарядами. В спортзале вместе с Климовой она готовила школьные уроки, устав от дневных треволнений, дремала у нее под мышкой, маленькая и хорошенькая, как котенок. Поздно вечером Сергей Александрович и Валентина Ивановна отводили сонную Нину домой, держа за руку - она боялась собак, но успевала заметить красивые звезды.

В 11 лет Нина стала мастером спорта, через год впервые вошла в десятку сильнейших гимнастов СССР и в десятку лучших спортсменов Грузии. И еще дважды повторила этот успех.

Влюбленный в гимнастику обозреватель «Советского спорта» Станислав Токарев писал: «Никогда и нигде в мире не было более талантливой гимнастки. Нина создана для гимнастики. Если можно было построить идеальную человеческую конструкцию - физическую и психологическую - для того, чтобы оказаться вдруг на ступень выше Латыниной и Чеславска (поймите меня правильно - я отдаю должное этим великим гимнастам), то нельзя было бы придумать ничего большего».

Трудно поверить, но это о 12-летней гимнастке, которая, устав физически и морально, в 18 лет уйдет из большого спорта, оставаясь символом вечности гармонии, добра и красоты, какой ее увидел кинорежиссер Элем Климов в фильме «Спорт, спорт, спорт» - в новелле без всякого текста, в которой средствами монтажа сопоставлены прекрасные женские лица с полотен мастеров Возрождения и удивительное, вдохновенное лицо маленькой девочки в гимнастическом купальнике - лицо Нины Дроновой. Широко раскинув руки, она выходит на ковер. Потом на экране возникают кадры дисгармоничного, уродливого в своей разорванности мрачного мира Сальвадора Дали, и снова - загадочная улыбка Джоконды, снова - улыбка современной девочки. Дроновская улыбка.

Станислав Токарев: «Без доли преувеличения я должен сказать, что этот ребенок - уникальное явление в мировой гимнастике, Моцарт гимнастики, если хотите. Ее двигательные возможности неограниченны, она на лету схватывает и усваивает технику таких элементов, которые взрослым не под силу, а главное, она уже сейчас, в свои тринадцать лет, умеет жить под музыку так, как, может быть, Наташа Кучинская и мало кто еще».

Крушение авторитетов произошло за год до начала Олимпиады-72, летом на V Спартакиаде народов СССР. Команда белорусских гимнасток победила признанных лидеров - спортсменок Украины и Москвы. Чемпионкой стала 17-летняя Тамара Лазакович из Витебска, сумев обыграть олимпийских чемпионки в Мексике - Ольгу Карасеву, Зинаиду Воронину, Ларису Петрик, Людмилу Турিশеву. Но выдающийся успех белорусской спортсменки сразу потускнел в тот же день, 17 июля, когда пришла

новость из Уфы, где по спартакиадной программе соревновались юниоры.

- Это самое выдающееся достижение Нины, - рассказывает Валентина Климова, - стоит вспомнить, что Нине было 13 лет и ее в порядке исключения допустили на соревнования (при возрастном цензе 14 лет). Выступления гимнастов на арене уфимского Дворца спорта совпали со съемками приключенческого фильма «Корона Российской империи, или Снова неуловимые» Эдмонда Кеосаяна, и съемочная группа в полном составе вместе с артистами цирка горячо поддерживала Нину. Сплошное умопомешательство на трибунах. Судьи роняли карандаши. Наша девочка в самом деле сотворила чудо, превзойдя в неофициальном зачете результат Лазакевич, ни одним движением не выдавая свою «детскость». У нее гроссмейстерская сумма в многоборье - 38,95 балла из 40 возможных. Тамара в заочном споре проиграла ей 0,285 балла. У обеих одинаковые высшие результаты в упражнениях на бревне и брусьях - по 9,65. Нина была сильнее в опорном прыжке (9,65 против 9,435 в Москве) и вольных упражнениях. В последних под гром аплодисментов исполнила поворот на 720 градусов. Судейский вердикт - 10 баллов! Подобного триумфа не знала гимнастика со времен Наташи Кучинской.

Из Уфы семиклассница тбилисской средней школы №97 уезжала в ранге абсолютной чемпионки спартакиады среди девушек, добавив к большой золотой медали высшие награды за победу на всех четырех снарядах.

И понятен небывалый интерес общественности к выступлениям Дроновой. Спортивный журналист Борис Семенов беседует с Ларисой Латыниной: «Что будет с Ниной через год, когда грянет Олимпиада?» - «Пока еще Нина ребенок. Талантливый, но все же ребенок» - «Значит, вы не возьмете ее в сборную?» - «Это для печати?» - «Да» - «Для Нины год - срок огромный. Я отвечу вам будущей весной».

Старший тренер женской сборной чего-то не договаривала. Дронова ринулась в новый бой, укрепляя свои амбиции. Месяц спустя, выступая в составе сборной страны на традиционных международных соревнованиях юных гимнастов социалистических стран в польском городе Катовице вместе с подругами по команде была первой, победила в многоборье и выиграла золото на трех снарядах. В ноябре 1971-го стала абсолютной чемпионкой на международной встрече гимнастов СССР, Японии, США, Венгрии в японском городе Нагоя, опередив по сумме многоборья Людмилу Турищеву и Ольгу Корбут, победила на трех снарядах.

Рассказывает Валентина Климова: «Предолимпийские сборы прошли в минском Дворце спорта. За десять дней до Олимпиады гимнасты переехали в столицу. Серго Бурджанадзе посадил Нину в московский поезд, а мы отбыли домой. В Тбилиси нас встретила ошеломляющая новость: «Дронова отравилась». Мы, ее тренеры, до этого не были включены в спортивную олимпийскую делегацию, это право предоставили Ларисе Латыниной и тренеру Турищевой - Славе Растороцкому. Мы все же успели к открытию Олимпиады в составе профсоюзной делегации. На параде увидели Нину в роли ассистентки знаменосца советской команды и поняли, что пролетели Олимпиаду. Это был ужасный удар!»

С годами боль не утихает. История гения и злодейс-

С Эйдзо Кэнмоцу

С Людмилой Турищевой

тва повторилась. Кто были нелюди, скормившие Нине, совсем еще ребенку, пачку изафенина? В случае тривиального пищевого отравления колбасой все бы обошлось промыванием желудка, а тут препарат проник в кровь...

На что могла рассчитывать Нина в Мюнхене, стало очевидно все в том же олимпийском году, в начале декабря, когда на турнире в Нагоя она опередила в многоборье сильнейших гимнасток мира, включая абсолютную олимпийскую чемпионку Людмилу Турищеву.

Япония, с ее культом детей и гимнастики, сравнивала Нину с веткой цветущей сакуры, называла девочкой ста тысяч надежд. Сохранились японские газеты с фотографиями Дроновой на первой полосе, словно парящей над ковром, над адресованным ей огромным транспарантом «Моцарт гимнастики». Это имя к ней тоже пристало

на годы. И Эйдзо Кэнмоцу, трехкратный олимпийский чемпион и абсолютный чемпион мира, поздравляя Нину с завоеванным кубком, осторожно держал в железной ладони ее маленькую ладошку, и другой кумир японцев – пятикратный олимпийский чемпион Мицуо Цукахару, стоя аплодировал, когда она, закончив вольные, счастливая всеобщим обожанием, крылато раскинув длинные руки, по-детски вприпрыжку сбежала с помоста.

В Лондоне, на стадионе «Уэмбли», после победы в международном турнире «Все чемпионы» 1974 года ее назовут букетом нарциссов – национальной эмблемы валлийцев – и надеждой русских на золотую олимпийскую медаль в Монреале. «Она идет по счастливым следам

туры, она пришла тренером-хореографом в свою призывную школу гимнастики и десять лет обучала детей. Победительница крупнейших турниров, мастер спорта международного класса, осталась уникальным явлением в мировой гимнастике, а заслуженным мастером спорта так и не стала – поспешили чиновники от спорта.

Личная жизнь ее складывалась удачно, вышла замуж за выпускника Московского института пищевой промышленности Геннадия Джамаспишвили. Их дочь Наташа – выпускница Государственного медицинского университета, лечащий врач тбилисского роддома N5 и крестница ее лучшей подруги, чемпионки мира Русудан

Похищение Европы. Нью-Йорк. 2006 г.

маленькой Ольги», - сообщил репортер «Дейли экспресс», забыв, что «маленькая» Корбут на три года старше Дроновой.

«Какой-то злой рок меня преследовал, - говорит Нина. - Я одна во всем виновата – ленилась, не сделала, что могла. Бог дал мне талант, а не сказал, как им распорядиться. Все давалось слишком легко, мне бы больше серьезности, старательности, как у Турищевой. Но в молодости кажется, что праздник никогда не кончится».

Услышав откровение чемпионки мира 1974 года, одной из самых лиричных гимнасток, я мысленно содрогнулся. На вопрос, сколько раз она была чемпионкой страны среди девушек, отвечает: «Много. Особенно на брусьях и в вольных упражнениях. Я даже сбилась со счета».

Окончив Грузинский институт физической куль-

туры, она пришла тренером-хореографом в свою призывную школу гимнастики и десять лет обучала детей. Победительница крупнейших турниров, мастер спорта международного класса, осталась уникальным явлением в мировой гимнастике, а заслуженным мастером спорта так и не стала – поспешили чиновники от спорта.

Личная жизнь ее складывалась удачно, вышла замуж за выпускника Московского института пищевой промышленности Геннадия Джамаспишвили. Их дочь Наташа – выпускница Государственного медицинского университета, лечащий врач тбилисского роддома N5 и крестница ее лучшей подруги, чемпионки мира Русудан

туры, она пришла тренером-хореографом в свою призывную школу гимнастики и десять лет обучала детей. Победительница крупнейших турниров, мастер спорта международного класса, осталась уникальным явлением в мировой гимнастике, а заслуженным мастером спорта так и не стала – поспешили чиновники от спорта.

Личная жизнь ее складывалась удачно, вышла замуж за выпускника Московского института пищевой промышленности Геннадия Джамаспишвили. Их дочь Наташа – выпускница Государственного медицинского университета, лечащий врач тбилисского роддома N5 и крестница ее лучшей подруги, чемпионки мира Русудан

Мощаром гимнастики называли Нину Дронову.

АРСЕН ЕРЕМЯН

ОТ БАЙРОНА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Первой жертвой постсоветского лихолетья стал альманах русскоязычных авторов «Дом под чинарами». Затем, несколько лет пытаясь удержаться на плаву, в конце концов приказал долго жить и журнал «Литературная Грузия», на страницах которого читатели находили произведения Мандельштама и Гумилева, Высоцкого и Ахмадулиной...

И все-таки гвардия умирала, но не сдавалась. Время от времени благодаря энтузиастам-подвижникам выходили или продолжают выходить в свет литературно-художественные сборники на русском языке.

И вот, наконец, при содействии Посольства Российской Федерации в Грузии, представительства Росзарубежцентра и Кавказского института демократии Ассоциация русскоязычных журналистов Грузии стала выпускать в полугодие раз многопрофильный альманах русскоязычных авторов «На холмах Грузии», где отводится место и прозе, и поэзии, и драматургии, и литературоведческим статьям, и эссеистике.

В Союзе писателей Грузии состоялась презентация третьего номера альманаха, интернет-сайт которого <http://kholmy-gruzii.klamurke.com> появился недавно стараниями живущего в Тбилиси писателя из Люксембурга Раймонда Цоллера, начавшего писать, кроме немецкого, и на русском языке. В его коротких рас-

сказах чувствуется привкус современной западноевропейской литературы.

- Отличие третьего номера от его предшественников в том, что многие авторы предстали в новых ипостасях, - рассказывает редактор альманаха Михаил Айдинов. - Так, поэт Владимир Саришвили дебютировал в качестве драматурга, автора пьесы «Тирза», в которой рассказывается подлинная история грузинской девочки, похищенной, проданной в рабство и выкупленной лордом Байроном. Честь воскрешения этого драматического эпизода из биографии

Байрона принадлежит директору тбилисской Байроновской школы Инессе Мерабишвили. Будучи в Лондоне, она заручилась официальным подтверждением потомков Байрона в том, что это подлинный случай из

жизни их великого предка. Может возникнуть вопрос, почему эта история столько лет оставалась белым пятном в байроноведении? Дело в том, что один из друзей и душеприказчиков Байрона сжег ту часть из завещанных ему писем, в которых прямо или косвенно он оказывался в неприглядном свете. Именно в сожженных письмах и рассказывалась история девочки-грузинки. Более подробно об этом можно прочитать в книге Инессы Мерабишвили «Байрон по-грузински», изданной Байроновским обществом Грузии в 2002 году. Это имеет дополнительную историческую ценность, поскольку тема «Байрон и Грузия» до сих пор не нашла своего исследователя. В альманахе представлена также новая пьеса Александра Мейпариани - ремикс на тему гоголевского «Ревизора». Неоднозначную читательскую реакцию вызовет повесть поэта Натальи Селезневой «Бойся, я Бог», в которой звучат мотивы «Мастера и Маргариты» и «Альгиста Данилова».

Состоялся еще один прозаический дебют. Елена Черняева выступила с циклом рассказов. Инга Гаручава представлена в альманахе подборкой стихотворений. Но грузинскому и российскому зрителю она более известна как драматург, создавшая в творческом альянсе с супругом Петром Хотяновским ряд пьес, увидевших сцену в тбилисских театрах, а также в Москве в «Современнике» и ЦТРА, где сейчас ставится пьеса «Капитолийская волчица» с Людмилой Чурсиной в главной роли. Подборку поэзии и графики представила Виктория Попова. В альманахе вошли также стихотворения Эльфы Голубятниковой, Тамары Константиновской, Людмилы Красильниковой, Галины Федотовой. Георгий Кевлишвили подготовил цикл переводов грузинских поэтов начала XX века из объединения «Голубые роги» и современных авторов.

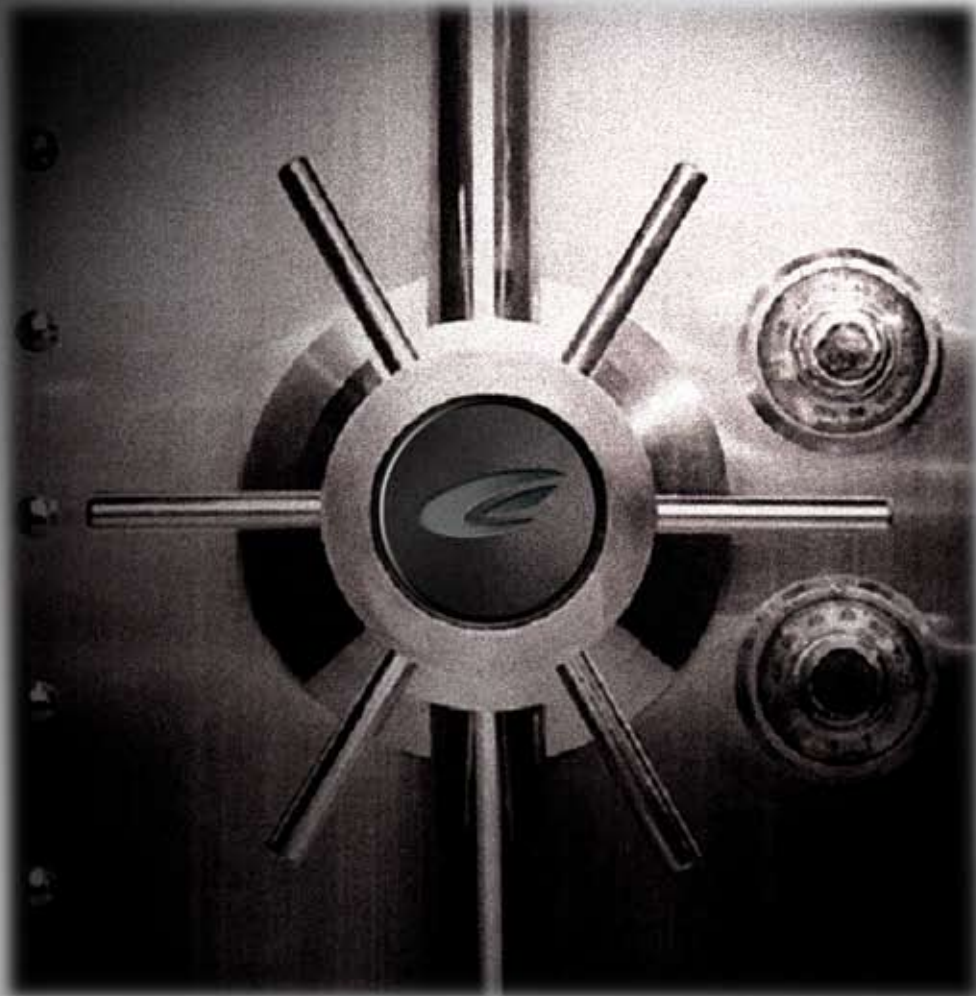
Рубрика «Литературоведение» представлена статьей Михаила Ананова о мистических мотивах в творчестве Пушкина и публикацией профессора ТГУ Вано Ментешашвили «Наполеон в русской поэзии XIX века». Дань памяти безвременно ушедшему из жизни Александру Котетишвили редакция отдала, опубликовав главы из его последнего романа «Овечий пантеон».

Многие авторы выступили на презентации в Союзе писателей. Вечер открыл актер Грибоедовского театра Дмитрий Спорышев, прочитавший стихотворение Пушкина «На холмах Грузии» под аккомпанемент Натальи Кочетковой.

Звучали бардовские песни в сопровождении гитары Ирины Парошиной, а также Дмитрия Лоскутова. Среди приглашенных на презентацию гостей были советники-посланники посольства Армении Юрий Петросян и посольства Литвы Викторас Дагилис, третий секретарь посольства Российской Федерации Зарина Габиева, государственный министр Грузии по гражданской интеграции Зинаида Бестаева. С приветственным словом выступили советник посольства РФ в Грузии Василий Корчмарь, председатель Союза грузино-русской дружбы Вахтанг Гогуадзе, председатель Ассоциации русскоязычных писателей Грузии Михаил Размадзе. На презентации присутствовали также представители русской, армянской, греческой, болгарской, еврейской, немецкой, чешской, абхазской, осетинской, курдской диаспор, руководители творческих союзов.

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

 ბანკი ქართვ
CARTU BANK

СЛОВО О ДРУГЕ

Говорить об этом человеке в прошедшем времени очень больно и трудно. Народная артистка Грузии, кавалер Ордена Чести Татьяна Малышева полвека отдала служению оперному искусству.

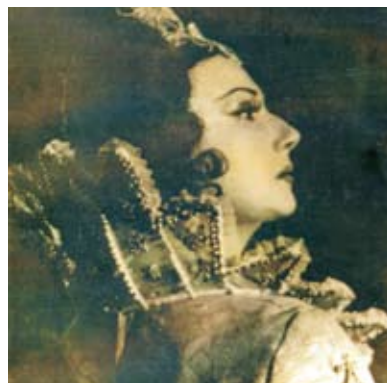
Коренная москвичка, воспитанница Нью-Йоркской музыкальной академии и Московской консерватории, она по приглашению директора Тбилисского оперного театра Дмитрия Сергеевича Мchedлидзе приехала в Грузию, навсегда связав свою жизнь и творческую деятельность с солнечным Тбилиси, обретя здесь свою вторую родину. За годы работы в Тбилисском оперном театре Татьяна Малышева исполнила все ведущие меццо-сопрановые партии репертуара: Кармен, Амнерис, Азучена, Ортруда, Любаша, Жанна д'Арк, Дареджан и другие, успешно выступала с гастрольями в Большом театре в Москве, Санкт-Петербурге, других городах бывшего СССР, много гастролеровала за рубежом.

Годы творческой работы, встречи с интересными людьми. Премьеры спектаклей, камерные концерты.

В 2000 году Центр российской культуры в Грузии выпустил книгу «Моя Кармен» Татьяны Малышевой – летопись оперного театра Грузии за почти полувековой отрезок времени. Но самое главное в книге – это любовь и увлеченность вокальным искусством, своей профессией, чувство признательности и любви к коллегам и друзьям по театру.

25 мая 1999 года Центр российской культуры в Грузии устроил творческий вечер Татьяны Казимировны, вызвавший большой интерес музыкальной и театральной общественности Тбилиси.

Украшением вечера была сама певица, сохранившая яркую артистическую внешность и голос. Она много пела классические арии, старинные грузинские и русские романсы и песни, вызвав горячие аплодис-

менты слушателей. Певицу приветствовали – кто словом, а кто музыкой – друзья, коллеги, молодежь.

Народный артист Грузии Нодар Андгуладзе посвятил своей первой Кармен исполнение романсов. Было много цветов, теплых слов и щемящих воспоминаний о прошлом, навсегда ушедших замечательных людях, певцах, артистах. Доцент театрального института Цисана Какабадзе, сестра известного певца Резо Какабадзе, очень взволнованно обратилась тогда к Татьяне Казимировне со словами большой благодарности за дружбу, за партнерство с братом, за человеколюбие и закончила выступление словами: «Танечка, наша хорошая, красивая, талантливая...»

Мы же закончим эту страницу ПАМЯТИ словами: спасибо, Таня, что ты была на этом свете!

Из Москвы:

А. Шенгелая, Е. Байковский, Е. Килосанидзе, Н. Артуновская, Э. Кухалейшвили, Л. Крылова, И. Квижинадзе, М. Злотолинская, Н. Плотникова, Т. Ельчанинова, А. Смиранин

Из Тбилиси:

Н. Андгуладзе, Ц. Какабадзе, М. Ахметели, Н. Мкервалидзе, Н. Бурмистрова, Т. Белоусова, Н. Свентицкий, А. Варсимашвили, Л. Артемова, В. Харютченко, Л. Джаши

გაერთიანებული ქართული ბანკი
UNITED GEORGIAN BANK

Address: 14 Chanturia Str. Tbilisi, 0102 Georgia
Telephone: (+ 995 32) 505-505
Fax: (+ 995 32) 505-500
E-mail: admin@ugb.com.ge
Internet: www.ugb.ge

Искренне Ваш

Регулярные рейсы в 90 городов 42 стран мира

**ЦЕНТР ИНФОРМАЦИИ И БРОНИРОВАНИЯ АВИАБИЛЕТОВ -
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ТБИЛИСИ:**

УЛ. САБУРТАЛИНСКАЯ №8, ТЕЛ. 94-38-96; 37-21-11